

ISSN 2074-9848  
e-ISSN 2310-0532



# БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН

---

BALTIJSKIJ REGION

2022 || Том 14 || № 3

КАЛИНИНГРАД

Издательство Балтийского  
федерального университета  
им. И. Канта

2022

Калининград :  
Изд-во БФУ  
им. И. Канта, 2022.  
180 с.

Журнал основан  
в 2009 году

**Периодичность:**  
ежеквартально  
на русском  
и английском языках

**Учредители:**  
Балтийский  
федеральный  
университет  
им. Иммануила Канта  
Санкт-Петербургский  
государственный  
университет

**Редакция**  
Адрес: 236016, Россия,  
Калининград,  
ул. А. Невского, 14

**Издатель**  
Адрес: 236001, Россия,  
Калининград,  
ул. Гайдара, 6

**Типография**  
Адрес: 236001, Россия,  
Калининград,  
ул. Гайдара, 6

**Выпускающий редактор:**  
Кузнецова  
Татьяна Юрьевна  
tikuznetsova@kantiana.ru  
www.journals.kantiana.ru

© БФУ им. И. Канта, 2022

### Редакционная коллегия

**А. П. Клемешев**, д-р полит. наук, проф., главный редактор, БФУ им. И. Канта (Россия); **Г. М. Федоров**, д-р геогр. наук, проф., зам. главного редактора, БФУ им. И. Канта (Россия); **Й. фон Браун**, проф., Боннский университет (Германия); **И. М. Бусыгина**, д-р полит. наук, проф., МГИМО (У) МИД РФ (Россия); **В. В. Воронов**, д-р социол. наук, Даугавпилсский университет (Латвия); **А. Г. Дружинин**, д-р геогр. наук, проф., ЮФУ (Россия); **М. В. Ильин**, д-р полит. наук, проф., МГИМО (У) МИД РФ (Россия); **П. Йонниеми**, старший научный сотрудник, Университет Восточной Финляндии (Финляндия); **Н. В. Каледин**, канд. геогр. наук, доц., СПбГУ (Россия); **В. А. Колосов**, д-р геогр. наук, проф., Институт географии РАН (Россия); **Г. В. Кретинин**, д-р ист. наук, проф., БФУ им. И. Канта (Россия); **Ф. Лебарон**, проф. социологии, Высшая нормальная школа Париж-Сакле (Франция); **В. А. Мау**, д-р экон. наук, проф., РАНХиГС (Россия); **Н. М. Межевич**, д-р экон. наук, проф., Институт Европы РАН (Россия); **А. Ю. Мельвиль**, д-р филос. наук, проф., НИУ — ВШЭ (Россия); **П. Оппенхаймер**, проф., Крайст-Чёрч, Оксфордский университет (Великобритания); **Т. Пальмовский**, д-р географии, проф., Гданьский университет (Польша); **А. А. Сергунин**, д-р полит. наук, проф., СПбГУ (Россия); **Э. Спиряевас**, д-р географии, проф., Клайпедский университет (Литва); **К. К. Худолей**, д-р ист. наук, проф., СПбГУ (Россия); **А. Е. Шаститко**, д-р экон. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова (Россия); **Д. Шиманска**, д-р географии, проф., Университет Николая Коперника в Торуне (Польша)

Подписной индекс 32249

Тираж 300 экз.

Дата выхода в свет 09.09.2022 г.

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-46309

от 26 августа 2011 г.

## **СОДЕРЖАНИЕ**

---

### **Экономическая география**

*Мартынов В. Л., Субетто Д. А., Брылкин В. В., Греков И. М., Кублицкий Ю. А., Орлов А. В., Сазонова И. Е., Соколова Н. В.* К вопросу о существовании «пути из варяг в греки» ..... 4

*Аксёнов К. Э., Красковская О. В., Ренни Ф. М.* Пространственная организация новых форм онлайн-торговли продуктами питания и готовой едой в крупном российском городе ..... 28

### **Международные отношения**

*Мусаев В. И.* «Польский вопрос» в Литве и проблемы польско-литовских отношений на рубеже столетий ..... 49

*Зверев Ю. М., Межевич Н. М.* Республика Беларусь и Калининградская область России как субрегиональный комплекс безопасности ..... 64

### **Общество**

*Балакина Ю. В.* Пандемия COVID-19 в Германии: информационные кампании, медиа, общество ..... 83

*Волошенко К. Ю., Лялина А. В.* Привлекательность Калининградской области: факторы притяжения и причины разочарования мигрантов из регионов России 102

*Поляков С. И.* Стили жизни калининградской молодежи ..... 129

*Манкевич Д. В.* Процессы демографического развития в истории Калининградской области: общероссийские тенденции и региональная специфика ..... 145

### **Данные в науке**

*Пекер И. Ю.* Динамика значений компонентов научно-технического потенциала регионов Российской Федерации ..... 165

## К ВОПРОСУ О СУЩЕСТВОВАНИИ «ПУТИ ИЗ ВАРЯГ В ГРЕКИ»

**В. Л. Мартынов**  
**Д. А. Субетто**  
**В. В. Брылкин**  
**И. М. Греков**  
**Ю. А. Кублицкий**  
**А. В. Орлов**  
**И. Е. Сазонова**  
**Н. В. Соколова**

---

Российский государственный педагогический  
университет им. А. И. Герцена  
191186, Россия, Санкт-Петербург,  
Набережная реки Мойки, 48

Поступила в редакцию 01.06.2022 г.  
doi: 10.5922/2079-8555-2022-3-1

© Мартынов В. Л., Субетто Д. А., Брылкин В. В.,  
Греков И. М., Кублицкий Ю. А., Орлов А. В.,  
Сазонова И. Е., Соколова Н. В., 2022

«Путь из варяг в греки» широко известен и часто упоминается в научной, научно-популярной и учебной литературе. Гораздо реже говорится о том, что существование этого пути подвергается серьезным сомнениям и нуждается в дополнительных доказательствах. Дискуссия о возможности существования «пути из варяг в греки» обострилась в последние десятилетия. Однако ведется эта дискуссия в основном представителями исторической науки с опорой на летописные, архивные, литературные источники. Географические исследования по трассе этого пути осуществлялись на небольших территориях и в ограниченном объеме, но только они могут дать окончательный ответ на вопрос о том, было ли вообще возможным перемещение по рекам Восточно-Европейской равнины между Балтийским и Черным морями примерно в VIII—XI веках от РХ. Особое значение имеют такого рода исследования на водоразделах, представляющих собой «ключевые участки» этого пути. Если водоразделы были преодолимы, то «путь из варяг в греки» был проходим. Непреодолимость водоразделов однозначно опровергает возможность сообщения по этому пути. Методология исследования определялась преимущественным использованием методов и подходов, используемых в полевых физико-географических исследованиях, которые на водораздельных участках «пути из варяг в греки» ранее не проводились. Главным результатом исследования является реконструкция гидрологических особенностей и гидрографической обстановки на водоразделе бассейнов Невы (р. Ловать) и Западной Двины (р. Усвяча) на время существования «пути из варяг в греки». Исходя из этой реконструкции, непосредственного изучения водораздельных территорий, системы наземных путей сообщения, топонимических особенностей данной территории, можно однозначно утверждать, что «путь из варяг в греки», или Балтийско-Черноморский водный путь, мог существовать.

---

**Для цитирования:** Мартынов В. Л., Субетто Д. А., Брылкин В. В., Греков И. М., Кублицкий Ю. А., Орлов А. В., Сазонова И. Е., Соколова Н. В. К вопросу о существовании «пути из варяг в греки» // Балтийский регион. 2022. Т. 14, № 3. С. 4–27. doi: 10.5922/2079-8555-2022-3-1.

**Ключевые слова:**

«Путь из варяг в греки», историческая география, реки, озера, водоразделы, донные отложения, гидрология, топонимика

**Введение**

*Цель исследования* — выявление гидрологических условий и гидрографических особенностей водоемов и водотоков на водораздельных участках «пути из варяг в греки». «Путь из варяг в греки» — одна из главных составляющих полулегендарного становления русской государственности. Часто утверждается, что первое русское государство, Киевская Русь, сложилось из территорий, примыкавших к этому пути. Наиболее часто рассматриваемой в разных источниках его трассой является следующая: Балтийское море — р. Нева — Ладожское озеро — р. Волхов — р. Ловать — волок между Ловатью и Усвячей — р. Усвяча — р. Западная Двина — р. Каспля — волок между бассейнами Западной Двины и Днепра — р. Катынь — р. Днепр — Черное море.

*Объект исследования* — водоразделы бассейнов Невы (р. Ловать) и Западной Двины (р. Усвяча), а также Западной Двины (р. Каспля) и Днепра (р. Катынь). Основное внимание в ходе исследования уделялось Усвятскому волоку, предположительно соединявшему р. Ловать и Усвяча, поскольку именно он был ключевым водораздельным участком этого пути.

*Актуальность исследования* определяется тем, что в последние десятилетия обострилась дискуссия как о самом факте существования «пути из варяг в греки», так и об особенностях плавания по нему. Ответ на вопрос о существовании этого пути имеет не только чисто научное, но и «мировоззренческое» значение, связанное с проблемой формирования восточнославянских народов. Если этот путь существовал и соединял между собой славянские земли на Восточно-Европейской равнине, то можно полагать, что начальный период истории русских, украинцев и белорусов был общим. Если же этого пути не было, то этногенез этих народов изначально происходил независимо друг от друга.

**Обзор литературы**

Как противники, так и сторонники существования «пути из варяг в греки» в своих спорах опираются главным образом на летописные и литературные источники, аргументируя свою позицию тем, какие географические объекты в них упоминаются или не упоминаются. Поскольку разного рода источников существует много, с помощью «правильного» их подбора легко доказывается то, что каждый автор хочет доказать. Так, кандидат философских наук П. И. Федотова утверждает следующее: «Что касается непрекращающихся настойчивых попыток доказать существование придуманного историками скандинаво-греческого пути, то они лишь уводят науку в сторону от изучения реальных торгово-транспортных коммуникаций, проходивших в древности по территории Восточной Европы» [1, с. 127]. Аннотация к статье П. И. Федотовой утверждает, что «никогда не существовало торговой водно-континентальной магистрали из Скандинавии в Византию через территорию Восточной Европы. Этот путь представляет собой заведомый вымысел историков-норманистов» [1, с. 111]. В более подробной статье, опубликованной в 2020 году в «платном» электронном журнале «Евразийский союз ученых», П. И. Федотова оценивает возможность существования «пути из варяг в греки» еще критичнее [2]. Правда, столь радикально настроенный исследователь, специалист в области философии лично не изучала вероятную трассу этого пути, насколько можно судить по текстам статей, даже «дистанционно», опираясь только на исторические документы и труды своих предшественников.

Однако полное отрицание «пути из варяг в греки» приводит к тому, что объяснить существование протягивающейся вдоль его вероятной трассы цепочки первых русских городов (Ладога, Великий Новгород, Полоцк, Гнездов, Киев и др.) становится весьма затруднительным. Кроме этого совершенно непонятно, с какой целью новгородский князь Олег в 882 году захватил Киев и перенес туда столицу своего государства [3] — при отсутствии путей между Новгородом и Киевом это было и невозможно, и бессмысленно.

Авторы вышедшего в 2018 году фундаментального труда по исторической географии путей сообщения раннесредневековой Восточной Европы «Древняя Русь в системе евразийских коммуникаций IX—X веков» И. Г. Коновалова и Е. А. Мельникова о существовании «пути из варяг в греки» в первой части своей работы («Формирование сети евразийских коммуникаций VII—X веков») вообще не упоминают, но при этом в разделе, посвященном выделяемому ими Западнодвинскому пути, утверждают следующее: «...Прослеживаются вполне определенные ранние связи Витебского Подвинья с Балтийско-Волжским, а позднее и с Днепровским путями» [4, с. 106]. Однако наличие «ранних связей» бассейна Западной Двины с Балтийско-Волжским путем, возможных главным образом через р. Усвячу и Ловать, и более поздних, по мнению этих ученых, связей западнодвинского бассейна с бассейном Днепра как раз и представляет собой «путь из варяг в греки» в его «каноническом» виде, пусть и не называющийся именно так. При этом во второй части книги, озаглавленной «Евразийская система коммуникаций на ментальных картах», «путь из варяг в греки» характеризуется очень подробно.

Очевидно, что «путь из варяг в греки» — условное название, и совершенно необязательно по нему перемещались только либо варяги, либо греки. Более того, само слово «варяги» начинает использоваться в XI веке [5—7], когда легендарный путь уже сходил на нет, а источники VIII—X веков для обозначения тех же скандинавских народов используют слово «рос» и «рус». Восточнославянские, финские и балтийские племена, через земли которых проходил этот путь, со всей очевидностью не были ни варягами, ни греками, но именно для них он имел наибольшее значение. Вследствие этого обычное для противников существования «пути из варяг в греки» утверждение о том, что на этом пути очень немного варяжского и почти совсем нет греческого, вряд ли может безоговорочно свидетельствовать о том, что «пути из варяг в греки» не было. Достаточно того, что вдоль всей вероятной трассы пути присутствуют следы контактов местного населения и тех, кто по этому пути проходил [8]. Следует отметить также, что археологические находки, свидетельствующие об очень широком охвате системы торгово-экономических связей европейского раннего Средневековья, обнаруживаются все чаще. Так, в 2022 году было выявлено, что значительная часть изделий из моржовой кости, обнаруженных при раскопках раннесредневекового Киева, местом происхождения имеет Гренландию [9].

Связывать же «путь из варяг в греки» с «призванием варягов», как это часто делается, совершенно бессмысленно — какие бы то ни было первоисточники не содержат упоминаний о связи «призвания варягов» и «пути из варяг в греки», оба этих названия появились через столетия после начала княжения Рюрика и существования вышеупомянутого пути. Связали их сами же ученые-историки, после чего развернули вокруг этой совершенно нереальной связи бурную дискуссию «норманистов» и «антинорманистов».

Наиболее крупным историко-географическим трудом, где существование «пути из варяг в греки» признается одним из ведущих факторов формирования первого русского государства, Киевской Руси, является книга В. И. Паранина «Историческая география летописной Руси», вышедшая небольшим тиражом в Петрозаводске в 1990 году «за счет средств автора» и к настоящему времени представляю-

щая собой библиографическую редкость [10]. Далеко не со всеми утверждениями В. И. Паранина, изложенными в этой книге, можно согласиться, но речные пути, послужившие основой для возникновения Киевской Руси, в том числе «путь из варяг в греки», им описаны очень подробно.

Однако в изучении «пути из варяг в греки» ведущую роль играли и играют не географы, а историки. Существование «пути из варяг в греки» не вызывает сомнений у В. М. Горюновой, занимающейся раскопкам Городка-на-Ловати, располагавшегося в верхнем течении этой реки. Если бы этого пути не существовало, то предположить, в связи с чем исследуемый В. М. Горюновой Городок-на-Ловати, предшественник Великих Лук, вообще мог возникнуть, очень сложно. Раскопки, проведенные в Городке-на-Ловати, позволяют утверждать, что конец существования «пути из варяг в греки» приходится на начало XI века [11]. До этого времени Городок-на-Ловати, по утверждению В. М. Горюновой, выполняет главным образом торговые и ремесленные функции, после этого, пережив большой пожар, превращается в феодальное поселение и в качестве такового продолжает существовать до XIII века, когда исчезает. Более поздний по времени возникновения город Великие Луки был основан уже в качестве новгородской крепости на границе новгородских и полоцких, затем литовских владений.

Примерно в это же время (конец X — начало XI века от РХ) начинается постепенный распад Киевской Руси на отдельные государства, что также свидетельствует о снижении мощности политических и экономических связей по «пути из варяг в греки». Так, в бассейне Западной Двины образуется Полоцкое княжество [12].

«Путь из варяг в греки» в качестве пространственной основы раннесредневековой русской государственности определяет и белорусский ученый Я. Г. Риер [13]. Украинский историк С. Хведченя очень подробно рассматривает в своих трудах вопросы функционирования этого пути на территории современной Украины [14]. «Путь из варяг в греки» и его влияние на развитие как русских земель, так и скандинавских стран рассматривались и зарубежными исследователями [15—18].

Разные авторы предлагают разные «модели» «пути из варяг в греки», основываясь на подобранных ими соответствующим образом источниках, и результаты использования этих «моделей» оказываются зачастую совершенно неожиданными — например, А. М. Микляев утверждал, что «путь из варяг в греки» существовал, но использовался в зимнее время [19]. Вопрос о том, как одевались, где останавливались на ночлег и что ели люди, перемещавшиеся зимой, да еще и перевозя грузы, по практически незаселенному в то время северо-западу современной России, при этом не поднимается.

Следует признать, что осуществлявшиеся сторонниками существования этого пути проходы по «пути из варяг в греки» или его частям на туристских байдарках, маломерных гребных или моторных судах, а также копиях судов времен пути (см., например [20; 21]) не дали и не могли дать подтверждения его существования. Эти, безусловно, очень интересные со спортивной точки зрения мероприятия, к сожалению, совершенно бесполезны в поисках ответа на вопрос, был ли примерно тысячу лет назад «путь из варяг в греки», поскольку проводились они в современных гидрологических и гидрографических условиях, а не в тех, которые были за тысячелетие до этого. При этом почти ни одной из многочисленных экспедиций, отправлявшихся покорять «путь из варяг в греки», не удавалось преодолеть водоразделы перетаскиванием через них судов или хотя бы грузов. Через водораздел суда, грузы и люди перевозились обычно на автомобилях, что сводит к нулю научную ценность такого рода экспедиций.

Археологические исследования, проводившиеся в районах, примыкающих к рекам, по которым проходил «путь из варяг в греки», очень много могут сказать о

людях и народах, которые населяли эти территории сотни и тысячи лет тому назад, но крайне мало — о возможности существования самого пути. Археологи изучают главным образом объекты, расположенные на суше. Все, что связано с водными объектами (реками, озерами и даже болотами), ими исследуется в меньшей степени. Исключениями являются случаи снижения уровня воды настолько, что обнажаются донные отложения и становятся заметными объекты на дне озера (в исследуемом регионе такого рода работы проводились на оз. Сенница<sup>1</sup>). На всех картах, составленных по итогам археологических раскопок в этих местах, воспроизводятся очертания современной гидрографической сети (см., например [22]). Однако во время вероятного существования «пути из варяг в греки» эта сеть, очевидно, была иной — где-то сходной с нынешней, а местами совершенно на нее не похожей. Это объясняется как воздействием климатических факторов, которые археологи в меру своих сил пытаются осознать, так и совершенно неизвестными им особенностями движения земной коры, в частности изостазией.

На некоторых участках «пути из варяг в греки» проводились экспедиционные геоэкологические исследования [23], но в ходе этих исследований изучались главным образом вопросы современного состояния водоемов и водотоков, а также прилегающей к ним территории.

Таким образом, для ответа на вопрос о существовании «пути из варяг в греки» крайне важным представляются палеогеографические исследования. Такого рода исследования на отдельных участках «пути из варяг в греки» проводились, но на небольших территориях, в частности в низовьях р. Мста, и в ограниченном объеме [22].

Современные методы полевых физико-географических исследований позволяют достигать принципиально новых результатов в сравнении с теми методами, которые использовались до 90-х годов XX века, и их возможности в данном случае наиболее целесообразно использовать на водораздельных территориях — там, где проходили волоки, бывшие узловыми участками водных путей, соединявших реки различных бассейнов [24]. Какая бы модель «пути из варяг в греки» не принималась теми или иными исследователями, ключевым вопросом в ней был вопрос водоразделов, особенно водораздела р. Ловати и Усвячи.

Безусловно, такого рода исследования не могут дать ответ на вопрос, проходили ли те или иные пути через данные водоразделы, но с их помощью можно установить, было ли это движение вообще возможным. Если возможность передвижения через волоки существовала, то исследователям, принадлежащим к другим наукам, например археологам, есть смысл обратить на эти волоки особое внимание, поскольку, скорее всего, они использовались для движения судов, людей и грузов. Если же однозначно можно установить, что движение по водораздельным участкам примерно тысячу лет назад было невозможным, то ни о каких водных путях даже говорить не стоит.

## Методология и методика

Основным методом, применявшимся в ходе исследования, был полевой. Проведен отбор кернов донных отложений на четырех озерах, расположенных на водоразделе Ловати и Усвячи (Сиверст, Ордосно, Усвятское), а также Каспли и Катynки (оз. Каспля) (рис. 1).

<sup>1</sup> Подводные и наземные исследования на озере Сенница в Псковской области, 2018, Фонд «История Отечества», URL: <https://fond.historyrussia.org/arkheologicheskie-ekspeditsii-i-issledovaniya/podvodnye-i-nazemnye-issledovaniya-na-ozere-sennitsa-v-pskovskoj-oblasti.html> (дата обращения: 17.05.2022).



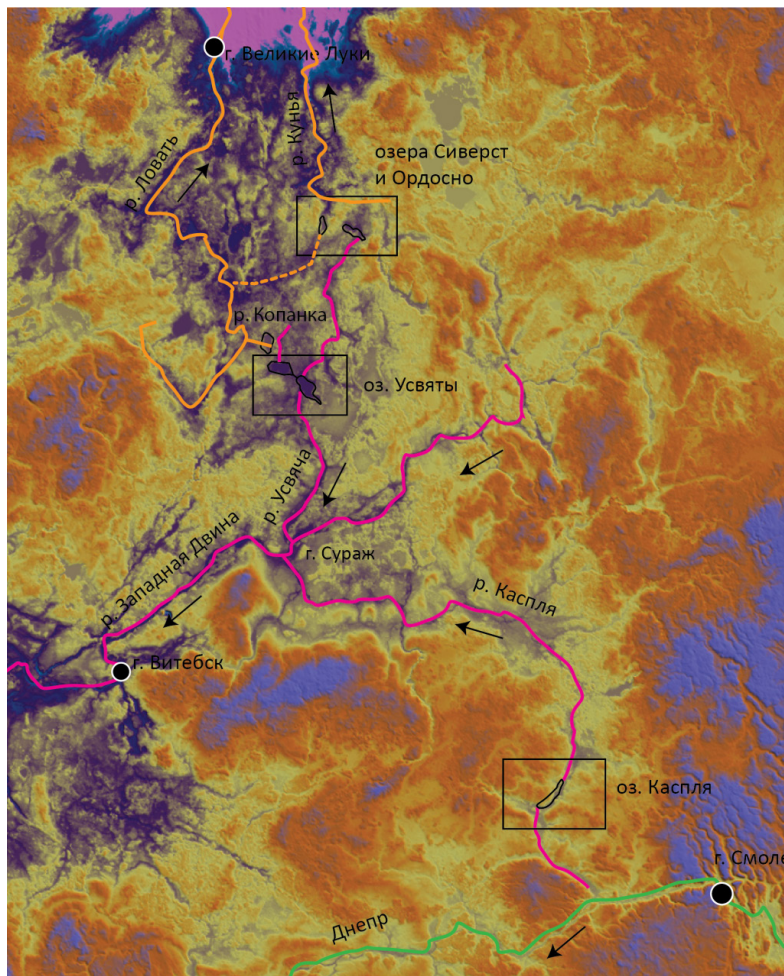


Рис. 1. Район исследований с обозначением гидрографической сети и объектов исследования

На всех этих озерах проведены батиметрические работы, в ходе которых обнаружилось несовпадение реальных данных с теми, которые приводятся в различных источниках, в том числе научных. Проведена аэрофотосъемка Усвяцкого озера и примыкающих к нему территорий с помощью беспилотного летательного аппарата в осеннее и весеннее время. Осуществлено исследование котловины Усвяцкого озера с помощью георадара. Изучены возможные пути преодоления водораздела между р. Ловатью и бассейном р. Усвяча (оз. Ужанье), в результате также были обнаружены значительные расхождения того, что существует в действительности, и того, что описывается в источниках, в том числе и в тех, которые выдаются за материалы полевых исследований. Исследована долина р. Усвяча от Усвяцкого озера (Псковская область, Россия) до ее впадения в Западную Двину неподалеку от пос. Сураж (Витебская область, Белоруссия). Кроме этого изучалась местная топонимика и экзистические характеристики отдельных населенных пунктов.

Аналитические методы исследования применялись для анализа проб донных отложений, собранных в ходе экспедиционных исследований. Этих данных достаточно для того, чтобы описать и в значительной мере систематизировать сведения, полученные в ходе полевых работ.

## Основные результаты

*Анализ донных отложений.* Предварительный анализ донных отложений оз. Сиверст, Ордосно, Усвятского и Каспли свидетельствует о том, что все эти озера имеют ледниковое происхождение и сформировались при отступлении валдайского оледенения около двадцати тысяч лет назад. Рельеф водораздельных территорий здесь в целом сложился в результате деятельности водно-ледниковых потоков у края максимального распространения валдайского оледенения, что и обусловило своеобразие невско-западнодвинского водораздела. Так, р. Ловать и Усвяча на протяжении десятков километров текут параллельно друг другу, но в разных направлениях, водораздел же представляет собой чередование небольших верховых болот и слабо выраженных песчаных возвышенностей, вытянутых в меридиональном направлении.

Эти озера существуют на протяжении всего голоцена. Режим приледниковых водоемов сменился озерным режимом, сохраняющимся до настоящего времени. В голоцене они никогда не пересыхали, хотя испытывали значительные колебания уровней. Ни речных, ни торфяных отложений, свидетельствующих о превращении в реки или пересыхании озер, ни на одном из них выявлено не было (рис. 2).



Рис. 2. Переход водно-ледниковых (серых) отложений в озерные (бурые) в керне донных отложений, оз. Ордосно, июль 2021 года

Все исследованные озера проточные, имеют примерно одинаковый «корытообразный» профиль, медленное понижение дна у берега сменяется резким снижением до 2,5 м, центральная часть котловин большинства имеет плоское, ровное дно, за исключением оз. Каспля и Усвятское. На оз. Каспля прослеживаются глубины до 9 м, по всей видимости, связанные с антропогенным воздействием XX века, а именно построенной в 1950-е годы и ныне бездействующей ГЭС. Максимальные глубины Усвятского озера, выявленные в ходе исследования, составляют 1,4 м, при этом в справочниках указывается, что глубина этого озера достигает 3,6 м. Усвятское озеро имеет также наибольшую среди всех исследованных озер толщину осадочных отложений, превышающую 9 м (рис. 3).

Более точно мощность этой толщи указать сложно, поскольку длины имевшегося в распоряжении экспедиции бура не хватало. Столь мощный слой донных осадков объясняется тем, что Усвятское озеро имеет наибольшую водосборную территорию среди всех исследованных озер. На берегу самого озера и впадающих в него рек расположены многочисленные и крупные для этой территории населенные пункты, включая районный центр пос. Усвяты.



Рис. 3. Один из кернов донных отложений Усвячского озера, июль 2021 года

*Гидрология и гидрография.* В Усвячском озере прослеживаются наибольшие колебания уровня воды, при этом изучение кернов донных отложений, дешифровка аэрофотоснимков и анализ береговых форм рельефа дают основания утверждать, что озеро во время своего «максимума» включало в свой состав примыкающее к нему с севера оз. Узмень, а также территории, примыкающие к начинающемуся от озера течению р. Усвяча (рис. 4).

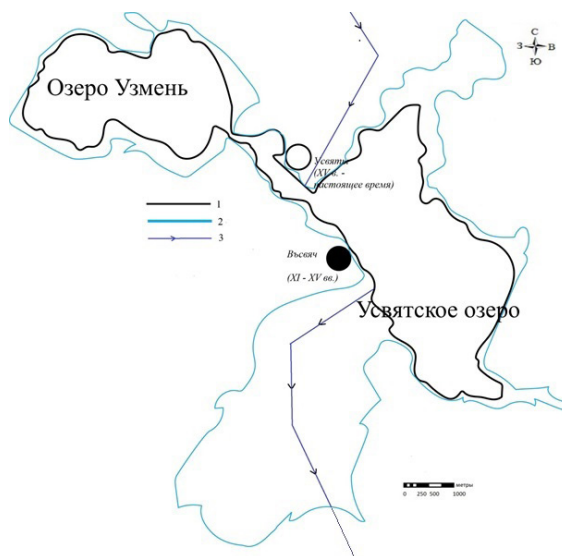


Рис. 4. Береговая линия Усвячского озера во времена существования «пути из варяг в греки» и в настоящее время

*Условные обозначения:* 1 — береговая линия современных Усвячского озера и оз. Узмень (145 м в балтийской системе высот); 2 — береговая линия «большого» Усвячского озера во времена существования «пути из варяг в греки» (147 м в балтийской системе высот); 3 — р. Усвяча, современное направление течения.

Исходя из темпов нарастания мощности донных отложений (составляющих для этой территории 0,2—0,4 мм в год), можно сделать вывод о том, что глубина Усвячского озера примерно тысячу лет назад должна была составлять около 1,6 м. Если к

этому добавить то, что уровень озера был выше нынешнего хотя бы на 1 м (в реальности, видимо, больше), то средняя глубина «большого» Усвятского озера (нынешние Усвятское озеро и оз. Узмень, а также территория, примыкающая к Усвятскому озеру с юга и заливаемая во время половодий) во времена существования «пути из варяг в греки» должна была составлять примерно 2,5 м, что вполне достаточно для прохода любого речного судна того времени.

Река Усвяча после выхода из Усвятского озера течет в плохо выработанной долине, практически не имеющей террас (рис. 5).

*а**б*

Рис. 5. Река Усвяча вытекает из Усвятского озера:

*а* — сентябрь 2021 года, низкая вода; *б* — май 2022 года, высокая вода

Долина р. Усвячи на отрезке между Усвятским озером и впадением в Западную Двину характеризуется разными формами: до д. Новоселки река течет по молодой, слабовыработанной долине, но после наследует древнюю водно-ледниковую долину. Несмотря на расширение долины реки, глубина вреза остается небольшой и в целом форма поперечного профиля долины не меняется. Исходя из этого с высокой

степенью уверенности можно предполагать, что гидрологический режим реки на всем протяжении ее существования значительных изменений не претерпевал. Местами долина реки сильно меандрирует, но при этом имеется очень мало стариц — от Усвятского озера до Западной Двины была обнаружена всего одна. Можно утверждать, что Усвяча сейчас и тысячелетие назад — одна и та же река (рис. 6).



Рис. 6. Долина реки Усвяча между д. Лукашенки и Пристань, Усвятский район Псковской области, май 2022 года

Соответственно, утверждение о том, что «путь из варяг в греки» был оставлен из-за обмеления верховий рек, входящих в его состав, вряд ли можно признать правильным. Глубины на фарватере р. Усвяча в нынешнем ее состоянии, насколько можно судить по произведенным во время сплава по этой реке в начале мая 2022 года измерениям, значительно превышают один метр. Ширина же реки такова, что упавшие в воду деревья, обычная для «малых рек» Северо-Запада преграда для движения судов, нигде ее не перегораживают не то что полностью, но даже наполовину, и обход их возможен без труда. Однако если мы принимаем то, что долина Усвячи во времена «пути из варяг в греки» и ныне была примерно одинаковой, то проложить бечевник для перемещения судов с помощью тягловой силы идущих по берегу людей или лошадей невозможно. Перемещаться же на веслах или под парусом против течения во время половодья или паводка здесь очень сложно из-за высокой скорости течения (рис. 7).

При этом можно уверенно утверждать, что воздействие водного пути, как бы он не назывался, на освоение приводораздельной части водного пути не имело длительного устойчивого характера, и Усвяча между Усвятским озером и Западной Двиной на протяжении «исторического» времени не была основой хозяйственной жизни примыкающей к ней территории. В тех местах, где реки были главными дорогами, например на Свири, дома в деревнях строились фасадами к реке. Во всех деревнях как на российской, так и на белорусской стороне Усвячи деревни выходят

к реке дворами и огородами, сами же берега в большинстве деревень используются в качестве свалок. Правда, в российской части Усвячи есть деревня с названием Пристань, но никакой пристани там нет, названия остальных деревень отношения к реке не имеют.



Рис. 7. Долина реки Усвяча у дер. Прудники, Витебский район Витебской области, май 2022 года

Можно предположить, что нынешняя дорога вдоль западного берега Усвяцкого озера и р. Усвяча возникла если не одновременно с «путем из варяг в греки», то где-то очень близко к тому времени. Поселения на озере изначально формировались на возвышенности в его центральной части, ныне известной как Юрьевы горы. Территория нынешнего пос. Усвяты при более высоком уровне воды была сильно заболочена. Соответственно, с понижением уровня воды в озере появилась возможность построить мост через протоку между оз. Узмень и Усвяцким озером, проложить дорогу в широтном направлении, соединившую Невель с Велижем, и к этой дороге переместился нынешний пос. Усвяты. По мнению археолога И. И. Еремеева, перенос поселения произошел «до начала XVI века, задолго до основания здесь московской крепости» [25, с. 337].

Очевидно, что если бы уровень и конфигурация Усвяцкого озера к этому времени оставались прежними, то и поселение бы не стали переносить, и крепость бы также построили на Юрьевых горах, тем более главная дорога от Суража через Усвяты на север, к Великим Лукам, упоминаемая в новгородских берестяных грамотах, проходила вдоль западного берега озера, по крайней мере до Ливонской войны [26].

*Водораздельные ландшафты.* Волок между р. Ловать и оз. Ужанье (бассейн Усвячи) описан во многих источниках, главным образом туристских. Однако эти описания содержат значительный объем неверного фактического материала. Так, в книге Л. А. Плечко «Старинные водные пути» утверждается, что «Волок из Ловати в озеро Ужанское осуществляется по водораздельному болоту Волочинский Мох. Оно дренируется многими ручьями, стекающими как в Ловать, так и в озеро. Самый значительный из них впадает в Ловать близ д. Пруды. Ручей меньшего размера впа-

дает в оз. Ужанское севернее д. Прудищи. Верховья этих ручьев соединены цепью “окон” и полосой камыша, проходящего по моховому болоту, которые похожи на остатки старого, давно заросшего канала. Длина его 2 км, ширина — 6—8 м, глубина местами до 1,5 м. <...> Поверхность Ужанского всего на 3 м выше уровня воды в Ловати, и 10-километровый волок через водораздел (такова длина ручья и Копанки) при 3-метровой разнице уровней — хороший вариант пути “из варяг в греки”» [27, с. 18]. По всей видимости, сам автор книги про старинные водные пути никогда на этом водоразделе не был, почему и сообщает совершенно фантастические сведения хотя бы про «многие ручьи», дренирующие болото Волочинский Мох, — таких ручьев здесь просто нет (рис. 8).



Рис. 8. Болото Волочинский Мох, май 2022 года

К сожалению, эту не соответствующую действительности информацию, почерпнутую, видимо, из книги Л. А. Плечко, повторяют и участники межрегиональной экспедиции «Межрегиональная школьная экспедиция «Путь «из варяг в греки» глазами учителя географии», проходившей в 2018 году за счет средств гранта Русского географического общества, при этом утверждая, что они изучали этот водораздел в ходе экспедиционных исследований: «В рамках проведенной экспедиции одним из ключевых объектов изучения стал волок между реками Усвяча (бассейн Западной Двины) и Ловать (Невский бассейн). На рубеже I—II тысячелетий н.э. эти две реки были соединены искусственно прокопанным каналом Копанка. <...> Сегодня Копанка представляет собой канаву (чаще ручей) шириной 1—6 м с труднопроходимыми отвесными или низкими заболоченными берегами, топким дном и бурой водой с болотистым запахом, глубиной 0,5—1,5 м. Пешая часть маршрута вдоль канала Копанка (~10 км) подробно описана в техническом отчете экспедиции. В обоих концах канала расположены крупные городища IX—X веков — Юрьева гора на р. Усвяча и Городок на р. Ловать»<sup>2</sup>.

Расстояние между Ловатью и оз. Ужанье составляет примерно 7 км, а не 10 км, как указано в отчете. В случае пешеходной экспедиции по труднопроходимой местности три километра — весьма существенная разница, и ошибиться здесь, реально пройдя этот путь, невозможно. Профили через вероятную трассу волока в широтном и меридиональном направлении приведены на рисунке 9.

<sup>2</sup> Завершилась первая экспедиция в рамках Гранта РГО, 2018, *Смоленское областное краеведческое общество*, URL: [http://smolenskkraeved.ru/novosty/news\\_post/zavershilas-pervaya-ekspeditsiya-v-ramkakh-granta-rgo](http://smolenskkraeved.ru/novosty/news_post/zavershilas-pervaya-ekspeditsiya-v-ramkakh-granta-rgo) (дата обращения: 17.05.2022).

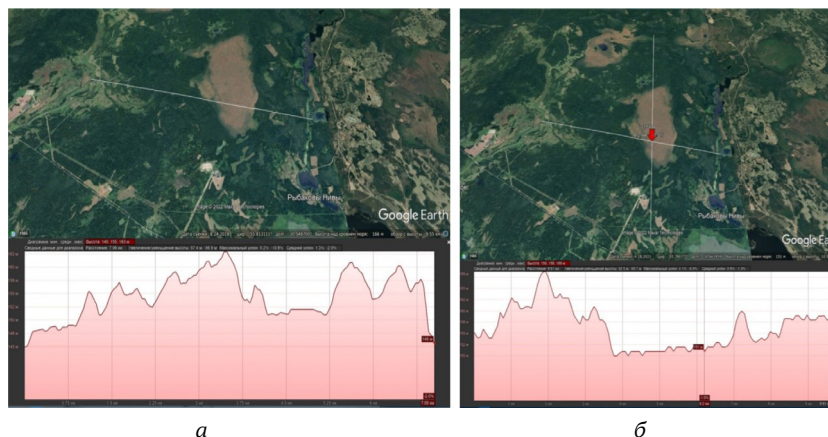


Рис. 9. Профиль через Усвятский волок в широтном (а) и меридиональном (б) направлении на основании данных Google Earth

Уровень Ловати в районе волока и оз. Ужанье находится почти на одной и той же отметке, 146 м и 145 м над уровнем моря соответственно. Однако для того, чтобы перейти из одной речной системы в другую при движении через болото Волочинский Мох, надо подняться вверх до отметки 163 м, а затем спуститься не на 3 м, а на 18 м. Но гораздо большее значение имеет то, что никаких остатков канала шириной до 6 м и глубиной от 0,5 до 1,5 м, как в отчете межрегиональной экспедиции «Путь «из варяг в греки» глазами учителя географии» и книге Л. А. Плечко, не существует. Речка Копанка, а не «канал Копанка», обозначена на картах, и она существует в действительности. Но это две речки с одним названием, не соединенные между собой, одна из которых впадает в Ловату, а вторая в оз. Ужанье. Обе Копанки в своем нижнем течении имеют максимальную ширину около полуметра и примерно такую же максимальную глубину. «Ловатская» Копанка продлевается еще более узкой и мелкой канавой (рис. 10).



а

Рис. 10. Р. Копанка в нижнем течении перед впадением в р. Ловату (а), р. Копанка в нижнем течении перед впадением в оз. Ужанье (б), Копанка-канавка (в), май 2022 года (начало, окончание на с 17)





б



в

Рис. 10. Р. Копанка в нижнем течении перед впадением в р. Ловать (а), р. Копанка в нижнем течении перед впадением в оз. Ужанье (б), Копанка-канава (в), май 2022 года (окончание, начало на с 16)

Никаких «отвесных берегов» ни у какой Копанки не отмечается, так же, как и ширины до 6 м. К городищу на Юрьевых горах, расположенному на Усвятском озере, Копанка, относящаяся к бассейну Усвячи, не выводит, поскольку впадает в оз. Ужанье, расположенное значительно севернее Усвятского. Вероятно, что от волака к существовавшему тогда городу на Юрьевых горах была проложена дорога, частично прослеживающаяся до настоящего времени, но никак не «канал Копанка» — это попросту невозможно.

Копанка-«канавка», судя по ее виду и современному состоянию, скорее всего, была прорыта для переброски грузов из одного бассейна в другой в XVIII — XIX ве-

ках. Такого рода «соединительные каналы» через водоразделы были широко распространены на северо-западе современной России. И. И. Еремеев полагает временем возникновения Копанки-каналы примерно XVI—XVII века и считает ее просто дренажной канавой [25], но прокладывать всего одну дренажную канаву бессмысленно, а других там нет. Чем бы не была пресловутая «Копанка», она однозначно на сотни лет младше «пути из варяг в греки» и никакого отношения к нему не имеет.

С сожалением следует отметить, что учителя и школьники, проходившие «путь из варяг в греки» в ходе «межрегиональной экспедиции» 2018 года, до водораздельного участка между Ловатью и Усвячей, вероятно, не добрались и сведения в отчет включили «с чужих слов», выдав их за собственноручно собранные.

Однако это вовсе не означает того, что водораздельный участок непреодолим.

Водораздельная возвышенность, примыкающая к болоту с юга и севера и разделяющая бассейны р. Ловати и Усвячи, сейчас представляет собой сосново-березовый лес на песчаных почвах, пройти через который можно без особых усилий. Водораздельные возвышенности, покрытые хвойными лесами, крайне слабо подвержены эрозионно-денудационным процессам, исходя из чего можно быть уверенным, что эти возвышенности на водоразделе бассейнов Ловати и Усвячи существовали и более тысячи лет назад (рис. 11).



Рис. 11. Водораздельные возвышенности между р. Ловать и оз. Ужанье, май 2022 года

Если предположить, что через волок проходили люди и товары, суда же оставались в своих бассейнах, то семикилометровый путь через сосновый лес преодолевался без труда. Изобилие леса на водоразделе давало возможность строить новые суда после преодоления каждого волока. В более поздние времена, о которых сохранились вполне достоверные сведения, волоки преодолевались именно таким образом — суда оставались, грузы переносились, после преодоления волока загружались в другие суда. Но, может быть, переносили и сами суда, особенно если они были чем-то вроде новгородских ушкуев, тем более что ушкуи и строились из сосны, а первое их упоминание в письменных источниках относится к началу XI века, когда «путь из варяг в греки» доживал свои последние десятилетия. По мнению К. А. Аверьянова, в XI веке по рекам Восточно-Европейской равнины перемеща-

лись с максимальной скоростью 150 км в сутки [28], а такие скорости были возможны только при использовании ушкуев, самых быстрых речных судов русского раннего Средневековья.

*Топонимика.* Обращают на себя внимание названия двух деревень, одна из которых расположена неподалеку от впадения Копанки в Ловать, а вторая — в оз. Ужанье. Первая называется Пруд, вторая Прудище, обе сейчас «полуживые». Время их возникновения установить трудно, но вполне возможно, что около них обе Копанки перегораживались запрудой, построить которую для реки такого размера никакой сложности не составляет, получался пруд, и суда перетаскивались по затопленным долинам этих рек, причем «зона затопления» включала в себя и часть болота Волочинский Мох, где позднее была проложена Копанка-канавка. Но, вероятно, здесь нет прямой связи. Просто пройти через болото невозможно.

Может быть, название д. Пруд связано с тем, что в районе этой деревни, примерно там, где «ловатская» Копанка впадает в Ловать, эта река расширяется, образуя нечто похожее на пруд или затон, а после этого резко сужается. Что «держит» реку в этом месте, пока что установить не удалось.

Трудно сказать, насколько топонимика этих мест, где с распада Киевской Руси в начале XI века и до «вечного мира» Речи Посполитой и Московского государства в 1686 году шли непрерывные войны, сохранила особенности времен «пути из варяг в греки». Но все же обращает на себя внимание название д. Ладоги (рис. 12).



Рис. 12. Современный дорожный указатель на д. Ладоги, Усвяцкий район Псковской области

Это название, по нашему мнению, очень созвучно шведскому слову «ladugård», означающему «амбар, овин, сарай». В современном Стокгольме существует расположенный прямо на берегу моря район, который называется Ladugårdsgärdet (Амбарное поле). Район к западу от него, ныне именующийся Эстермальм (Östermalm), до XVII века назывался Ladugårdslandet (Амбарная земля). Амбарами в русском языке ранее именовались не только амбары в современном понимании этого слова, но и разного рода склады. В Западной Сибири в XVII веке существовал торговый

город Мангазея на водоразделе Обского и Енисейского бассейнов, но само слово «мангазея» в сибирском диалекте русского языка означает «общественный амбар» (амбар, расположенный на значительном расстоянии от деревни, где хранятся общие съестные припасы на случай голода или пожара).

Полагаем вполне возможным, что и название Ладожского озера происходит от этого же слова, поскольку обычно выводимый путь трансформации этого названия от финского *Alode-jogi* (Нижняя река) в ранне-шведское *Aldeigjborg* и уже из него в Ладогу [29] представляется странным хотя бы потому, что шведы никогда и нигде не создавали свои топонимы на основе финских, скорее, наоборот. Напротив, Ладога из «*ladugård*» («амбар») представляется вполне логичной трансформацией, и тем более логичным — размещение этих самых «амбаров» не на Волхове, а в стороне от него, на берегу небольшой речки, получившей название Ладожка и передавшей его озеру. Деревня Ладоги в Усвятском районе также расположена в стороне от магистральной дороги того времени, р. Усвяча, но на относительно небольшом расстоянии от нее. Исходное же название Ладожского озера, упоминаемое в русских источниках, — «Нево», по нашему мнению, представляется славянским по происхождению, происходящим от слова «*mewa*» — чайка, по сей день сохраняющемся в самом архаичном из славянских языков — польском [30]. В русской обыденной речи «м» очень легко замещается на «н», что и произошло, вероятно, в данном случае со старинным названием озера, а также р. Невы. Однако топонимика поселений вдоль «пути из варяг в греки», в том числе и его водораздельной части, нуждается в дальнейших исследованиях с привлечением профессиональных филологов.

## **Выводы**

1. Анализ донных отложений водораздельных озер на водоразделе бассейнов р. Нева и Западная Двина (р. Ловать и Усвяча), а также р. Западная Двина и Днепр (р. Каспля и Катынка) свидетельствует о том, что эти озера непрерывно существуют с послеледникового времени. Они переживали изменения уровня воды, но никогда не пересыхали, не превращались в болота или реки.

2. Ключевое озеро водораздельной части, Усвятское озеро, примерно тысячу лет назад имело существенно большие, чем сейчас, размеры и глубину, допуская движения любых речных судов того времени. Первые поселения возникали на его западном берегу, во-первых, потому, что он значительно выше восточного, и во-вторых, потому, что преодоление тогдашнего озера было, по всей видимости, сложной задачей. С западного берега на восточный, где оно находится и сейчас, поселение переместилось после снижения уровня озера не ранее XVI века, вероятно, в связи с появлением дороги между г. Невель и Велиж, имевшими в то время очень большое военное и экономическое значение.

3. Слабая выработанность долины р. Усвяча свидетельствует о том, что на протяжении прошедших со времен «пути из варяг в греки» столетий река в целом сохраняла свои гидрологические особенности. Существенного изменения стока как в сторону уменьшения, что иногда считается причиной исчезновения «пути из варяг в греки», так и в сторону увеличения не происходило. При этом воздействие реки на заселение и хозяйственное освоение примыкающей к ней территории было невелико и в историческом масштабе кратковременно, поскольку расположенные на ее берегах населенные пункты ориентируются на дороги, а не на реку.

4. Сведения о самом водоразделе р. Ловать и Усвяча, приводимые в различных источниках, в том числе и якобы собранные в результате полевых исследований, часто не соответствуют действительности. Реальная длина волока, проходившего через этот водораздел, составляла не 10 км, как утверждается в этих источниках, а 7 км, но с преодолением значительно большего перепада высот (не 3 м, а 18 м).

Никаких соединительных водных путей («Копанки») между речными бассейнами во времена «пути из варяг в греки» не существовало. «Копанка», судя по ее нынешнему состоянию, была сооружена на сотни лет позже и имела местное значение. При этом преодоление водораздела посуху по дороге через сухой песчаный сосновый лес не представляет сложностей даже с учетом необходимости переноски или «волочения» легких речных судов тех типов, которые использовались примерно в это же время, например ушкуев.

5. Анализ топонимики водораздельных территорий в районе Усвятского волока позволяет выявить пусть крайне немногочисленные, но все же имеющиеся связи названий расположенных здесь населенных пунктов с дальними речными путями, когда-то проходившими через эту территорию.

6. Необходимо продолжение начатых исследований с тем, чтобы его положения и выводы стали более достоверными.

7. Исходя из гидрологических и гидрографических особенностей, а также структуры водораздельных ландшафтов и топонимики ключевых участков «пути из варяг в греки», изученных авторами в ходе экспедиционных исследований 2021–2022 годов, этот путь однозначно мог существовать. Сложности, необходимые для его преодоления, были сопоставимы со сложностями, которые требовалось преодолеть при использовании аналогичных путей в зарубежной Европе, но с одним отличием — если на западе Европы с V по X век от Р.Х. шла непрерывная война «всех со всеми», то Восточная Европа в это же время была почти безлюдна и потому относительно безопасна. Можно лишь согласиться с мнением И. Г. Коноваловой и Е. А. Мельниковой, высказанным ими в заключительной части книги «Древняя Русь в системе евразийских коммуникаций IX–X веков»: «Приведенные материалы (речь идет о материалах книги. — *Прим. авт.*)... убедительно свидетельствуют об интенсивных торговых связях, которые объединяют Трансбалтийский регион, просуществовавший три столетия — с VIII по X века... благодаря той геополитической ситуации, которая возникла в Европе в предшествующие столетия и которая предопределила последующее социально-политическое развитие народов, населявших этот регион» [4, с. 234].

*Исследование выполнено при финансовой поддержке проекта Русского географического общества «Путь из варяг в греки: гидрологические исследования ключевых участков» 2021–2022 гг.*

## Список литературы

1. Федотова, П. И. 2019, География против истории. Был ли возможен торговый путь «из варяг в греки»? *Свободная мысль*, № 1 (1673), с. 111–128.
2. Федотова, П. И. 2020, «Идеальная» дорога: был ли возможен трансконтинентальный водный путь по рекам Восточной Европы? *Евразийский союз ученых (ЕСУ)*, № 4 (73), с. 10–25. doi: 10.31618/esu.2413-9335.2020.9.73.711.
3. Martin, J. 2009, *The First East Slavic State, A Companion to Russian History*. University of Miami, p. 34–50. doi: 10.1002/9781444308419.ch3.
4. Коновалова, И. Г., Мельникова, Е. А. 2018, *Древняя Русь в системе евразийских коммуникаций (IX–X вв.)*, Москва, Весь Мир.
5. Пчелов, Е. В. 2012, Начало Руси в письменных источниках и роль варягов в образовании древнерусского государства: к 1150-летию зарождения российской государственности, *Вестник архивиста*, № 3 (119), с. 3–15.
6. Hillerdal, C. 2006, Vikings, rus, varangians: The «varangian problem» in view of ethnicity in archaeology, *Current Swedish Archaeology*, vol. 14, № 1, p. 87–108. doi: 10.37718/CSA.2006.05.
7. Stefanovich, P. S. 2016, The political organization of rus' in the 10th century, *Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas*, vol. 64, № 4, p. 529–544.

8. Schorkowitz, D. 2012, Cultural contact and cultural transfer in medieval Western Eurasia, *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, vol. 40, № 3, p. 84—94. doi: 10.1016/j.aear.2012.11.010.
9. Barrett, J. H., Khamaiko, N., Ferrari, G., Cuevas, A., Kneale, C., Hufthammer, A. K., Pálsdóttir, A. H., Star, B. 2022, Walruses on the Dnieper: new evidence for the intercontinental trade of Greenlandic ivory in the Middle Ages, *Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences*, vol. 289, № 1972. doi: 10.1098/rspb.2021.2773.
10. Паранин, В. И. 1990, *Историческая география летописной Руси*, Петрозаводск, Карелия, 151 с.
11. Горюнова, В. М. 2016, *Городок на Ловати X—XII вв. (к проблеме становления города Северной Руси)*, Сер. Труды ИИМК РАН, т. XLVII, Санкт-Петербург, изд-во «Дмитрий Буланин», 328 с.
12. Kezha, Y. N. 2021, Rogvolod's Polity and formation of an ethnopolitical organization on the territory of the Middle Dvina in the Xth century, *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, № 2, p. 116—132. doi: 10.21638/SPBU19.2021.208.
13. Риер, Я. Г. 2016, О начальных этапах формирования древнерусской государственности, *Вестник славянских культур*, № 2 (40), с. 13—32.
14. Хведченя, С. 2011, «Шлях із варягів у греки»: історико-географічний аспект, *Спеціальні історичні дисципліни: питання теорії та методики*, № 19, с. 148—168.
15. Thomas, F. 2020, Rediscovering russian-scandinavian relations: the role of medieval russian waterways, *Скандинавская филология*, № 2, с. 409—427 doi: 10.21638/11701/spbu21.2020.213.
16. Dixon, D. F. 1998, Varangian-Rus warrior-merchants and the origin of the Russian state, *Journal of Macromarketing*, vol. 18, № 1, p. 50—61. doi: 10.1177/027614679801800107.
17. Mägi, M. 2018, *In Austrvegr: The Role of the Eastern Baltic in Viking Age Communication across the Baltic Sea*, *The Northern World*, vol. 84, Brill; Leiden, 512 p. doi: 10.1163/9789004363816.
18. Curta, F. 2006, *Southeastern Europe in the Middle Ages 500—1250*, University of Florida, 498 p. doi: 10.1017/CBO9780511815638.
19. Микляев, А. М. 1992, Путь «из варяг в греки» (зимняя версия), *Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгородский государственный объединенный музей-заповедник*, с. 133—138.
20. Сорокин, П. Е. 1995, Экспедиция по древнему водному пути из Средней Швеции в Северо-Западную Русь, *Археологические вести*, № 4, с. 294—297.
21. Edberg, R. 2014, River Lovat—a Varangian tour de force: Two experimental voyages on a legendary route through Russia, *International Journal of Nautical Archaeology*, vol. 43, № 2, p. 447—451. doi: 10.1111/1095-9270.12065.
22. Еремеев, И. И., Дзюба, О. Ф. 2010, *Очерки исторической географии лесной части пути из варяг в греки. Археологические и палеогеографические исследования между Западной Двиной и озером Ильмень*, Сер. Труды ИИМК РАН т. XXXIII, Санкт-Петербург, изд-во «Нестор-История», 670 с.
23. Erman, N., Nizovtsev, V., Shirokova, V. 2020, Integrated geocological research of the landscapes of historical waterways of the Russian plain, *International Multidisciplinary Scientific GeoConference Surveying Geology and Mining Ecology Management, SGEM*, vol. 2020, August, № 5.1, p. 471—477. doi: 10.5593/sgem2020/5.1/s20.060.
24. Erman, N. M., Aleksandrovskaya, O. A. 2020, Portage crosses on the historical waterways of Russia, *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. International Symposium on Earth Sciences: History, Contemporary Issues and Prospects, ESHCIP 2020*, vol. 579, № 1. doi: 10.1088/1755-1315/579/1/012158.
25. Еремеев, И. И. 2015, *Древности Полоцкой земли в историческом изучении Восточно-Балтийского региона (очерки средневековой археологии и истории Псковско-Белорусского Подвинья)*, Труды ИИМК РАН, т. XLIV, Санкт-Петербург, изд-во «Дмитрий Буланин», 705 с.
26. Михайлов, А. В. 2020, Торгово-ремесленное поселение Горожане на ловатском участке пути «из варяг в греки». В: *Труды VI (XXII) всероссийского археологического съезда в Самаре*, в 3 т., т. 2, Самара, изд-во Самарского государственного социально-педагогического университета, с. 207—210.
27. Плечко, Л. А. 1985, *Старинные водные пути*, Москва, изд-во «Физкультура и спорт», 104 с.
28. Аверьянов, К. А. 2016, С какой скоростью перемещались в Древней Руси во времена князя Владимира? *Вестник славянских культур*, № 1 (39), с. 41—52.

29. Джаксон, Т.Н. 1997, Ладога саг в археологическом освещении В: *Дивинец старо-ладожский. Сборник трудов конференции «Северо-Западная Русь в эпоху средневековья» пос. Старая Ладога, 27–29 декабря 1993 года*, Санкт-Петербург, изд-во СПбГУ, с. 61–64.

30. Мартынов, В.Л., Сазонова, И.Е. 2020, Славянское заселение Северо-Запада России и «путь из варяг в греки». В: *Природное и культурное наследие: междисциплинарные исследования, сохранение и развитие*, Коллективная монография по материалам IX Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Санкт-Петербург, с. 156–159.

## **Об авторах**

**Василий Львович Мартынов**, доктор географических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Россия.

E-mail: lwowich@herzen.spb.ru

<https://orcid.org/0000-0002-7741-1719>

**Дмитрий Александрович Субетто**, доктор географических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Россия.

E-mail: subettoda@herzen.spb.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3585-8598>

**Вячеслав Викторович Брылкин**, инженер, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Россия.

E-mail: slav755@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6261-5217>

**Иван Михайлович Греков**, старший преподаватель, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Россия.

E-mail: ivanmihgrekov@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-0358-3144>

**Юрий Анатольевич Кублицкий**, кандидат географических наук, доцент, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Россия.

E-mail: uriy\_87@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7955-8944>

**Александр Владимирович Орлов**, инженер-исследователь, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Россия.

E-mail: 95orlov@rambler.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9726-0471>

**Ирина Евгеньевна Сазонова**, кандидат географических наук, доцент, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Россия.

E-mail: iesazonova@herzen.spb.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3456-1223>

**Наталья Викторовна Соколова**, старший преподаватель, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Россия.

E-mail: nvsokolova@ Herzen.spb.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8516-0462>



ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

## THE 'ROUTE FROM THE VARANGIANS TO THE GREEKS': TRUTH OR FICTION

**V. L. Martynov**

**D. A. Subetto**

**V. V. Brylkin**

**I. M. Grekov**

**Yu. A. Kublicky**

**A. V. Orlov**

**I. Ye. Sazonova**

**N. V. Sokolova**

The Herzen State Pedagogical University of Russia  
48 river Moika Embankment St. Petersburg Russia

Received 01.06.2022

doi: 10.5922/2079-8555-2022-3-1

© Martynov, V. L., Subetto, D. A., Brylkin, V. V., Grekov, I. M., Kublicky, Yu. A., Orlov, A. V., Sazonova, I. Ye., Sokolova, N. V., 2022

*«The way from the Varangians to the Greeks» is widely known and is often mentioned in scientific, popular science and educational literature. Much less often it is said that the existence of this path is seriously doubted and needs additional evidence. The discussion about the possibility of the existence of a «way from the Varangians to the Greeks» has intensified in recent decades. However, this discussion is conducted mainly by representatives of historical science based on chronicle, archival, literary sources. Geographical studies along the route of this route were carried out in small territories and to a limited extent, but only they can give a definitive answer to the question of whether it was even possible to move along the rivers of the East European Plain between the Baltic and Black Seas around the VIII–XI centuries from the RH. Of particular importance are such studies on watersheds, which represent the «key sections» of this path. If the watersheds were surmountable, then the «way from the Varangians to the Greeks» was passable. The insurmountability of watersheds unequivocally refutes the possibility of communication along this path. The methodology of the study was determined by the predominant use of methods and approaches used in field physical and geographical studies, which had not previously been carried out on the watershed sections of the «way from the Varangians to the Greeks». The main result of the study is the reconstruction of hydrological features and hydrographic situation on the watershed of the basins of the Neva (river Lovat) and the Western Dvina (river Usvyacha) for the duration of the existence of the «way from the Varangians to the Greeks». Based on this reconstruction, direct study of the watershed territories, the system of land communication routes, toponymic features of this territory, it can be unequivocally stated that the «way from the Varangians to the Greeks», or the Baltic-Black Sea waterway, could exist.*

**To cite this article:** Martynov, V. L., Subetto, D. A., Brylkin, V. V., Grekov, I. M., Kublicky, Yu. A., Orlov, A. V., Sazonova, I. Ye., Sokolova, N. V., 2022, The 'route from the Varangians to the Greeks': truth or fiction, *Balt. Reg.*, Vol. 14, no 3, p. 4–27. doi: 10.5922/2079-8555-2022-2-1.



**Keywords:**

the 'route from the Varangians to the Greeks', historical geography, rivers, lakes, sediments, hydrology, hydrography, toponymy

**References**

1. Fedotova, P.I. 2019, Geography vs History. Was the trade route «from the Varangians to the Greeks» possible? *Svobodnaya mysl'* [Free thought], №1 (1673), p. 111—128 (in Russ.).
2. Fedotova, P.I. 2020, «Ideal» road: was a transcontinental waterway possible along the rivers of Eastern Europe? *Evraziiskii soyuz uchenykh (ESU)*, [Eurasian Union of Scientists (ESU)], №4 (73), p. 10—25 doi: 10.31618/esu.2413-9335.2020.9.73.711.
3. Martin, J. 2009, The First East Slavic State, *A Companion to Russian History*. University of Miami, p. 34—50. doi: <https://doi.org/10.1002/9781444308419.ch5>.
4. Konovalova, I. G., Melnikova, E. A. 2018, *Drevnyaya Rus' v sisteme evraziiskikh kommunikatsii (IX—X vv.)* [Ancient Russia in the system of Eurasian communications (IX—X centuries)], Moscow, Ves' Mir (in Russ.).
5. Pchelov, E. V. 2012, The beginning of Russia in written sources and the role of the Varangians in the formation of the ancient Russian state: to the 1150th anniversary of the birth of Russian statehood, *Vestnik arkhivista* [Bulletin of the archivist], №3 (119), p. 3—15 (in Russ.).
6. Hillerdal, C. 2006, Vikings, rus, varangians: The «varangian problem» in view of ethnicity in archaeology, *Current Swedish Archaeology*, vol. 14, №1, p. 87—108. doi: 10.37718/CSA.2006.05.
7. Stefanovich, P. S. 2016, The political organization of rus' in the 10th century, *Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas*, vol. 64, №4, p. 529—544.
8. Schorkowitz, D. 2012, Cultural contact and cultural transfer in medieval Western Eurasia, *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, vol. 40, №3, p. 84—94. doi: 10.1016/j.aeae.2012.11.010.
9. Barrett, J. H., Khamaiko, N., Ferrari, G., Cuevas, A., Kneale, C., Hufthammer, A. K., Pálsdóttir, A. H., Star, B. 2022, Walruses on the Dnieper: new evidence for the intercontinental trade of Greenlandic ivory in the Middle Ages, *Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences*, vol. 289, №1972. doi: 10.1098/rspb.2021.2773.
10. Pararin, V.I. 1990, *Istoricheskaya geografiya letopisnoi Rusi* [Historical geography of chronicle Russia], Petrozavodsk, Karelia, 151 p.] (in Russ.).
11. Goryunova, V.M. 2016, *Gorodok na Lovati X—XII vv. (k probleme stanovleniya goroda Cevernoi Rusi)*, Ser. *Trudy IIMK RAK* [Small town on Lovat X—XII centuries. (to the problem of the formation of the city of Northern Russia), Ser. Proceedings of IIMK RAK,], vol. XLVII, St. Petersburg, publishing house «Dmitry Bulanin», 328 p. (in Russ.).
12. Kezha, Y.N. 2021, Rogvolod's Polity and formation of an ethnopolitical organization on the territory of the Middle Dvina in the Xth century, *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, №2, p. 116—132. doi: 10.21638/SPBU19.2021.208.
13. Rier, Ya. G. 2016, On the initial stages of the formation of ancient Russian statehood, *Vestnik slavyanskikh kul'tur* [Herald of Slavic Cultures], №2 (40), p. 13—32 (in Russ.).
14. Khvedchenya, S. 2011, «Ways from the Varangians among the Greeks»: historical and geographical aspect, *Spetsial'ni istorichni distsiplini: pitannya teorii ta metodiki*, [Special Historical Disciplines: Nutritional Theory and Methods], №19, p. 148—168 (in Ukr.).
15. Thomas, F. 2020, Rediscovering russian-scandinavian relations: the role of medieval russian waterways, *Skandinavskaya filologiya* [Scandinavian philology], №2, c. 409—427 doi: 10.21638/11701/spbu21.2020.213.
16. Dixon, D. F. 1998, Varangian-Rus warrior-merchants and the origin of the Russian state, *Journal of Macromarketing*, vol. 18, №1, p. 50—61. doi: 10.1177/027614679801800107.
17. Mägi, M. 2018, *In Austrvegr: The Role of the Eastern Baltic in Viking Age Communication across the Baltic Sea*, The Northern World, vol. 84, Brill; Leiden, 512 p. doi: 10.1163/9789004363816.
18. Curta, F. 2006, *Southeastern Europe in the Middle Ages 500—1250*, University of Florida, 498 p. doi: 10.1017/CBO9780511815638.
19. Miklyaev, A.M. 1992, The path «from the Varangians to the Greeks» (winter version), *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkeologiya. Novgorodskii gosudarstvennyi ob"edinennyi muzei-zapovednik* [Novgorod and Novgorod land. History and archeology. Novgorod State United Museum-Reserve], p. 133—138 (in Russ.).

20. Sorokin, P.E. 1995, Expedition along the ancient waterway from Central Sweden to North-western Russia, *Arkheologicheskie vesti* [Archaeological Vesti], № 4, p. 294—297 (in Russ.).
21. Edberg, R. 2014, River Lovat—a Varangian tour de force: Two experimental voyages on a legendary route through Russia, *International Journal of Nautical Archaeology*, vol. 43, № 2, p. 447—451. doi: 10.1111/1095-9270.12065.
22. Ereemeev, I.I., Dzyuba, O. F. 2010, *Ocherki istoricheskoi geografii lesnoi chasti puti iz var-yag v greki. Arkheologicheskie i paleogeograficheskie issledovaniya mezhdru Zapadnoi Dvinoi i ozerom Il'men'*, Ser. *Trudy IIMK RAN* [Essays on the historical geography of the forest part of the route from the Varangians to the Greeks. Archaeological and paleogeographic research between the Western Dvina and Lake Ilmen, Ser. Proceedings of IIMC RAS], vol. XXXIII, St. Petersburg, publishing house «Nestor-History», 670 p. (in Russ.).
23. Erman, N., Nizovtsev, V., Shirokova, V. 2020, Integrated geoecological research of the landscapes of historical waterways of the Russian plain, *International Multidisciplinary Scientific GeoConference Surveying Geology and Mining Ecology Management, SGEM*, vol. 2020, August, № 5.1, p. 471—477. doi: 10.5593/sgem2020/5.1/s20.060.
24. Erman, N.M., Aleksandrovskaya, O. A. 2020, Portage crosses on the historical waterways of Russia, *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. International Symposium on Earth Sciences: History, Contemporary Issues and Prospects, ESHCIP 2020*, vol. 579, № 1. doi: 10.1088/1755-1315/579/1/012158.
25. Ereemeev, I.I. 2015, *Drevnosti Polotskoi zemli v istoricheskom izuchenii Vostochno-Baltiiskogo regiona (ocherki srednevekovoi arkheologii i istorii Pskovsko-Belorusskogo Podvin'ya)*, *Trudy IIMK RAN* [Antiquities of the Polotsk Land in the Historical Study of the East-Baltic Region (Essays on Medieval Archeology and History of the Pskov-Belarusian Dvina), Proceedings of the IIMC RAS], vol. XLIV, St. Petersburg, publishing house «Dmitry Bulanin», 705 p. (in Russ.).
26. Mikhailov, A. V. 2020, Trade and craft settlement Townspeople on the Lovatsky section of the route «from the Varangians to the Greeks». In: *Trudy VI (XXII) vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda v Samare* [Proceedings of the VI (XXII) All-Russian Archaeological Congress in Samara], In 3 vols., vol. 2, Samara, publishing house of the Samara State Social and Pedagogical University, p. 207—210 (in Russ.).
27. Plechko, L. A. 1985, *Starinnye vodnye puti* [Ancient waterways], Moscow, publishing house «Physical Culture and Sport», 104 p. (in Russ.).
28. Averyanov, K. A. 2016, How fast did they move in Ancient Russia during the time of Prince Vladimir? *Vestnik slavyanskikh kul'tur* [Bulletin of Slavic cultures], № 1 (39), c. 41—52 (in Russ.).
29. Jackson, T. N. 1997, Ladoga saga in archaeological coverage. In: *Divinets staroladozhskii. Sbornik trudov konferentsii «Severo-Zapadnaya Rus' v epokhu srednevekov'ya» pos. Staraya Ladoga, 27—29 dekabrya 1993 goda* [Divinets Old Ladoga. Collection of proceedings of the conference «North-Western Russia in the Middle Ages» pos. Staraya Ladoga, December 27—29, 1993], St. Petersburg, publishing house of St. Petersburg State University, p. 61—64 (in Russ.).
30. Martynov, V.L., Sazonova, I.E. 2020, Slavic settlement of the North-West of Russia and «the path from the Varangians to the Greeks». In: *Prirodnoe i kul'turnoe nasledie: mezhdistsiplinarnye issledovaniya, sokhranenie i razvitie* [Natural and cultural heritage: interdisciplinary research, conservation and development], Collective monograph based on the materials of the IX All-Russian scientific and practical conference with international participation, St. Petersburg, p. 156—159 (in Russ.).

## The authors

**Prof. Vasilii L. Martynov**, The Herzen State Pedagogical University of Russia, Russia.

E-mail: lwowich@herzen.spb.ru

<https://orcid.org/0000-0002-7741-1719>

**Prof. Dmitry A. Subetto**, The Herzen State Pedagogical University of Russia, Russia.

E-mail: subettoda@herzen.spb.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3585-8598>

**Vyacheslav V. Brylkin**, The Herzen State Pedagogical University of Russia, Russia.

E-mail: slav755@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6261-5217>

**Ivan M. Grekov**, The Herzen State Pedagogical University of Russia, Russia.

E-mail: ivanmihgrekov@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-0358-3144>

**Dr Yury A. Kublicky**, The Herzen State Pedagogical University of Russia, Russia.

E-mail: uriy\_87@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7955-8944>

**Aleksandr V. Orlov**, The Herzen State Pedagogical University of Russia, Russia.

E-mail: 95orlov@rambler.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9726-0471>

**Dr Irina Ye. Sazonova**, The Herzen State Pedagogical University of Russia, Russia.

E-mail: iesazonova@herzen.spb.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3456-1223>

**Natalia V. Sokolova**, The Herzen State Pedagogical University of Russia, Russia.

E-mail: nvsokolova@herzen.spb.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8516-0462>



SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

# ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ НОВЫХ ФОРМ ОНЛАЙН-ТОРГОВЛИ ПРОДУКТАМИ ПИТАНИЯ И ГОТОВОЙ ЕДОЙ В КРУПНОМ РОССИЙСКОМ ГОРОДЕ

**К. Э. Аксёнов**  
**О. В. Красковская**  
**Ф. М. Ренни**

Санкт-Петербургский государственный университет,  
199034, Россия, Санкт-Петербург,  
Университетская наб., 7/9

Поступила в редакцию 15.08.2021 г.  
doi: 10.5922/2079-8555-2022-3-2  
© Аксёнов К. Э., Красковская О. В.,  
Ренни Ф. М., 2022

*Цель работы заключается в выявлении принципиально новых, отличных от свойственных традиционным типам предприятий пищевого ритейла особенностей пространственной организации онлайн-торговли продуктами питания и готовой едой в российском городе. На примере Санкт-Петербурга показано появление принципиально иной системы требований, предъявляемой новыми формами пищевого онлайн-ритейла в пространстве российских крупных городов по сравнению с традиционными отраслями и способами организации розницы. Рассмотрены пространственно-временные параметры новой модели шопинга и представлен сравнительный анализ ее пространственной конкуренции с уже сложившимися моделями. Пространственная организация нового пищевого онлайн-ритейла показана в разрезе системы размещения новых типов офлайн-объектов; возникновения новых потоков и их влияния на городское развитие; воздействия на рынки наружной и транзитной рекламы и труда. На основании проведенного анализа авторы приходят к выводу, что принципы размещения физических объектов нового типа — складов-распределителей, складов-магазинов (фулфилмент-центров) и дотком-объектов — оказались принципиально иными. Если местоположение точки обслуживания перестает быть конкурентным преимуществом в глазах покупателя, то скрытый от потребителя критически важный для новой конкуренции фактор ускорения доставки является таковым. В работе анализируется значимость связанных с этим фактором определенных принципов пространственной организации.*

## Ключевые слова:

ритейл, пространственная организация, онлайн-торговля продуктами питания и готовой едой, российский город

## Введение

В условиях интенсивной цифровизации экономики и появления новых трендов потребительских предпочтений как на мировом, так и на российском рынках все большее распространение приобретают новые формы онлайн-торговли продуктами питания и готовой едой, которые в рамках указанных трендов стали практически неотделимы друг от друга<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> Dumont, J. 2019, As e-commerce rises, grocers grapple with prepared food delivery, web-site *Grocery Dive*, URL: <https://www.grocerydive.com/news/as-e-commerce-rises-grocers-grapple-with-prepared-food-delivery/556655/> (дата обращения: 01.08.2021).

**Для цитирования:** Аксёнов К. Э., Красковская О. В., Ренни Ф. М. Пространственная организация новых форм онлайн-торговли продуктами питания и готовой едой в крупном российском городе // Балтийский регион. 2022. Т. 14, № 3. С. 28–48. doi: 10.5922/2079-8555-2022-3-2.

К концу 2019 года в пятерку крупнейших рынков с наибольшим проникновением пользователей в сегменте онлайн-доставки продуктов питания вошли Сингапур (с уровнем проникновения более 40 %), Нидерланды, Гонконг, Великобритания и Канада. Более половины жителей США и Великобритании через интернет заказывают доставку еды не реже одного раза в неделю<sup>2</sup>.

Пандемия коронавируса резко ускорила процесс перехода к формату онлайн-торговли продуктами питания (ОТПП, в зарубежной литературе — e-grocery). Так, только за первый месяц локдауна в США продажи в этом сегменте увеличились сразу на 14 %. В России данный тренд также очевиден [1–4].

Согласно исследованию, проведенному Аналитическим центром НАФИ в апреле 2020 года, большинство российских интернет-пользователей (67 %) за время самоизоляции совершали покупки онлайн, а каждый четвертый (26 %) заказывал доставку продуктов питания на дом. Начали пользоваться услугами доставки продуктов питания во время самоизоляции 13 % россиян, столько же (13 %) указали, что пользовались услугой доставки продуктов и ранее<sup>3</sup>. По оценке М. А. Research, в 2020 году российский объем ОТПП вырос до 174 млрд рублей, что составило 1 % от всего рынка продовольственного ритейла<sup>4</sup>. В 2021–2025 годах совокупный среднегодовой темп роста ОТПП будет иметь долю, по разным оценкам, от 33 до 40 %. В 2022 году сегмент ОТПП вырастет до 415–445 млрд рублей при выполнении заявленных планов компаний, а его объем в обороте розничной торговли продуктами питания достигнет 2,2–2,4 %<sup>5</sup>. Действительно, спрос на интернет-услугу доставки продуктов питания в целом по России продолжает расти, так, за 6 месяцев 2021 года он вырос на 73 % по сравнению с тем же периодом 2020 года<sup>6</sup>.

Данный тренд особенно характерен для крупных городов: например, в Санкт-Петербурге за первые полгода после введения пандемийных ограничений количество онлайн-заказов продуктов на дом увеличилось в 20 раз<sup>7</sup>.

Такие масштабы явления позволяют говорить о распространении нового универсального международного типа «продуктового» шопинга и обоснованно предполагать наличие его существенного влияния на изменения в «офлайн» пространственной организации торговли продуктами питания в крупнейших городах РФ.

Новые формы онлайн-торговли продуктами питания и готовой едой в последние годы привлекают повышенное внимание в мировой научной литературе в области экономики, бизнеса, социологии и географии. Максимально общая отраслевая и те-

<sup>2</sup> Raguzin, E., Torchalla, J., Cavadini, N., Williams, H. 2020, Ready Food. Can grocers get a bigger bite? *Oliver Wyman*, URL: [https://www.oliverwyman.com/content/dam/oliver-wyman/v2/publications/2020/November/Ready\\_Food.pdf](https://www.oliverwyman.com/content/dam/oliver-wyman/v2/publications/2020/November/Ready_Food.pdf) (дата обращения: 11.07.2021).

<sup>3</sup> Россияне не готовы отказываться от доставки продуктов на дом после окончания самоизоляции, 2020, *Аналитический центр НАФИ*, URL: <https://nafi.ru/analytics/rossiyane-ne-gotovy-otkazuyatsya-ot-dostavki-produktov-na-dom-posle-okonchaniya-samoizolyatsii/> (дата обращения: 28.07.2020).

<sup>4</sup> Доля e-grocery в 2021 г. составит около 2 % оборота продовольственного ритейла, *Исследовательское агентство М.А. Research*, <https://ma-research.ru/novosti-issledovaniy/item/326-dolya-e-grocery-v-2021-g-sostavit-okolo-2-oborota-prodovolstvennogo-ritejla.html> (дата обращения: 30.12.2021).

<sup>5</sup> Дмитриева, Д. 2021, Петербуржцы променяли булочные на маркетплейсы, *Деловой Петербург*, URL: [https://www.dp.ru/a/2021/07/28/Digital\\_vmesto\\_bulochnoj](https://www.dp.ru/a/2021/07/28/Digital_vmesto_bulochnoj) (дата обращения: 29.07.2021).

<sup>6</sup> Экспресс-доставки требуют наши сердца: авторынок подстраивается, 2021, *Деловой Петербург*, URL: [https://www.dp.ru/a/2021/07/27/Ekspress-dostavki\\_trebujut?utm\\_source=uxnews&utm\\_medium=desktop](https://www.dp.ru/a/2021/07/27/Ekspress-dostavki_trebujut?utm_source=uxnews&utm_medium=desktop) (дата обращения: 29.07.2020).

<sup>7</sup> Гриневич, Я. 2020, Курьер уже в пути: число заказов продуктов на дом в Петербурге выросло в двадцать раз, *Российская газета*, 03.11.2020, URL: <https://rg.ru/2020/11/03/reg-szfo/chislo-zakazov-produktov-na-dom-v-peterburge-vyroslo-v-dvadcat-raz.html> (дата обращения: 28.07.2020).

матическая систематизация и классификация этих исследований представлена в работе [5]. Вопрос исследования экономических моделей взаимодействия с потребителем на рынке e-grocery поднимался в работе [6], при этом наиболее комплексный подход к изучению данной проблематики использовали ученые в [7]. Ряд социологических исследований, посвященных изучению потребительского поведения [8—10], а также исследования в области экономики, описывающие перспективы развития новых форматов индустрии питания [11—13], позволяют выделить ведущие тренды в функционировании отрасли, а также проследить локальные и глобальные особенности динамики и изменения сферы предоставления услуг в области питания на мировом рынке. Изучением пространственно-временных аспектов влияния интернет-технологий, а также прогнозированием темпов роста занимались специалисты в области экономики и финансов, маркетинговой аналитики и географии в современных западных [14; 15] и отечественных [2; 3] изданиях, при этом большинство публикаций относится к 2018—2021 годам, что позволяет сделать выводы о стремительном росте актуальности исследуемой темы в условиях последних лет.

Данная работа посвящена изучению пространственных особенностей новых форм пищевого ритейла (от англ. food retail), включающих в себя розничную онлайн-торговлю продуктами питания, а также онлайн-торговлю готовой едой с использованием различных моделей сервисов доставки и агрегаторов заказов. Главным фокусом исследования выступает то, что изменяет структуру материального общественного пространства города, то есть пространственные (офлайн) формы организации пищевого онлайн-ритейла. Таким образом, цель работы заключается в выявлении принципиально новых, отличных от свойственных традиционным типам предприятий пищевого ритейла, особенностей пространственной организации отраслевых объектов в соответствии с качественными изменениями структуры рынка под влиянием современных трендов, связанных с глобальным развитием цифровых технологий.

## Данные и методология

В качестве модельного объекта исследования мы выбрали пространство одного из двух российских метрополисов — Санкт-Петербурга. Релевантность такого выбора для данной работы подтверждается лидирующими позициями этого города на российском рынке по концентрации сетевой розничной торговли, а также долей организованного ритейла в общей величине оборота, сопоставимой с показателями западноевропейских городов [16]. Город лидирует и в ряде ключевых показателей нового пищевого онлайн-ритейла: так, петербургский «Самокат» стал российским лидером по приросту онлайн-продаж за 12 месяцев с мая 2020 года по май 2021 года в сегменте ОТПП<sup>8</sup>. Общий объем онлайн-продаж интернет-магазинов и сервисов доставки продуктов питания в мае 2021 года составил 26,1 млрд рублей. Прирост по сравнению с маем годом ранее — 112 %<sup>9</sup>. При этом, как было отмечено в нашем более раннем исследовании, на выбранный метрополис не оказывает специфического влияния фактор столичности [16]. Важно и то, что повышенная доля его населения является активными пользователями онлайн-технологий, в том числе потому, что Санкт-Петербург — один из лидеров рейтинга «Умных городов» в стране<sup>10</sup>.

<sup>8</sup> Зайцева, Д. 2021, Петербургский сервис доставки лидирует по приросту онлайн-продаж, *Деловой Петербург*, URL: [https://www.dp.ru/a/2021/06/28/Naperegonki\\_za\\_klientom](https://www.dp.ru/a/2021/06/28/Naperegonki_za_klientom) (дата обращения: 28.07.2021).

<sup>9</sup> Гриневиц, Я. 2020, Курьер уже в пути: число заказов продуктов на дом в Петербурге выросло в двадцать раз, *Российская газета*, 03.11.2020, URL: <https://rg.ru/2020/11/03/reg-szfo/chislo-zakazov-produktov-na-dom-v-peterburge-vyroslo-v-dvadcat-raz.html> (дата обращения: 28.07.2020).

<sup>10</sup> Рейтинг умных городов России, 2019, *Минстрой России*, URL: [https://minstroyrf.gov.ru/upload/iblock/e7e/Krupneyshie-goroda\\_ot-1-mln-chel.\\_-2019.pdf](https://minstroyrf.gov.ru/upload/iblock/e7e/Krupneyshie-goroda_ot-1-mln-chel._-2019.pdf) (дата обращения: 20.08.2021).

Методика исследования сбора данных состояла из нескольких этапов:

— сбора исходной информации о представленных в Санкт-Петербурге типах новых отраслей и предприятий в соответствии с международными классификациями по материалам бизнес-аналитики, бизнес-агрегаторов, сайтов компаний и в некоторых случаях — экспертных интервью (для уточнения сведений), ссылки на конкретные источники — по тексту;

— выбора модельных кейсов из найденных представителей всех исследуемых типов бизнеса. Выбор производился на основе авторской экспертизы релевантности бизнес-модели компании; ее представленности на рынке (лидерской позиции в своем микро-сегменте по материалам бизнес-аналитики, рекламной и маркетинговой активности);

— выявления конкурентного положения новых типов бизнеса по отношению к «традиционным» с использованием методов пространственной маркетинговой аналитики [16];

— сравнительно-географической оценки пространственной организации новых и «традиционных» форматов по материалам упомянутых выше типов источников.

Что представляют собой рассматриваемые нами новые формы пищевого ритейла?

Одной из наиболее динамично развивающихся современных форм в области продовольственного ритейла можно назвать внедрение интернет-технологий в основу торговли пищевой продукцией — ОТПП<sup>11</sup>. Система ОТПП подразумевает под собой глобальное внедрение интернет-технологий, использование системы доставки, а также создание офлайн-объектов нового типа: складских помещений нового формата; распределительных центров с особенной внутренней организацией, недоступных для посетителей и нацеленных на формирование исключительно онлайн-заказов — dark-store (даркстор) [17; 18]. Им будет уделено основное внимание в исследовании.

Появление ОТПП на Западе на стыке 1990—2000-х годов не оказалось успешным, и первые компании завершили свою деятельность, когда лопнул так называемый цифровой пузырь («dotcom bubble») [19; 20]. Повторное внедрение интернет-базиса в структуру ритейла произошло лишь в 2013 году в Великобритании<sup>12</sup>, затем во Франции, Германии и Северной Америке, а к 2020 году широко распространилось и за пределы стран Запада. Формат ОТПП в России утвердился значительно позже и опирался на зарубежный опыт. По данным агентства Infoline, по итогам первого полугодия 2021 года в России крупнейшим игроком в сегменте ОТПП была X5 Group с оборотом 23,6 млрд рублей, вторым — «Сбермаркет» с 21,7 млрд рублей, третьим — «Вкусвилл» с 21,2 млрд рублей, следом шли «Самокат» с 15,9 млрд рублей, «Яндекс.Лавка» — с 11,7 млрд рублей<sup>13</sup>.

Важнейшим трендом нового формата, которому будет уделено внимание в исследовании, является омниканальность (omni-channel) — непрерывная коммуникация с клиентом посредством интеграции разрозненных офлайн- и онлайн-точек соприкосновения с покупателем в единую систему для совершения покупки<sup>14</sup> [21] (табл. 1).

<sup>11</sup> В научной литературе, наряду с e-grocery, также широко используются такие понятия, как «фудтех» и «онлайн фуд-ритейл», однако в силу сравнительно недавнего появления данного формата на рынке терминология до сих пор не устоялась.

<sup>12</sup> Somerville, M. 2013, Tesco opens sixth dotcom centre in Erith, *Retail Gazette*, URL: <https://www.retailgazette.co.uk/blog/2013/11/42203-tesco-opens-sixth-dotcom-centre-in-erith/> (дата обращения: 18.07.2021).

<sup>13</sup> Е-еда. Онлайн-продажи продуктов могут превысить 1 трлн рублей к 2024 году, 2021, *Коммерсантъ*, № 142, с. 1, URL: [https://www.kommersant.ru/doc/4938078?utm\\_source=uxnews&utm\\_medium=desktop/](https://www.kommersant.ru/doc/4938078?utm_source=uxnews&utm_medium=desktop/) (дата обращения: 12.08.2021).

<sup>14</sup> Омниканальность в ритейле — новый тренд клиентского сервиса, 2021, *ABM Cloud*, URL: <https://abmcloud.com/omnikanalnost-v-ritejle-novyj-trend-klientskogo-servisa/> (дата обращения: 12.08.2021).

Таблица 1

## Классификация видов новых форматов пищевого онлайн-ритейла

Формат	Описание	Способ организации	Примеры в Санкт-Петербурге
ОТПП (e-grocery)	Полностью онлайн (без физических магазинов (далее — магазин))	Даркстор, доставка	«Яндекс-лавка», «Самокат»
	Смешанный (собственные магазины, доступные для покупателей + возможность заказа онлайн через специальный сервис)	Собственные магазины (+ склады-магазины), собственная и партнерская доставка	«Перекресток Впрок», «Вкусвилл», «Азбука Вкуса» «Лента-онлайн», «Пятерочка Доставка»
	Агрегаторы доставки (партнерские магазины и склады-магазины)	Собственная и партнерская доставка	«iGoods», «СберМаркет», «Утконос»
Готовая еда (ОТГЕ) <sup>15</sup>	Службы производства и доставки	Прием и оформление заказов по телефону, через приложение или сайт. Собственные кухня (дарккитчен) и курьеры	«Два берега», «Dostaевский»
	Полностью онлайн, партнерская доставка	Собственные дарккитчен, партнерская доставка	«BrightKitchen», «Много лосося», «Foodband» (Москва)
	Смешанный магазинный (полка в супермаркетах); + (опционально) места для еды в торговом зале	Магазин, доставка при наличии общей доставки из магазина	«Перекресток», «Лента», «О'Кей», «Пятерочка»; «Вкусвилл», «Азбука Вкуса»
	Информационный сервис (агрегатор заказов)	Кухня сторонних ресторанов, партнерская доставка курьерскими службами и курьерами ресторанов	«Яндекс-еда» (+ «FoodFox», купленный в 2017 году «Яндексом»), «Обед.ру»
	Агрегатор заказов с доставкой	Кухня сторонних ресторанов, Доставка — самостоятельно или с помощью сторонней службы доставки	«Delivery Club»

Источник: разработано авторами на основе данных информационного агентства РБК, DP, «Яндекс Справка» [18—20].

Следующей тенденцией, стремительно выходящей на рынок фуд-ритейла и попавшей в поле нашего исследовательского внимания, стала онлайн-торговля готовой едой (ОТГЕ)<sup>16</sup>. Данную концепцию можно подразделить на два варианта. Первый — это непосредственно внедрение сектора «готовая еда» в традиционный формат офлайн-супермаркетов и заведений общепита, предполагающий торговлю продукцией, продающейся как на территории магазина / ресторана, так и онлайн с доставкой. Второй вариант — полностью базирующийся на онлайн-технологиях

<sup>15</sup> Помимо упомянутых агрегаторов и онлайн-продавцов готовой еды на рынке Санкт-Петербурга представлены давно существующие на рынке сети Yami-Yami, MyFood, Ollis, Токио Сити, «Милти» и др. Кроме того, каждое второе заведение общепита в 2020 году запустило собственные проекты доставки (URL: [https://www.dp.ru/a/2021/04/12/Gorshochek\\_ne\\_vari](https://www.dp.ru/a/2021/04/12/Gorshochek_ne_vari)).

<sup>16</sup> В западной литературе для определения данной категории используются термины *ready-to-eat-meals*, *ready-made food*, *ready meals*, *heat-and-eat meals*, *grab-and-go prepared foods*.



формат. Этот формат не требует географической привязки к торговому помещению и потоку посетителей, однако создает потребность в создании, автоматизации и грамотном размещении специальных помещений, предназначенных для приготовления и сборки заказов — дарккитчен (dark-kitchen) [12].

Сегменты торговли продуктами питания с торговлей готовой едой стремительно сближаются благодаря использованию эффекта синергии торговли ингредиентами и производства готовой еды и напитков при наличии услуги доставки<sup>17</sup> (табл. 1).

Объекты пищевого онлайн-ритейла новых форматов (даркстор, дарккитчен) для целей настоящей работы в дальнейшем будут именоваться «дотком-объектами»<sup>18</sup>. Ниже мы постараемся проверить, насколько их пространственное расположение, зоны и способы доставки влияют на успех отрасли [18].

## Результаты и обсуждение

С учетом существующих классификаций<sup>19</sup> [22; 23] описанные новые форматы пищевого онлайн-ритейла обобщены в таблице 1.

Новые формы торговли очевидно отражают появление нового пространственного типа шопинга, который пришел на уже насыщенный рынок, обслуживавший определенный набор (систему) сложившихся типов шопинга [24]. Очевидно также, что при этом данный новый тип должен был конкурировать со сложившимися [13], «оттягивая» у них потребителей<sup>20</sup>.

Какие же формы торговли внутри нового типа шопинга составляют конкуренцию традиционным и в чем? В таблицах 2 и 3 представлена авторская экспертная оценка такой конкуренции.

Таблица 2

### Примеры конкуренции нового и традиционных типов продовольственного шопинга в Санкт-Петербурге

Традиционный тип продуктового шопинга	Частота спроса / покупки	Форматы	Примеры конкурентов в новом типе
1. «Трансформационный» киосковый	Ежедневно	Киоски, павильоны, уличные торговцы, открытые рынки	«Самокат»
2. Тип шопинга «новых бедных»	1-2 раза в неделю	Социальные магазины, Специализированные дискаунтеры типа «Народный» или «Полушка», Отдельные рынки	Социальные сервисы с доставкой, «Светофор»

<sup>17</sup> Spencer, S. 2020, Webvan Founder Is Back Just as Online Grocery Orders Take Off, *Bloomberg Finance L.P.*, URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-05-12/webvan-founder-is-back-just-as-online-grocery-orders-take-off> (дата обращения: 02.07.2021) ; Fairhurst, M. 2020, Why Ready-To-Eat Meals are an Important Investment for Grocers, *Mercatus*, URL: <https://www.mercatus.com/blog/ready-to-eat-meals-investment-for-grocers/> (дата обращения: 01.08.2021).

<sup>18</sup> Dotcom (англ.) — термин, применяющийся по отношению к компаниям, чья бизнес-модель основывается на работе в рамках сети Интернет.

<sup>19</sup> Thomas-Dupuis, F., Harrison, N. 2018, Future of Retail and Consumer Goods: A Preview, *Oliver Wyman INC*, URL: [https://www.oliverwyman.com/content/dam/oliver-wyman/v2/publications/2018/January/Boardroom\\_Vol3/FutureOfRetailAndConsumerGoods\\_final.pdf](https://www.oliverwyman.com/content/dam/oliver-wyman/v2/publications/2018/January/Boardroom_Vol3/FutureOfRetailAndConsumerGoods_final.pdf) (дата обращения: 22.07.2021).

<sup>20</sup> Классификация сложившихся типов шопинга подробно описана в предыдущих работах авторов [16].

Окончание табл. 2

Традиционный тип продуктового шоппинга	Частота спроса / покупки	Форматы	Примеры конкурентов в новом типе
3. «Посттрансформационный крупноформатный»	Раз в 1-2 недели в крупном формате	Гипермаркеты, часть супермаркетов «Перекресток», «Лента», «О'кей», «Карусель», «Ашан», «Призма», «МЕТРО»	«iGooods», «Яндекс Лавка», «СберМаркет», «Перекресток» «Впрок», «Утконос», «Лента-онлайн», «Доставка О'Кей»
4. «Посттрансформационный мелкоформатный»	2-5 раз в неделю	Сетевые («Пятерочка», «Дикси», «Магнит») и несетевые, специализированные и универсальные магазины у дома, прилавочный формат «Shop-in-shop», павильоны	«Самокат», «Яндекс Лавка», «Пятерочка — доставка»

Источник: разработано авторами на основе данных информационного агентства РБК, DP, «Яндекс Справка» [18—20].

Таблица 3

**Примеры конкуренции нового и традиционных типов общепита в Санкт-Петербурге (в расчете на жителя с официальной средней зарплатой в 66 000 руб.)**

Традиционный тип общепита	Потенциальная частота спроса / покупки	Форматы	Примеры конкурентов в новом типе
Ресторан	2-5 раз в месяц	Ресторан	Службы доставки ресторанов, «Яндекс-еда», «Delivery Club», «Dostaевский», «Токио Сити»
Кафе	2-5 раз в неделю	Кафе, фуд-корты, киоски, павильоны	«Яндекс-еда», «Delivery Club», «Два Берега», «Ollis» «Токио Сити»
Фастфуд / столовая	Ежедневно	Заведения быстрого питания, столовые, фуд-корты, киоски, павильоны	«Яндекс-еда», «Delivery Club»

Источник: разработано авторами на основе данных интернет-платформы vc.ru [20].

Что же нового в пространственной организации стационарных объектов торговли продуктами питания и готовой едой можно отметить в связи с развитием новых форматов? Логично предположить, что если новые форматы оказывают подобную конкуренцию форматам традиционным, то в пространстве города это может выражаться как в появлении специфических объектов, характерных именно для новых форматов, так и в вытеснении / пространственной реорганизации объектов традиционных. Так ли это?

Принципы размещения объектов 1-го и 4-го традиционных типов шоппинга из таблицы 2 объединяет то, что они максимально тяготеют к местам проживания или транзита потенциальных потребителей и поэтому критически зависят от мак-

симально выгодного расположения по отношению к ним. В отличие от них 2-й и 3-й типы, наоборот, требуют специализированного перемещения потребителей к своим объектам, часто на значительные расстояния [16]. Тем не менее все объекты традиционного пищевого ритейла разделяют и общие принципы размещения, не зависящие от типа шопинга. Это стремление к максимальной «проходимости» выбранной точки целевой группой, оптимизация местонахождения по отношению к конкурентам и прочим характеристикам конкурентной среды в конкретном месте [25]. У появившихся же у них конкурентов из нового пищевого онлайн-ритейла оказываются принципиально иными принципы размещения своих физических объектов — складов-распределителей, складов-магазинов (фулфилмент-центров) и дотком-объектов. Рассмотрим эти принципы в сравнении с различными группами конкурентов из традиционных офлайн-форматов шопинга: с 1-м и 4-м типами шопинга и 2—3-ми соответственно (табл. 2).

У конкурирующей с традиционными форматами магазинов у дома, киосками и павильонами (1-й и 4-й типы шопинга из таблицы 2) самого успешного в России онлайн-сервиса «Самокат», начавшего свою работу в 2018 году с Санкт-Петербурга, в марте 2021 году работало 411 дарксторов в четырех городах присутствия. На конец 2020 года сеть располагала 108 складами типа «даркстор» в Санкт-Петербурге (в марте 2020 года — 59 складов)<sup>21</sup>. Для сравнения: лидеры в традиционном формате магазинов у дома — объединившиеся в 2021 году компании «Магнит» и «Дикси» — располагали вчетверо большим количеством стандартных магазинов каждая<sup>22</sup>. Общее количество также конкурирующих с подобным сервисом киосков и павильонов в городе оценивается в 3—4 тыс. объектов [16]. По словам сооснователя компании «Самокат», при выборе местоположения даркстора рассматривается комплекс факторов, главными из которых выступают радиус действия услуги, количество жителей и средний бюджет семьи в этом радиусе. Кроме того, важнейшим фактором становится оптимизация маршрутов курьеров с точки зрения как физической логистики, так и ее затратности<sup>23</sup>. Поскольку компания декларирует едва ли не самые быстрые сроки доставки продовольственного заказа в мире<sup>24</sup> радиус обслуживания каждого даркстора компании составляет не более 1,5—2 км<sup>25</sup>. Это означает, что в зависимости от района города в зоне охвата одного даркстора находятся от нескольких десятков до нескольких сот традиционных стационарных объектов конкурентов типа магазина у дома или павильонов. Такое количество объектов призвано обеспечить потребность в наличии точки торговли продуктами питания «на расстоянии вытянутой руки» при транзите по городу или на «тапочном расстоянии» [16] от места пребывания потребителя. Масштабируемый по объемам складской

<sup>21</sup> Евсеева, Е. 2020, «Самокат» отчитался о 18 млн заказов в сервисе по итогам года, *Интернет-платформа vc.ru*, URL: <https://vc.ru/trade/191843-samokat-otchitalsya-o-18-mln-zakazov-v-servise-po-itogam-goda> (дата обращения: 15.07.2021).

<sup>22</sup> Бояркова, Г. 2021, «Магнит» приобрел столичные амбиции. Что значит поглощение «Дикси» для рынка и покупателей, *Фонтанка.ру*, URL: <https://www.fontanka.ru/2021/05/18/69921287/> (дата обращения: 15.07.2021) ; Магазины Дикси в Ленинградской области, 2021, *dixies.ru*, URL: <https://dixies.ru/magaziny/leningradskaya-oblast/> (дата обращения: 15.07.2021).

<sup>23</sup> Клыженко, Л. 2021, «Самокат»: как работает сервис экспресс-доставки? *Retail.ru*, URL: <https://www.retail.ru/photoreports/samokat-kak-rabotaet-servis-ekspress-dostavki/> (дата обращения: 15.07.2021).

<sup>24</sup> Чирин, В. 2020, Петербургский «Самокат» первым в России запустил доставку продуктов за 15 минут. Как сервис развивает бизнес в двух городах и конкурирует с корпорациями, «Бумага», URL: <https://paperpaper.ru/photos/peterburgskij-samokat-pervym-v-ros/> (дата обращения: 15.07.2021).

<sup>25</sup> Самокат, 2021, URL: <https://samokat.ru/> (дата обращения: 16.07.2021).

тип работы даркстора потенциально способен обслужить если не всю аудиторию жителей зоны охвата в радиусе 1,5–2 км, то максимальную ее часть, то есть теоретически вытеснить сотни стационарных объектов. Если такой предельный случай кажется невозможным, то определенное приближение к нему вполне возможно. Если раньше главное преимущество 1-го и 4-го типов шоппинга из таблицы 2 заключалось в экономии времени на покупку, достигаемой за счет максимального приближения торговой точки к потребителю, то теперь это преимущество исчезает, когда общее время покупки в онлайн-формате (заказ + доставка) сравнивается и даже сокращается по сравнению со временем захода в стационарный магазин + выбора + покупки + самостоятельного перемещения покупки домой. И при этом возникает новое логистическое преимущество — в виде услуги внешней доставки товара домой [26].

Тем не менее если фактор местоположения торговой точки традиционных форматов может потерять свое уникальное преимущество, то прочие факторы могут помочь им в конкурентной борьбе с наступлением онлайн-ритейла. Это как традиционные факторы: цена, ассортимент, способ выбора товара, так и специфические для конкуренции именно с данным новым форматом: ограничения доступности онлайн-технологий для пользователя, самой технологии доставки; преимущества личного общения при обслуживании в магазине; потребности в социализации и времяпрепровождении во время традиционного шоппинга и др.

Пока же на фоне роста числа дотком-объектов традиционные форматы магазинов у дома и дискаунтеров также наращивают количество своих объектов в Санкт-Петербурге — главным образом за счет внедрения омниканальности, то есть фактически конвергенции с новым исключительно онлайн-шоппингом: большинство таких сетей начинают предлагать доставку<sup>26</sup>.

При этом как в России в целом, так и в Санкт-Петербурге сокращается традиционный крупноформатный тип шоппинга: по оценкам M.A.Research, в 2020 году по сравнению с 2019 годом доля гипермаркетов и форматов типа cash-and-carry в обороте повседневной розницы РФ сократилась с 18,2 до 15,4 %, супермаркетов — с 19,2 до 18,4 %, тогда как у остальных форматов она росла<sup>27</sup>. Как же все это влияет на пространственные особенности конкуренции новых форматов со 2–3-ми типами объектов из таблицы 2?

Главным трендом, связанным с онлайн-шоппингом, в данном сегменте выступает не возникновение новых чисто онлайн-бизнесов, как в описанном выше варианте, а именно развитие различных форм омниканальности [19; 21; 27].

Для пространственной организации эта особенность означает не вытеснение традиционных магазинов дарксторами, а добавление к специализации существующих супер- и гипермаркетов функции фулфилмент-центра услуг доставки. В связи с этим те сети крупных форматов, которые более успешны во внедрении омниканальности, не снижают, а увеличивают количество своих объектов, служащих теперь как магазинами, так и фулфилмент-центрами (складами-магазинами с функцией доставки). Сокращаются же объекты менее успешных специфических или новых сетей, так, в 2020 году были закрыты элитные торговые сети (например,

<sup>26</sup> Дмитриева, Д. 2021, Без тележек и корзинок: эпоха гипермаркетов завершается, газета *Деловой Петербург*, URL: [https://www.dp.ru/a/2021/06/30/Bez\\_telezhek\\_i\\_korzinok](https://www.dp.ru/a/2021/06/30/Bez_telezhek_i_korzinok) (дата обращения: 16.07.2021); Матвеева, И. 2020, Магнит завладел новыми точками Петербурга и других регионов России, *moika78.ru*, URL: <https://moika78.ru/news/2020-10-21/496149-magnit-zavladel-novymi-tochkami-peterburga-i-drugih-regionov-rossii/> (дата обращения: 16.07.2021).

<sup>27</sup> Синявская, А. 2021, FMCG-ритейл 2021: онлайн и дискаунтеры, *Исследовательское агентство M.A.RESEARCH*, URL: <https://ma-research.ru/stati/item/296-fmcg-ritejl-2021-onlajn-i-diskauntery.html> (дата обращения: 16.07.2021).

сеть «Лэнд» закрыла 7 магазинов<sup>28</sup>), некоторые специфические торговые сети (3 гипермаркета «Оптоклуб Ряды» в Санкт-Петербурге, вновь появившаяся и закрытая сеть из 13 магазинов «Виктория»<sup>29</sup>). При этом лидеры развития омниканальности в формате гипермаркетов (когда курьер / мерчандайзер формирует онлайн-заказ с полки обычного супермаркета и отвозит / передает его потребителю) нарастили количество объектов. Сеть «Перекресток» (у которой имеются свои службы доставки «Перекресток» «Впрок» и «Перекресток Экспресс») с 2019 года увеличила количество магазинов на 11 (111 — на 2021 год) и построила одно помещение формата даркстор (7 тыс. м<sup>2</sup>) на севере города<sup>30</sup>. Сеть «Лента», в отличие от «Перекрестка», сделала ставку не на дальнейшее развитие собственного сервиса онлайн-доставки, а приобрела одного из лидеров этого формата услуг — компанию «Утконос»: она добавила себе склад службы доставки «Утконос» (9,5 тыс. м<sup>2</sup>) и построила в период пандемии (2020) собственный склад площадью 70 тыс. м<sup>2</sup> (с возможностью расширения на 10 тыс. м<sup>2</sup>)<sup>31</sup>. Кроме того, практически все сети гипермаркетов, не развивающие собственные службы доставки, пользуются услугами агрегаторов доставки типа «iGooods» или «СберМаркет». Развитие сервисов собственной доставки, и особенно их агрегаторов, у традиционных гипермаркетов нивелирует некогда ключевой для потребителя фактор местоположения объекта. Для пользователя онлайн-сервиса более не имеют значения физическая доступность ни конкретного магазина, ни сети в целом. Для таких потребителей ключевым становится фактор времени доставки, на что сети обращают особое внимание при выборе места для нового объекта [28].

Однако омниканальность — возможность выбора между онлайн- и офлайн-покупкой — потенциально дает гипермаркетам преимущества перед чисто онлайн-сервисами и сохраняет значимость традиционных факторов размещения в глазах большинства потребителей.

Крупные сети имеют конкурентное преимущество при ориентации в интернет-торговле на максимальную аудиторию, поскольку уже обладают разветвленной сетью приближенных к большинству потребителей гипермаркетов-фулфилмент-центров. Однако необходимо отметить появление и развитие узкоспециализированных нишевых пищевых онлайн-ритейлеров, не имеющих ни сети дарксторов, ни полного ассортимента гастронома [29]. Они, как правило, специализируются на узком сегменте товара (фермерские, элитные, этнические и т.п. продукты) и либо пользуются арендой существующих складов, либо организуют свой. Кроме того, существует тенденция к запуску онлайн-сервисов, ори-

---

<sup>28</sup> Поддубный, А. 2020, Петербургская сеть супермаркетов сокращает бизнес, *RBC*, URL: [https://www.rbc.ru/spb\\_sz/02/11/2020/5f9fb4ed9a7947341f3a7b9d](https://www.rbc.ru/spb_sz/02/11/2020/5f9fb4ed9a7947341f3a7b9d) (дата обращения: 16.07.2021).

<sup>29</sup> Как изменился ритейл Петербурга в 2020 году, 2020, «Продукт медиа», URL: <https://producttoday.ru/2021/01/12/kak-izmenilsja-ritejl-peterburga-v-2020-godu/> (дата обращения: 17.07.2021); Зайцева, Д. 2021, О тех, кто остался: торговые сети Петербурга после пандемии, *Деловой Петербург*, URL: [https://www.dp.ru/a/2021/04/19/O\\_teh\\_kto\\_ostalsja?hash=768771](https://www.dp.ru/a/2021/04/19/O_teh_kto_ostalsja?hash=768771) (дата обращения: 17.07.2021).

<sup>30</sup> Казаков, Н. 2019, X5 Retail Group начала масштабную перезагрузку магазинов в Петербурге, *Moika78.ru*, URL: <https://moika78.ru/news/2019-12-09/332664-x5-retail-group-nachala-masshtabnuyu-perezagruzku-magazinov-v-peterburge/> (дата обращения: 17.07.2021).

<sup>31</sup> Рынок складской и индустриальной недвижимости Санкт-Петербург. Итоги 2020 года, 2021, *Knight Frank*, URL: <https://kf.expert/publish/rynok-skladskoy-nedvizhimosti-sankt-peterburg-itogi-2020> (дата обращения: 18.07.2021); Сообщение Медиацентра Ленты, 2020, *Лента*, URL: <http://www.lentainvestor.com/ru/media-centre/news-article/id/2666> (дата обращения: 18.07.2021).

ентированных на все масштабы обслуживания внутри одной компании (так, например, «Перекресток» пытается идти в мелкий онлайн-формат, а «Самокат» — в крупный).

Очевидно, что на фоне всех описанных тенденций происходит увеличение количества и площади складов. Так, в 2020 году введено в хозяйственную деятельность 312 тыс. м<sup>2</sup> складских площадей (это в 1,7 раза больше, чем в 2019 году, — 184 тыс. м<sup>2</sup>)<sup>32</sup>. Всего на 2020 год в Санкт-Петербурге для логистической деятельности доступно 4030 тыс. м<sup>2</sup> складской площади (на 15 % больше по сравнению с 2019 годом, в 2019 году увеличение по сравнению с 2018 годом составило 6,5 %) <sup>33</sup>.

Для пространственной организации онлайн-торговли готовой едой имеет принципиальное значение степень ориентации компании — поставщика услуги на собственное производство вне традиционных точек общепита: чем она больше, тем больше новых объектов типа складов и дарккитчен требуется организовать. У полностью онлайн-сервисов с собственным производством организуются только они, у прочих — добавляется разная мера розничных точек общепита (табл. 1 и 3). Очевидно, что принципы размещения новых дотком-объектов в торговле готовой едой повторяют описанные выше для ОТПП и зависят как от пространственного охвата аудитории, так и объема / стоимости заказа.

Новая пространственная конкуренция у пищевого онлайн-ритейла возникает не только с классическими магазинами / ресторанами, но и между самими даксторами / китченами. Критическую значимость при этом приобретает новый ключевой инструмент пространственной конкуренции — скорость доставки [20].

Если местоположение точки обслуживания перестает быть конкурентным преимуществом в глазах покупателя, то скрытый от потребителя фактор ускорения доставки таковым становится.

Скорость доставки зависит от типа сервиса компании — ориентации на крупные / средние перевозки, как правило, на большие расстояния в течение длительного периода времени: 30 мин — 1—2 дня (см. 2, 3-й типы шоппинга из таблицы 2) или на доставку малогабаритных товаров / небольшого количества на минимальные дистанции в сжатые сроки: 10—15 мин (1, 4-й типы из таблицы 2); есть также компании (такие как «Перекресток»), которые совмещают и экспресс-доставку и большие перевозки [43]. Между этими двумя основными типами доставки конкуренция минимальна, так как они обслуживают совершенно разные виды шоппинга, зоны охвата и группы потребителей.

В первом случае компания стремится охватывать большую территорию (чем больше расстояние, тем больше должна быть стоимость груза для окупаемости и большей нормы прибыли) и ориентируется на потребителей, которые берут товары на длительный период. Главным конкурентным преимуществом среди компаний этого типа будет максимальная масса доставки и регулярность перевозок (доставка должна осуществляться или в определенные дни недели, или каждый день в определенные часы).

Если брать малый формат доставки, то компания стремится доставить товар как можно скорее, количество не имеет такого значения, как в случае с крупным форматом доставки, но устанавливается минимальная цена, ниже которой товар

<sup>32</sup> Рынок складской и индустриальной недвижимости Санкт-Петербург. Итоги 2019 года, 2020, *Knight Frank*, URL: <https://kf.expert/publish/rynok-skladskoy-nedvizhimosti-sankt-peterburga-2019-god> (дата обращения: 18.07.2021).

<sup>33</sup> Обзор рынка офисных и торговых помещений Санкт-Петербург, 2-й квартал 2020 года, 2020, ООО «ИНДУСТРИЯ-Р», URL: [https://industry-r.ru/f/obzor\\_rynka\\_ofisnyh\\_i\\_torgovyh\\_pomeshchenij\\_2kv2020g\\_sankt-peterburg\\_pressa.pdf](https://industry-r.ru/f/obzor_rynka_ofisnyh_i_torgovyh_pomeshchenij_2kv2020g_sankt-peterburg_pressa.pdf) (дата обращения: 18.07.2021).

нельзя заказать (100—200 рублей), для окупаемости. Здесь местоположение фул-филмент-центра (даркстора) имеет гораздо более критическое значение для успеха бизнеса, чем в первом случае.

Поскольку время доставки стало критическим фактором конкуренции в пищевом онлайн-ритейле, то существенно возрастает значимость связанных с ним определенных принципов пространственной организации.

1. Изменились принципы пространственного раздела территории между конкурирующими бизнесами: при интернет-торговле критически важным становится не установление и защита максимально возможной «монополии» на отдельную территорию конкретным трейдером, а наиболее эффективный охват универсальным сервисом всей / максимально возможной территории. На сайтах компаний можно видеть примеры макрозонирования: на макрозоны с разным временем доставки в пригородах и в основном городе («Перекресток Впрок», «Самокат» и др.).

2. В связи с вышесказанным существенно возросла значимость логистического зонирования территории города внутри компаний, обеспечивающего максимально универсальное на всей территории обслуживания время и качество доставки. Это подразумевает не только грамотное районирование на зоны охвата дотком-объектами, но и микропозиционирование самих этих объектов по отношению к границам зон охвата. Таким образом, «даркстор у дома» в отличие от стандартного «магазина у дома», не стремится к пешеходной доступности от места проживания целевой группы, но требует равной доступности доставки в зоне велоохвата, хороших подъездных путей и зон разгрузки для малотоннажного грузового транспорта. Чаще всего дарксторы занимают помещения бывших магазинов (рис. 1).



Рис. 1. Даркстор в бывшем магазине, Санкт-Петербург, февраль 2021 года.

Фотография К. Э. Аксёнова

Даркстор / распределительный центр гипермаркета в отличие от классического гипермаркета-магазина не стремится располагаться рядом с транспортными узлами или магистралями с транзитным трафиком, может находиться вдалеке от них и даже в иных функциональных зонах — промышленной, пригородной, смешанной и пр., но с хорошей логистической доступностью для крупнотоннажного и малотоннажного грузового транспорта. Также можно предположить, что с развитием доставки непосредственно из магазинов («Лента-онлайн», «Доставка О'Кей» и др.) сети крупных форматов будут в гораздо большей степени, чем раньше, стремиться

расположить магазины, ставшие фулфилмент-центрами, так, чтобы относительно равномерно охватить универсальным сервисом доставки большую часть территории города. Даркситчен также не стремится к ранее наиболее востребованным и дорогим локациям общепита, но, наоборот, может формировать спрос на наименее привлекательные, но уже приспособленные под кухню и с хорошей транспортной доступностью — ранее убыточные, в периферийных местах с самым низким трафиком рестораны-банкроты и т.п. (рис. 2).



Рис. 2. Даркситчен в бывшем ресторане, Санкт-Петербург, февраль 2021 года.

Фотография К. Э. Аксёнова

До сих пор в связи с развитием пищевого онлайн-ритейла мы рассматривали сдвиги в принципах размещения стационарных объектов. Однако на перемены в пространственной организации города сказываются не только они. Не меньшее, а возможно, и более значительное воздействие новый ритейл оказывает на реорганизацию потоков, главными из которых для данной работы выступают грузовые и пешеходные транспортные потоки, равно как и связанная с ними инфраструктура и общественные отношения [30].

Из важнейших для реорганизации потоков в городе можно выделить следующие особенности организации нового пищевого онлайн-ритейла:

- функция выбора товара, включая сравнительный маркетинг между продавцами, в основном стала внепространственной, не требующей физического перемещения покупателя в городе;

- функция перемещения «товар — потребитель» перешла к продавцу, то есть не потребитель перемещается к торговцу для совершения покупки, а наоборот (что возвращает нас на новом витке к киосковому принципу шопинга [16];

- если пополнение товарных запасов даркстора полностью аналогично обычному розничному магазину<sup>34</sup>, то доставка товара повседневного спроса превратилась из пешего маршрута частного потребителя со своей покупкой в руках в транспортно-логистическую операцию, как правило, с использованием принципиально нового для города вида грузового коммерческого транспорта — средств индивидуальной мобильности (СИМ), а для крупноформатного шопинга — с использованием коммерческого автотранспорта;

<sup>34</sup> Требования к объекту недвижимости для размещения dark-store, 2019, *Perekrestok.ru*, URL: [https://www.x5.ru/ru/PublishingImages/Pages/Partners/EstateSearch/dark\\_store.pdf](https://www.x5.ru/ru/PublishingImages/Pages/Partners/EstateSearch/dark_store.pdf) (дата обращения: 20.06.2021).



— важно, что такой грузовой коммерческий трафик, некогда использовавший в качестве транзитной только проезжую часть, переместился на тротуары, причем в круглогодичном режиме (рис. 3);



Рис. 3. Кризис старой и приход новой наружной рекламы, Санкт-Петербург, февраль 2021 года. Фотография К. Э. Аксёнова

— такой транспорт стал всесезонным и всепогодным, а скорость перемещения СИМ стала превышать среднюю скорость пешеходов в разы, создав функциональную конкуренцию некогда сугубо частному (не бизнес) использованию и породив новый пространственный конфликт в городе, потребовавший разработки специального регулирования<sup>35</sup>.

Однако все эти процессы требуют не просто применения нового регулирования, но и адаптации и реорганизации всей существующей транспортной инфраструктуры и системы в целом (как автомобильной грузовой, легковой, СИМ, так и пассажирской и даже пешеходной). Пожалуй, можно утверждать, что с развитием онлайн-ритейла масштабы реорганизации транспортной системы можно будет считать самыми серьезными за многие десятилетия<sup>36</sup>.

Практикуемые различные способы доставки рождают спрос на рынке малотоннажного коммерческого транспорта, спрос на доставку на личном автотранспорте и СИМ, а также на службы лизинга и проката такого транспорта<sup>37</sup>.

<sup>35</sup> Глава СКР поручил разработать правила по самокатам после драки на Невском, 2021, *Деловой Петербург*, URL: [https://www.dp.ru/a/2021/05/19/Glava\\_SKR\\_poruchil\\_razrabo/](https://www.dp.ru/a/2021/05/19/Glava_SKR_poruchil_razrabo/) (дата обращения: 20.06.2021).

<sup>36</sup> Данная проблематика выходит за рамки этой работы и требует отдельного рассмотрения.

<sup>37</sup> Допливу, долечу, доеду: службы доставки экспериментируют с транспортом, 2021, *Деловой Петербург*, URL: [https://www.dp.ru/a/2021/04/05/Doplivu\\_dolechu\\_doedu](https://www.dp.ru/a/2021/04/05/Doplivu_dolechu_doedu) (дата обращения: 20.06.2021) ; Экспресс-доставки требуют наши сердца: авторынок подстраивается, 2021, *Деловой Петербург*, URL: [https://www.dp.ru/a/2021/07/27/IEkspress-dostavki\\_trebujut?utm\\_source=yxnews&utm\\_medium=desktop/](https://www.dp.ru/a/2021/07/27/IEkspress-dostavki_trebujut?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop/) (дата обращения: 20.06.2021).

Помимо воздействия на пространственную организацию стационарных объектов и потоков, рассмотренных выше, необходимо отметить и влияние развития пищевого онлайн-ритейла на реорганизацию отрасли наружной, внутризальной (BTL) и транзитной рекламы [31].

В связи с переходом к интернет-маркетингу и отсутствием необходимости торговой точки привлекать транзитных покупателей на улице, также происходит сокращение наружной рекламы продавца в конкретной точке. Одним из следствий данного процесса выступает ухудшение / изменение дизайна городской среды: на дарксторах / дарккитчен нет витрин, вывесок и рекламы. Соответственно, сокращается возможность для window shopping как части городского досуга, меняется функция среды, как минимум, ее привлекательность для рекреации и туризма (рис. 1, 2).

Взамен появился новый вид транзитной / наружной рекламы, не связанный с конкретной торговой точкой и иногда даже трейдером, — реклама на доставщиках и их транспорте. Данный вид транзитной рекламы специально не регулируется, но очевидно влияет на традиционные формы наружной и транзитной рекламы, также серьезно меняя облик города (рис. 3).

Среди прочих, не попадающих в наше подробное рассмотрение эффектов, добавим, что меняется организация (в том числе пространственная) и рынка труда:

— масштабы развития доставки породили обвальное спрос на курьеров, при этом расширяется рынок труда «у дома» — спрос-предложение на работу в доставке у жителей узкотаргетированных территорий растет;

— спрос на максимально мобильные группы населения: молодые, со своим велосамокатным и другим транспортом.

## **Заключение**

На примере Санкт-Петербурга мы показали развитие новых форм пищевого онлайн-ритейла в пространстве российских крупных городов. Представленная классификация различных моделей организации этого типа ритейла демонстрирует появление принципиально иной системы требований, предъявляемых онлайн-ритейлом к пространству города, по сравнению с традиционными отраслями и способами организации розницы. Несмотря на работу в онлайн, данный бизнес вполне материален и создает в городской среде особые формы собственной пространственной организации. Нами рассмотрены пространственно-временные параметры связанной с этим бизнесом новой модели шопинга и представлен сравнительный анализ ее пространственной конкуренции с уже сложившимися моделями, в одних случаях проявляющейся в вытеснении объектов существующих офлайн-форматов, в других — в реорганизации функций последних.

С большей или меньшей детализацией пространственная организация нового пищевого онлайн-ритейла показана в разрезе системы размещения новых офлайн-объектов; возникновения новых потоков и их влияния на городское развитие; воздействия на рынки наружной и транзитной рекламы и рынок труда.

Описанные нами принципы размещения физических объектов нового типа — складов-распределителей, складов-магазинов (фулфилмент-центров) и дотком-объектов — оказались существенно иными, чем у традиционных, и зависящими от обслуживаемого типа спроса.

В частности, фактор скорости доставки становится новым ключевым инструментом пространственной конкуренции, вытесняя местоположение специализированной точки обслуживания покупателя как некогда главное конкурентное преимущество в его глазах. Соответственно, возрастает значимость связанных с этим фактором определенных принципов пространственной организации: изменились принципы пространственного раздела территории между конкурирующими биз-

несами, когда при интернет-торговле критически важным становится не установление и защита максимально возможной «монополии» на отдельную территорию конкретным трейдером, а наиболее эффективный охват универсальным сервисом всей/максимально возможной территории. Существенно возросла значимость логистического зонирования территории города внутри компаний, обеспечивающего максимально универсальное на всей территории обслуживания время и качество доставки.

Важнейшим фактором реорганизации потоков в городе выступает принципиальное перераспределение ключевых логистических функций при совершении покупки между ее участниками: покупателем и продавцом (с участием посредников) — по отношению к товару. Так, функция перемещения товар — потребитель перешла к продавцу, причем часто с использованием нового для города вида грузового коммерческого транспорта — средств индивидуальной мобильности, и новой дорожной инфраструктуры — тротуаров, внутриквартальных проездов и проходов. Некоторые функции, такие как маркетинг (как со стороны продавца, так и покупателя), стали вообще внепространственными. В итоге для совершения покупки перестало требоваться перемещение покупателя куда-либо из места пребывания, следовательно, в чисто онлайн-модели шопинга вообще отпадает надобность в существовании традиционных точек обслуживания покупателя — магазинах, салонах услуг и т.п., сохраняясь лишь в омниканальных моделях.

Происходит сокращение наружной рекламы продавца в конкретной точке, частично компенсируемое появлением нового вида транзитной рекламы на доставщиках и их транспорте. Одним из следствий данных процессов выступает снижение привлекательности городской среды.

На рынке труда возник лавинообразный спрос на курьеров, практикуемые различные способы доставки рождает спрос на рынке малотоннажного коммерческого транспорта, спрос на доставку на личном автотранспорте и СИМ, а также на службы лизинга и проката такого транспорта. Расширяется локальный сегмент рынка труда «у дома», равно как и спрос на максимально мобильные группы населения: молодые, со своим велосамокатным и др. транспортом.

Представляется, что проникновение новых форм ОТПП в Российских городах будет возрастать и после окончания ограничений, связанных с пандемией COVID-19. Данный тренд носит глобальный характер, проникновение ОТПП в странах-лидерах еще до начала пандемии на порядок превышало российский, последнюю поэтому можно рассматривать лишь как существенный катализатор и акселератор догоняющего развития в данной области.

## **Список литературы**

1. Куцоконь, И. В., Корнюшина, К. А. 2021, Влияние макроэкономического шока от пандемии на отрасль e-grocery, *Journal of Economy and Business*, т. 4-1, № 74, с. 216—221. doi: 10.24412/2411-0450-2021-4-1-216-221.
2. Куликов, В. И. 2020, Рынок продовольственного ритейла: перспективы в постпандемический период, *The Scientific Heritage*, т. 3, № 57, с. 23—25. doi: 10.24412/9215-0365-2020-57-3-23-25.
3. Куликов, В. И. 2020, Тенденции по изменению спроса в общественном питании в 2020 году, *Бизнес-образование в экономике знаний*, т. 17, № 3, с. 95—97. doi: 10.24412/2412-5318-2020-317-95-97.
4. Бурденко, Е. В., Королёв, Г. В. 2021, Позитивные практики индустрии общественного питания Российской Федерации в условиях пандемии COVID-19, *Вестник университета*, № 5, с. 101—108.
5. Martín, J. C., Pagliara, F., Román, C. 2019, The Research Topics on E-Grocery: Trends and Existing Gaps, *Sustainability*, vol. 11, № 2, p. 321. doi: 10.3390/su11020321.

6. Fox, M. A., Kempiak, M. 2002, Online grocery shopping: Consumer motives, concerns, and business models, *First Monday*, vol. 9, № 7, doi: 10.5210/fm.v7i9.987.
7. Småros, J., Holmström, J. 2000, Viewpoint: reaching the consumer through e-grocery VMI, *International Journal of Retail & Distribution Management*, vol. 28, № 2, p. 55—61. doi: 10.1108/09590550010315098.
8. Cheow, V., Yeo, S., Goh, S.-K., Rezaei, S. 2017, Consumer experiences, attitude and behavioral intention toward online food delivery (OFD) services, *Journal of Retailing and Consumer Services*, № 35, p. 150—162. doi: 10.1016/j.jretconser.2016.12.013.
9. Seaman, C. E. A. 1995, Food on the internet, *Nutrition & Food Science*, vol. 95, № 6, p. 26—29. doi: 10.1108/00346659410739030.
10. Seaman, C. E. A., Kirk, T. R. 1993, What Use Are Computers in Nutrition? *Nutrition & Food Science*, vol. 93, № 4, p. 8—10. doi: 199310.1108/EUM0000000000992.
11. Чугунова, О. В. 2017, Инновационные направления развития сферы общественного питания, *Научное обозрение. Экономические науки*, № 3, с. 29—39.
12. Захарова, И. И. 2020, Формат «Dark kitchen» для индустрии питания в условиях кризиса, *Агропродовольственная экономика*, № 6, с. 7—13.
13. Småros, J., Holmström, J., Kämäräinen, V. 2000, New Service Opportunities in the E-grocery Business, *The International Journal of Logistics Management*, vol. 11, № 1, p. 61—74. doi: 10.1108/09574090010806065.
14. Mkansi, M., Eresia-Eke, C., Emmanuel-Ebikake, O. 2018, E-grocery challenges and remedies: Global market leaders perspective, *Cogent Business & Management*, vol. 5, № 1, p. 3—35. doi: 10.1080/23311975.2018.1459338.
15. Kirby-Hawkins, E., Birkin, M., Clarke, G. 2019, An investigation into the geography of corporate e-commerce sales in the UK grocery market, *Environment and Planning B: Urban Analytics and City Science*, vol. 6, № 46, p. 1148—1164. doi: 10.1177/2399808318755147.
16. Аксёнов, К. Э. 2016, Эволюция типов шоппинга и пространственная организация розничной торговли в постсоветском метрополисе, *Изв. РГО*, т. 148, № 6, с. 39—56.
17. Егорова, К. Д., Платонова, А. С., Суворова, С. Д. 2020, Формат «Dark Store»: современная реальность ритейла России, *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*, т. 2, № 7, с. 110—113. doi: 10.24411/2500-1000-2020-10896.
18. Суворова, С. Д., Еремин, К. А. 2021, Форматы «E-grocery» и «Dark-store»: развитие на потребительском рынке России, *Journal of Economy and Business*, т. 70, № 12-1, с. 235—238.
19. Thain, G., Bradley, J. 2012, Store wars: the Worldwide Battle for Mind space and Shelf space, Online and In-store, *West Sussex*, PO19, 8SQ, United Kingdom, John Wiley & Sons, p. 215—216.
20. Saphores, J.-D., Xu, L. 2020, E-shopping changes and the state of E-grocery shopping in the US — Evidence from national travel and time use surveys, *Research in Transportation Economics*, vol. 87, p. 184—196. doi: 10.1016/j.retrec.2020.100864.
21. Спиридонова, Г. В., Мрочко, Л. В. 2021, Антикризисные тренды рынка FMCG в период пандемии: e-гроссеры, маркетплейсы, цифровые технологии, *Экономические и социально-гуманитарные исследования*, т. 29, № 1, с. 26—33. doi: 10.24151/2409-1073-2021-1-26-33.
22. Viebahn, C., Landwehr, M. A., Trott, M. 2020, The Future of Grocery Shopping? A Taxonomy-Based Approach to Classify E-Grocery Fulfillment Concepts, *Business and Computer Science*, p. 111—117. doi: 10.30844/wi\_2020\_j2-viebahn.
23. Khan, S. A., Ahmad, S., Jamshed, M. 2020, IoT-enabled services in online food retailing, *J Public Affairs*, vol. 21, № 1. doi: 10.1002/pa.2150.
24. Shea, T. P., Zivic, L. J. 2003, Online Food Retailing: Is Market Segmentation The Key To Success? *Journal of Business & Economics Research*, vol. 5, № 1. doi: 10.19030/jber.v1i5.3008.
25. Аксенов, К., Брадэ, И., Бондарчук, Е. 2006, Трансформационное и посттрансформационное городское пространство. В: *Ленинград-Санкт-Петербург 1989—2002*, СПб., Геликон-плюс, с. 284.
26. Дыганова, Р. Р. 2018, Современные способы доставки товаров в дистанционной торговле, *Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии*, т. 60, № 1, с. 168—170.
27. Vazquez-Noguerol, M., González-Boubeta, I., Portela-Caramés, I., Carlos Prado-Prado, J. 2021, Rethinking picking processes in e-grocery: a study in the multichannel context, *Business Process Management Journal*, vol. 27, № 2, p. 565—589. doi: 10.1108/BPMJ-04-2020-0139.

28. Mkansi, M., Luntala Nsakanda, A. 2021, Leveraging the physical network of stores in e-grocery order fulfilment for sustainable competitive advantage, *Research in Transportation Economics*, № 87, p. 170—186. doi: 10.1016/j.retrec.2019.100786.

29. Тиунов, В. М. 2020, Сервисы доставки здоровой еды как современное явление в условиях карантина, *Технологии пищевой и перерабатывающей промышленности АПК — продукты здорового питания*, № 3, с. 56—64.

30. Saskiaa, S., Marei, N., Blanquart, C. 2016, Innovations in e-grocery and Logistics Solutions for Cities, *Transportation Research Procedia*, № 12, p. 825—835. doi: 10.1016/j.trpro.2016.02.035.

31. Демин, А. С. 2020, Необходимость использования новых медиа подходов для организации в сфере продуктового ритейла, *Научные труды Московского гуманитарного университета*, т. 7, № 1, с. 40—45.

## Об авторах

**Константин Эдуардович Аксёнов**, доктор географических наук, профессор кафедры региональной политики и политической географии, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: axenov@peterlink.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4728-0121>

**Ольга Владиславовна Красковская**, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: 109362@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0696-5965>

**Федор Максимович Ренни**, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: fedor.renni@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8195-5818>



ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

# SPATIAL ORGANIZATION OF THE NEW FORMS OF E-GROCERY AND READY-MADE FOOD TRADE IN A LARGE RUSSIAN CITY

**K. E. Axenov**

**O. V. Kraskovskaya**

**F. M. Renni**

St. Petersburg State University  
7/9 University Embankment, St. Petersburg, 199034, Russia

Received 15.08.2021

doi: 10.5922/2079-8555-2022-3-2

© Axenov, K. E., Kraskovskaya, O. V.,  
Renni, F. M., 2022

**To cite this article:** Axenov, K. E., Kraskovskaya, O. V., Renni, F. M. 2022, Spatial organization of the new forms of e-grocery and ready-made food trade in a large Russian city, *Balt. Reg.*, Vol. 14, no 2, p. 28—48. doi: 10.5922/2079-8555-2022-3-2.

This work aims to identify fundamentally new features in the spatial organization of e-grocery and ready-made food trade in a Russian city, distinct from those typical of traditional food retail enterprises. Focusing on St Petersburg, the article describes the emergence of a completely different system of requirements imposed by new forms of online food retail in the space of a large Russian city, compared with traditional industries and retail organization methods. The spatial and temporal parameters of the new shopping model are considered, and a comparative analysis of its spatial competition with already established models is presented. The spatial organization of new online food retail is demonstrated in the context of the placement system of new types of offline objects, the emergence of new flows, their impact on urban development and the effect on the outdoor and transit advertising markets, as well as on the labor market. Based on this analysis, it is concluded that new-type physical objects such as distribution warehouses, warehouse stores (fulfilment centres) and dot-com objects are placed according to entirely different principles. If the location of a service point is no longer a competitive advantage as seen by the buyer, faster delivery, hidden from the consumer, emerges as a critical factor in new competition. The paper also analyses the significance of spatial organization principles associated with this factor.

### Keywords:

retail, spatial organization, e-grocery, online trade, ready-made food, Russian city

### References

1. Kutsokon, I. V., Korniyushina, K. A. 2021, Impact of the macroeconomic shock from the pandemic on the e-grocery industry, *Journal of Economy and Business*. vol. 4-1, №74, p. 216—221. doi: 10.24412/2411-0450-2021-4-1-216-221 (in Russ.).
2. Kulikov, V.I. 2020, Food retail market: prospects in the post-pandemic period, *The Scientific Heritage*, vol. 3, №57, p. 23—25. doi: 10.24412/9215-0365-2020-57-3-23-25 (in Russ.).
3. Kulikov, V.I. 2020, Trends in changes in demand in public catering in 2020, *Biznes-obrazovanie v ekonomike znaniy* [Business education in the knowledge economy], vol. 17, №3, p. 95—97. doi: 10.24412/2412-5318-2020-317-95-97 (in Russ.).
4. Burdenko, E. V., Korolev, G. V. 2021, Positive practices of the catering industry of the Russian Federation in the context of the COVID-19 pandemic, *Vestnik universiteta*, №5, p. 101—108 (in Russ.).
5. Martín, J. C., Pagliara, F., Román, C. 2019, The Research Topics on E-Grocery: Trends and Existing Gaps, *Sustainability*, vol. 11, №2, p. 321. doi: 10.3390/su11020321.
6. Fox, M. A., Kempiak, M. 2002, Online grocery shopping: Consumer motives, concerns, and business models, *First Monday*, vol. 9, №7, doi: <https://doi.org/10.5210/fm.v7i9.987>.
7. Smáros, J., Holmström, J. 2000, Viewpoint: reaching the consumer through e-grocery VMI, *International Journal of Retail & Distribution Management*, vol. 28, №2, p. 55—61. doi: 10.1108/09590550010315098.
8. Cheow, V., Yeo, S., Goh, S.-K., Rezaei, S. 2017, Consumer experiences, attitude and behavioral intention toward online food delivery (OFD) services, *Journal of Retailing and Consumer Services*, №35, p. 150—162. doi: 10.1016/j.jretconser.2016.12.013.
9. Seaman, C.E.A. 1995, Food on the internet, *Nutrition & Food Science*, vol. 95, №6, p. 26—29. doi:10.1108/00346659410739030.
10. Seaman, C. E. A., Kirk, T.R. 1993, What Use Are Computers in Nutrition? *Nutrition & Food Science*, vol. 93, №4, p. 8—10. doi: 199310.1108/EUM000000000092.
11. Chugunova, O.V. 2017, Innovative directions for the development of the catering sector, *Nauchnoe obozrenie. Ekonomicheskie nauki* [Scientific review. Economic Sciences], №3, p. 29—39 (in Russ.).
12. Zakharova, I.I. 2020, “Dark kitchen” format for the food industry in times of crisis, *Agro-prodovol'stvennaya ekonomika* [Agri-food economy], №6, p. 7—13 (in Russ.).
13. Smáros, J., Holmström, J., Kämäräinen, V. 2000, New Service Opportunities in the E-grocery Business, *The International Journal of Logistics Management*, vol. 11, №1, p. 61—74. doi: 10.1108/09574090010806065.

14. Mkansi, M., Eresia-Eke, C., Emmanuel-Ebikake, O. 2018, E-grocery challenges and remedies: Global market leaders perspective, *Cogent Business & Management*, vol. 5, № 1, p. 3—35. doi: 10.1080/23311975.2018.1459338.
15. Kirby-Hawkins, E., Birkin, M., Clarke, G. 2019, An investigation into the geography of corporate e-commerce sales in the UK grocery market, *Environment and Planning B: Urban Analytics and City Science*, vol. 6, № 46, p. 1148—1164. doi: 10.1177/2399808318755147.
16. Aksyonov, K. E. 2016, The evolution of shopping types and the spatial organization of retail in the post-Soviet metropolis, *Izvestiya RGO [Izvestiya of the Russian Geographical Society]*, vol. 148, № 6, p. 39—56 (in Russ.).
17. Egorova, K. D., Platonova, A. S., Suvorova, S. D. 2020, Dark Store Format: Modern Reality of Russian Retail, *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk [International Journal of the Humanities and Natural Sciences]*, vol. 2, № 7, p. 110—113. doi: 10.24411/2500-1000-2020-10896 (in Russ.).
18. Suvorova, S. D., Eremin, K. A. 2021, E-grocery and Dark-store formats: development in the Russian consumer market, *Journal of Economy and Business*, vol. 70, № 12-1, p. 235—238 (in Russ.).
19. Thain, G., Bradley, J. 2012, Store wars: the Worldwide Battle for Mind space and Shelf space, Online and In-store, *West Sussex*, PO19, 8SQ, United Kingdom, John Wiley & Sons, p. 215—216.
20. Saphores, J-D., Xu, L. 2020, E-shopping changes and the state of E-grocery shopping in the US — Evidence from national travel and time use surveys, *Research in Transportation Economics*, vol. 87, p. 184—196. doi: 10.1016/j.retrec.2020.100864.
21. Spiridonova, G. V., Mrochko, L. V. 2021, Anti-crisis trends in the FMCG market during the pandemic: e-grocery, marketplaces, digital technologies, *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya*, [Economic and socio-humanitarian research], vol. 29, № 1, p. 26—33. doi: 10.24151/2409-1073-2021-1-26-33 (in Russ.).
22. Viebahn, C., Landwehr, M. A., Trott, M. 2020, The Future of Grocery Shopping? A Taxonomy-Based Approach to Classify E-Grocery Fulfillment Concepts, *Business and Computer Science*, p. 111—117. doi: 10.30844/wi\_2020\_j2-viebahn.
23. Khan, S. A., Ahmad, S., Jamshed, M. 2020, IoT-enabled services in online food retailing, *J Public Affairs*, vol. 21, № 1. doi: 10.1002/pa.2150.
24. Shea, T. P., Zivic, L. J. 2003, Online Food Retailing: Is Market Segmentation The Key To Success? *Journal of Business & Economics Research*, vol. 5, № 1. doi: 10.19030/jber.v1i5.3008.
25. Aksenov, K., Brade, I., Bondarchuk, E. 2006, Transformation and post-transformation urban space. In: *Leningrad-Sankt-Peterburg 1989—2002 [Leningrad-St. Petersburg 1989—2002]*, St. Petersburg, Helikon-plus, p. 284 (in Russ.).
26. Dyganova, R. R. 2018, Modern methods of delivery of goods in distance selling, *Konkurentosposobnost' v global'nom mire: ekonomika, nauka, tekhnologii [Competitiveness in the global world: economics, science, technology]*, vol. 60, № 1, p. 168—170 (in Russ.).
27. Vazquez-Noguerol, M., González-Boubeta, I., Portela-Caramés, I., Carlos Prado-Prado, J. 2021, Rethinking picking processes in e-grocery: a study in the multichannel context, *Business Process Management Journal*, vol. 27, № 2, p. 565—589. doi: 10.1108/BPMJ-04-2020-0139.
28. Mkansi, M., Luntala Nsakanda, A. 2021, Leveraging the physical network of stores in e-grocery order fulfilment for sustainable competitive advantage, *Research in Transportation Economics*, № 87, p. 170—186. doi: 10.1016/j.retrec.2019.100786.
29. Tiunov, B. M. 2020, Healthy food delivery services as a modern phenomenon in quarantine, *Tekhnologii pishchevoi i pererabatyvayushchei promyshlennosti APK — produkty zdorovogo pitaniya [Technologies of the food and processing industry of the agro-industrial complex — healthy food products]*, № 3, p. 56—64 (in Russ.).
30. Saskiaa, S., Marei, N., Blanquart, C. 2016, Innovations in e-grocery and Logistics Solutions for Cities, *Transportation Research Procedia*, № 12, p. 825—835. doi: 10.1016/j.trpro.2016.02.035.
31. Demin, A. S. 2020, The need to use new media approaches for organizing in the field of food retail, *Nauchnye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta [Scientific works of the Moscow University for the Humanities]*, vol. 7, № 1, p. 40—45 (in Russ.).

## **The authors**

---

**Dr Konstantin E. Axenov**, Saint Petersburg State University, Russia

E-mail: [axenov@peterlink.ru](mailto:axenov@peterlink.ru)

<https://orcid.org/0000-0002-4728-0121>

**Olga Vl. Kraskovskaia**, Saint Petersburg State University, Russia

E-mail: [109362@mail.ru](mailto:109362@mail.ru)

<https://orcid.org/0000-0003-0696-5965>

**Fedor M. Renni**, Saint Petersburg State University, Russia

E-mail: [fedor.renni@mail.ru](mailto:fedor.renni@mail.ru)

<https://orcid.org/0000-0001-8195-5818>



SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))



---

---

# МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

---

---

## «ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС» В ЛИТВЕ И ПРОБЛЕМЫ ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА РУБЕЖЕ СТОЛЕТИЙ

---

**В. И. Мусаев**

---

Санкт-Петербургский институт истории РАН,  
197110, Россия, Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., 7

Поступила в редакцию 08.05.2022 г.  
doi: 10.5922/2079-8555-2022-3-3  
© Мусаев В. И., 2022

*Рассматривается специфика взаимоотношений между двумя соседними государствами Балтийского региона, Польшей и Литвой, на протяжении последних десятилетий. Эти отношения складывались неоднозначно. С одной стороны, общие устремления к интеграции в Европейский союз и другие европейские структуры, взаимная заинтересованность в развитии региональной кооперации создавали благоприятные условия для сближения и сотрудничества, с другой — успешное развитие такого сотрудничества осложнялось из-за ряда взаимных противоречий и претензий. В первую очередь это было связано с положением соответствующих этнических меньшинств, поляков в Литве и литовцев в Польше. По мнению польской стороны, национально-культурные интересы польских жителей Литвы в полной мере не удовлетворяются, их права нарушаются. Схожие претензии имеет официальный Вильнюс относительно положения этнических литовцев в Польше. Эти и другие противоречия в известной степени сглаживаются благодаря общим военным и внешнеполитическим интересам, в первую очередь в том, что касается сотрудничества в структурах Северо-Атлантического альянса и совместного противостояния пресловутой «угрозе в Востока», а также во взаимной поддержке прозападной оппозиции в соседней Белоруссии.*

**Ключевые слова:**

Польша, Литва, международные отношения, этнические меньшинства

**Предыстория**

---

Одной из задач, которые странам Балтии приходилось решать после восстановления своей независимости в 1991 году, было налаживание связей с соседними государствами. Наиболее сложной в этом контексте была нормализация отношений с Российской Федерацией. Для Литвы, однако, немногим меньшие трудности представляло урегулирование двусторонних отношений с Польшей.

Польско-литовские отношения имеют долгую и очень непростую историю. С середины XVI века (после Люблинской унии 1569 года) до конца XVIII века Польша и Литва составляли единое государство в рамках Речи Посполитой. В составе это-

---

*Для цитирования:* Мусаев В. И. «Польский вопрос» в Литве и проблемы польско-литовских отношений на рубеже столетий // Балтийский регион. 2022. Т. 14, № 3. С. 49—63. doi: 10.5922/2079-8555-2022-3-3.

го объединения положение двух ее частей — Королевства Польского и Великого княжества Литовского — не было равным, сформировалось вполне определенное политическое и культурное доминирование Польши. Литовская знать за этот период была в значительной степени полонизирована. Тем не менее польское преобладание подчас вызывало неудовлетворение в Литве. Одним из проявлений такого недовольства стал переход части литовских магнатов во главе с гетманом Янушем Радзивиллом на сторону шведов во время польско-шведской войны 1656—1658 годов [2, с. 102—103].

Польское национальное движение в XIX — начале XX века было нацелено не только на достижение независимости собственно польских земель, но и на восстановление Речи Посполитой в ее прежних границах: популярностью пользовался лозунг «Речь Посполитая от моря до моря» (*Rzeczpospolita od morza do morza*). Эту задачу польские лидеры пытались решить, по крайней мере частично, после восстановления независимости Польши в конце 1918 года. Относительно Литвы интерес в Варшаве проявлялся в первую очередь к Виленскому округу, где имелось многочисленное польское население. Территория Литвы в 1919—1920 годов оказалась ареной многочисленных вооруженных столкновений с участием национальных литовских формирований, польских войск и просоветских сил. Город Вильно (Вильнюс) с апреля 1919 года находился под контролем поляков. В ходе наступления Красной Армии против польских войск 14 июля 1920 года войска Западного фронта заняли Вильно. В соответствии с советско-литовским мирным договором, подписанным в Москве двумя днями ранее, представители командования Красной Армии 6 августа заключили договор с командованием литовской армии о передаче города Литве.

В Вильно 27 августа вошли литовские войска. Однако в сентябре во время своего контрнаступления польские войска вновь вступили на территорию Литвы. При посредничестве западных держав, стремившихся предотвратить польско-литовский конфликт, 30 сентября в Сувалках между польскими и литовскими представителями начались переговоры, которые 7 октября завершились подписанием соглашения. В соответствии с его условиями была проведена демаркационная линия, которая оставила Вильно на территории, подконтрольной Литве [19, с. 155—160; 29, л. 168—172]. Однако 8—9 октября 1920 года польские части, составленные в основном из уроженцев Литвы, которыми командовал генерал Люциан Желиговский, нарушили соглашение и захватили Вильно. Вскоре на литовской территории, оккупированной поляками, было провозглашено новое государство — Срединная Литва (*Litwa Środkowa*) [18, с. 145—155].

На территории этого квазигосударственного образования 8 января 1922 года был организован плебисцит по вопросу о воссоединении с Польшей. В условиях бойкота плебисцита этническими литовцами и евреями местные поляки, составлявшие 65 % населения, проголосовали за присоединение. На основании результатов этого голосования Виленский округ был присоединен к Польше: соответствующее постановление было принято польским сеймом 22 февраля 1922 года. В марте 1923 года восточная граница Польши была признана великими державами. На территории, аннексированной Польшей, проживали около 65 000 литовцев [19, с. 187—199]. В 1926 году из земель бывшей Срединной Литвы было сформировано Виленское воеводство в составе Польши. Поляки составляли более половины его населения — 59,7 % [2, с. 130]. Территориальный вопрос оставался камнем преткновения для нормализации польско-литовских отношений в 1920-е — 1930-е годы. Дипломатические отношения между двумя государствами были установлены лишь в 1938 году, когда Литва была вынуждена уступить энергичному польскому давлению. При этом литовская сторона пыталась поставить на повестку дня вопрос о по-

ложении литовского населения в Польше, но без особого успеха [19, s. 288—298]. В Литве Виленский округ никогда не признавали частью Польши. В Конституции Литвы было записано, что столицей государства является Вильнюс, а дата 9 октября отмечалась как день траура. События начала 1920-х годов до сих пор расцениваются в стране как национальная трагедия [2, с. 130; 5, s. 116—124].

Осенью 1939 года советские войска в ходе так называемого освободительного похода в Западную Белоруссию и Украину заняли также и Виленский округ, который затем был передан Литве. В 1940 году Вильнюс стал столицей теперь уже советизированной Литвы. Вопрос о границе между Советским Союзом и Польшей был отрегулирован договором между двумя государствами от 16 августа 1945 года. В первые послевоенные годы выселения этнических поляков из Литвы не приняли столь тотального характера, как в бывших польских областях Белоруссии и Украины. Однако и из этой республики выезд этнических поляков имел широкие масштабы: в 1944—1948 годах выехали около 200 000 человек, в том числе 108 000 из самого Вильнюса. Следующая волна экспатриации, в 1955—1959 годах, охватила более 46 000 человек [6, s. 19—25]. Национальная политика руководства Литовской ССР на рубеже 1940-х — 1950-х годов имела явно дискриминационный характер по отношению к местным полякам. С 1949 года в Литве стали закрываться польские школы, прекращался выход изданий на польском языке. Поляки были вытеснены почти со всех руководящих постов. «Польский вопрос» в Литве получил даже резонанс в центре: в октябре 1950 года было издано постановление ЦК ВКП (б) «О мерах улучшения работы среди польского населения в Литовской ССР», которое предусматривало устранение наиболее явно выраженных дискриминационных элементов в республиканской национальной политике [3, с. 159—161]. В 1951 году полякам в Литве была предоставлена культурная автономия [15, s. 69].

### **1990-е годы: литовская независимость и «польский вопрос»**

К концу 1980-х годов численность польского населения Литвы была равна приблизительно 258 000 человек (по переписи населения 1989 года — 257 994), что составляло около 7 % всех жителей республики. В отличие от русских, в основном сосредоточенных в трех городах республики (Вильнюс, Висагинас (бывший Снечкус) и Клайпеда), поляки довольно компактно расселены в сельской местности на юго-востоке Литвы. Они преобладают среди населения в двух районах республики — Шальчининкайском (пол. Gmina rejonowa Sołeczники) — 32 891 человек по переписи 1989 года, или 79,6 % населения, и Вильнюсском (пол. Gmina rejonowa Wilno, Wileńszczyzna) — 59 812 человек, или 63,5 %. В самом Вильнюсе поляки, которых насчитывалось 108 239 человек, составляли 18,8 % населения города. Значительные польские меньшинства имеются также в Тракайском (Трокском) (19 365 человек, или 23,8 %) и Швенчёнисском (Свенцяньском) (10 934 человека, или 28,7 %) районах [6, s. 31—32; 14, l. 88—90]. При переписи населения 1989 года 85 % литовских поляков назвали родным языком польский, русский был родным для 9,2 % жителей, литовский — для 5 %. По данным на конец 1990-х годов, 73 % поляков назвали польский язык «средством мышления», 77,6 % разговаривали по-польски дома [15, s. 76]. В 1990 году была сформирована организация, представлявшая интересы местного польского населения, — «Союз поляков в Литве» (Związek Polaków na Litwie) [27, s. 73].

До конца 1980-х годов официальная Варшава, следуя в фарватере советской политики, не затрагивала и не могла затрагивать каких-либо острых проблем в отношениях с восточным соседом, включая пограничные. Однако после ликвидации коммунистического режима в Польше и распада Советского Союза лидеры об-

ретшей независимость Литвы имели основания опасаться, что вопрос о границе с Польшей и о положении польского меньшинства в Литве может встать на повестку дня. В конце 1980-х — начале 1990-х годов в Южную Литву все чаще стали приезжать поляки, в особенности польские интеллектуалы, занимавшиеся поисками элементов польского наследия в области, от которого они были оторваны на протяжении нескольких десятилетий. В Литве, однако, эти визиты далеко не всеми воспринимались с пониманием: за внешне культурным характером поездок усматривались агрессивные намерения. Кроме того, появились опасения, что поляки могут потребовать реституции собственности, ранее принадлежавшей им на территории Виленского округа, которой они лишились после его присоединения к Литве и последующей советизации республики. Некоторые польские политики, вспоминая об историческом прошлом Польши и Литвы как двух частей одного государства, стали говорить о возможности установления «особых отношений с Литвой». В Литве такие тенденции опять же вызвали настороженность, даже со стороны политиков, благоприятно настроенных по отношению к Польше: в поведении поляков просматривалось патерналистское отношение к литовцам [22, s. 10—12].

В период активизации движения за независимость в Литве начали обостряться отношения между центральными литовскими властями и польским меньшинством. Усиление литовского национализма в конце 1980-х годов на волне движения за независимость вызывало обеспокоенность среди местных поляков, которые опасались, что в независимой Литве их права будут ущемлены. В частности, негативную реакцию со стороны этнических поляков вызвал принятый в Литве 18 ноября 1988 года закон о языке, согласно которому литовский провозглашался официальным языком республики (многие литовские поляки плохо владели литовским языком или не владели вообще, отдавая предпочтение изучению русского языка) [28, s. 148—150]. Поляки довольно активно участвовали в деятельности организации «Единство» (пол. «Jedność»), выступавшей против отделения Литвы от СССР. При голосовании за декларацию о независимости 11 марта 1990 года в Верховном совете Литвы из девяти польских депутатов Верховного совета трое проголосовали «за», шестеро воздержались [24, s. 245]. Литовская декларация независимости не была поддержана органами местного самоуправления в этнически польских местностях. Шальчининкайский район 23 мая 1990 года провозгласил себя польским национально-территориальным районом, в котором сохранялось действие Конституции Литовской ССР. Решение о провозглашении Виленщины автономным краем на территории Литвы было принято 22 мая 1991 года на собрании представителей Вильнюсского и Шальчининкайского районов. Рассматривались замыслы создания Польской Советской республики с включением в нее двух районов Литвы и смежных белорусских территорий, населенных поляками, с собственной символикой — флагом, гербом и гимном. Местное польское самоуправление 17 марта 1991 года позволило провести на территории Вильнюсского и Шальчининкайского районов референдум о сохранении Советского Союза, запрещенный на остальной территории Литвы [10, p. 401].

Отношение литовских властей к польскому меньшинству не было однозначным. Позиция Союза поляков в Литве и польской фракции республиканского Верховного совета в январе 1991 года, осудивших силовые действия союзного руководства, имела для поляков в Литве позитивные последствия. Верховный совет Литвы 29 января принял благоприятные для поляков поправки в «Закон о национальных меньшинствах», расширявший, в частности, языковые права меньшинств в области образования и общественной деятельности [15, s. 67]. Однако последующие действия польских органов самоуправления повлекли за собой репрессивные меры. После августовских событий 1991 года Верховный совет обвинил председателя Шальчининкайского районного совета Чеслава Высоцкого и его заместителя Адама

Монкевича в поддержке путчистов и приостановил полномочия совета. Решением Верховного совета Вильнюсский и Шальчининкайский районные советы 4 сентября были распущены по обвинению в сепаратизме и нарушении литовской конституции и законов страны, а еще через девять дней Верховный совет ликвидировал самоуправление и ввел прямое административное управление в этих районах на период в шесть месяцев<sup>1</sup>. Против семи человек — членов президиума Шальчининкайского районного совета и депутатов Верховного совета — было открыто судебное дело. Трое из них скрылись за границей — упомянутые Ч. Высоцкий и А. Монкевич, а также Евгений Катунюв [6, s. 167—168].

Сепаратизм в польских районах Литвы имел, таким образом, скорее просоветский характер и не был связан с Польшей. Соответственно, и официальная Варшава его не поддерживала. Идея польской территориальной автономии на постсоветском пространстве в Польше также не встречала поддержки [12]. Напротив, в Польше с симпатией относились к литовскому движению за независимость и приветствовали мартовскую декларацию 1990 года о независимости [21, s. 51]. В конце марта того же года Польша и Литва обменялись визитами парламентских делегаций. В мае и июне соответственно с официальными визитами в Варшаве побывали министр иностранных дел Литвы Альгирдас Саударгас и премьер-министр Литвы Казимира Прунскене. Польша выступила в поддержку Литвы после кровавых событий 13 января 1991 года в Вильнюсе, осудив силовые акции советского руководства. Польский министр иностранных дел Кшиштоф Скубишевский совместно со своими чехословацким и венгерским коллегами подписал заявление в поддержку независимости Прибалтийских республик [10, p. 400]. Министр иностранных дел Литвы А. Саударгас после январских событий в Вильнюсе находился в Варшаве, имея полномочия при необходимости сформировать правительство в изгнании [12]. После неудачи «августовского путча» в Москве независимость стран Балтии первыми признали Скандинавские государства. Польша вскоре последовала за ними. Между Польшей и Литвой 5 сентября 1991 года были установлены дипломатические отношения. В октябре было открыто литовское посольство в Варшаве, в ноябре — польское в Вильнюсе. В январе 1992 года была подписана консульская конвенция [21, s. 51].

В то же время репрессивные меры против польских органов самоуправления в Литве вызвали в Варшаве негативную реакцию и привели к усилению напряженности в польско-литовских отношениях. В сентябре 1991 года комиссия иностранных дел сейма и сената Польши адресовала литовской стороне просьбу приостановить выполнение этих решений и найти компромиссный выход из положения, а в марте 1992 года МИД Польши заявило ноту протеста по этому вопросу [30]. У поляков также вызывали возражения замыслы расширить границы Вильнюса за счет территории Вильнюсского и Тракайского районов: в этом усматривались намерения сократить удельный вес поляков в этих районах и лишить их возможности избрать большее число своих представителей в парламент и местные органы управления [20, s. 68—72]. Наконец, в Польше неодобрительно высказывались о новом литовском законе о гражданстве. Согласно этому закону, лица, не подавшие заявления о получении литовского гражданства до 2 ноября 1991 года, не получали всей полноты политических и экономических прав. Возможной конфликтной ситуации вокруг закона в самой Литве, впрочем, не возникло, так как к указанному сроку 87 % литовских поляков оприходовали гражданство Литвы. Сам закон впоследствии

<sup>1</sup> Deputy Announces Dissolution of Local Councils, 1991, Radio Vilnius Network. 4 September 1991, *Foreign Broadcast International Service*, Daily Report: Soviet Union, 6 September 1991, p. 71; Постановление Верховного Совета Литовской Республики о прямом правлении в Вильнюсском и Шальчининкайском районах и в поселке Снечкус Игналинского района, 1991, *Эхо Литвы*. 14 сентября 1991.

был смягчен: те, кто не подавал письменного заявления об отказе от литовского гражданства, получали его автоматически [16, s. 102–104]. В Литве на польскую критику отреагировали с явным недовольством. Вильнюс, со своей стороны, обвинил польские власти в дискриминации литовского меньшинства на северо-востоке Польши, составлявшего от 20 до 30 тыс. человек. Обращалось внимание, в частности, на слабое развитие школьного образования на родном языке для литовских детей в Польше и отсутствие программ на литовском языке на польском радио и телевидении<sup>2</sup>. В конце ноября министр обороны Литвы Аудрис Буткявичус назвал Польшу «самой большой угрозой» для Литвы<sup>3</sup>.

Несмотря на явно кризисные явления в двусторонних отношениях, некоторые положительные сдвиги все же наметились. Тринадцатого января 1992 года состоялось подписание польско-литовской декларации о дружественных отношениях и добрососедском сотрудничестве. В этой декларации для литовской стороны особенно важным было то, что Польша признавала нерушимость послевоенных границ. Для поляков же наиболее существенным было обязательство сторон проводить национальную политику внутри страны в соответствии с нормами, установленными СБСЕ [25, s. 224]. В целом, однако, польско-литовские отношения почти до конца года оставались замороженными. Поскольку независимость Литвы была признана мировым сообществом, польская поддержка была уже не так важна. Правые, находившиеся у власти в Литве в этот период, продолжали относиться к Польше с крайним недоверием и во внешней политике стремились придерживаться ориентации на страны Северной Европы. Известно высказывание председателя Верховного совета Литвы Витаутаса Ландсбергиса о том, что для его страны дорога в Европу пролегает через Скандинавию, а не через Польшу [10, p. 402].

Изменения к лучшему в польско-литовских отношениях начались на рубеже 1992—1993 годов. Осенью 1992 года на парламентских выборах в Литве победила Литовская демократическая партия труда (преобразованная из независимой Компартии Литвы), а в начале 1993 года ее лидер Альгирдас Бразаускас стал президентом Литовской Республики. Для нового руководства очевидной была искусственность «северной» ориентации в политике Литвы, исторически всегда более тяготевшей к Центральной Европе [21, s. 53]. Смены внешнеполитических ориентиров требовало и стремление Литвы к скорейшей интеграции в европейские экономические и военно-политические структуры, к вступлению в Европейский союз (членом которой ни одна северо-европейская страна тогда еще не была — Финляндия и Швеция присоединились к ЕС в 1995 году) и НАТО. В этом устремления Литвы и Польши совпадали. Наконец, для Литвы, переживавшей в 1990-е годы, как и все постсоветские государства, серьезный социально-экономический кризис, привлекательным выглядел польский пример проведения успешных рыночных реформ [13, p. 213].

В Польше в то же время ясно осознавали бесперспективность возбуждения территориального вопроса в отношениях с Литвой. В июне 1992 года был подписан польско-белорусский договор, в котором польская сторона признавала существовавшие на тот момент границы между двумя государствами и подтверждала отсутствие каких-либо территориальных претензий к Белоруссии [15, s. 112]. Населенные этническими поляками районы Литвы не имели прямого выхода к польской границе, так что потенциальные польские претензии на эти районы затрагивали бы белорусскую территорию. В этом случае не осталась бы в стороне и Россия, связанная с Белоруссией договоренностями в рамках СНГ. Кроме того, в Варшаве также понимали, что попытки поставить на повестку дня ревизию послевоенных границ

<sup>2</sup> Заявление правительства республики, 1991, *Эхо Литвы*, 3 октября 1991.

<sup>3</sup> Poland Termed “Greatest Threat”, 1991, *FBIS-SOV*, 27 November 1991, p. 36.

на востоке могут вызвать реакцию со стороны Германии, которая в этой ситуации могла бы поднять вопрос о государственной принадлежности своих бывших территорий (Силезии, Померании и части Пруссии), отторгнутых у нее после войны и переданных Польше. Наконец, непременным условием вступления какого-либо государства в ЕС и НАТО было отсутствие территориальных проблем в отношениях с соседними странами. Польские руководители отнюдь не были заинтересованы в том, чтобы процесс интеграции их страны в эти структуры затормозился из-за наличия таких проблем.

В январе 1993 года премьер-министры Польши и Литвы Ханна Сухоцка и Бронисловас Любус договорились о начале переговоров о заключении межгосударственного договора. Камнем преткновения для его заключения стал, однако, вопрос об оценке событий 1920—1922 годов. Литовская сторона добивалась включения в договор пункта, который квалифицировал бы захват Вильнюса войсками генерала Л. Желиговского и последующее присоединение Срединной Литвы к Польше как нарушение международного права. Хотя А. Бразаускас заявлял польским журналистам, что не придает большого значения событиям 70-летней давности, литовские лидеры не могли не принимать в расчет общественное мнение в стране. Польское руководство же придерживалось точки зрения, что не следует «включать в договор столь одностороннее толкование исторических событий» [11, р. 318—320]. В Варшаве не могли согласиться с утверждением, что Вильнюс (Вильно), сыгравший столь значительную роль в истории Польши и польской культуры и ассоциировавшийся, в частности, с такими именами, как Тадеуш Костюшко, Адам Мицкевич и Эусебиуш Словацкий (профессор Виленского университета, отец выдающегося польского поэта Юлиуша Словацкого, который учился в этом университете), был оккупирован и насильственно присоединен к Польше (основатель возрожденного Польского государства Юзеф Пилсудский также был уроженцем Виленщины) [2, с. 124—125]. Литовский автор Т. Венцлова отмечал: «Поляки не сомневались в моральном праве на Вильнюс — для них это был город великих просветителей и поэтов... за него сложили головы польские повстанцы» [1, с. 216]. Некоторую щекотливость придавало ситуации и то обстоятельство, что передача Вильнюса Литве в 1939 году фактически была следствием пресловутого «пакта Молотова — Риббентропа», за осуждение которого литовские лидеры, совместно с латвийскими и эстонскими, активно выступали во время движения на независимость.

В результате заключение польско-литовского договора продолжало затягиваться. К началу 1994 года Польша подписала двусторонние договоры со всеми своими остальными соседями — Украиной, Белоруссией, Россией, Германией, Чехией и Словакией, которые помимо прочего гарантировали существовавшие на тот момент границы, констатировали взаимный отказ от территориальных претензий и обязывали каждую из сторон соблюдать права этнических меньшинств. Литва оставалась единственной страной, граничившей с Польшей, с которой такого договора подписано не было. Дело сдвинулось с мертвой точки в конце 1993 года. Отчасти это было связано с формированием в Польше в ноябре левого правительства, с которым А. Бразаускасу и его однопартийцам легче было иметь дело [21, с. 53]. Сыграла свою роль и обострившаяся боязнь пресловутой «русской угрозы». Успех Либерально-демократической партии на парламентских выборах в России был воспринят ее западными соседями как усиление позиций националистов, что якобы было чревато усилением «жесткой линии» в политике Москвы.

В начале 1994 года польско-литовские переговоры возобновились, и к весне текст «Договора между Республикой Польша и Литовской Республикой о дружеских отношениях и добрососедском сотрудничестве» (пол. «Traktat między Rzeczpospolitą Polską i Republiką Litewską o przyjaznych stosunkach i dobrosąsiedzkiej współpra-

су») был выработан. Оценку событий начала 1920-х годов было решено вынести в отдельную декларацию, которую предполагалось подписать одновременно с договором. Однако, поскольку договориться о содержании декларации так и не удалось, стороны решили вообще отказаться от нее, а заявление об исторических аспектах двусторонних отношений включить в преамбулу договора. Само содержание договора было стандартным и мало чем отличалось от договоров, которые Польша ранее подписала с другими соседними государствами. В статье 2-й договора было записано, что стороны «признают границу, существующую между ними и вокруг их соответствующих территорий, нерушимой и обязуются безоговорочно уважать суверенитет и территориальную неприкосновенность друг друга» (§1) и что они «подтверждают, что не имеют и не будут иметь в будущем каких-либо территориальных претензий друг к другу» (§2). Договор был подписан премьер-министрами двух стран 18 марта 1994 года, а президенты Лех Валенса и Альгирдас Бразаускас подписали его 26 апреля, во время визита польского президента в Литву [11, р. 321].

В Литве договор подвергся критике со стороны правых. В Польше также нашлись недовольные договором. В частности, «Гражданский комитет по защите поляков в Виленском округе» считал, что договор не гарантирует литовским полякам защиту от дискриминации со стороны литовского большинства, не обеспечивает возвращение этническим полякам земли и прочей собственности в Литве и не содержит пункта о признании литовскими властями польского университета в Вильнюсе<sup>4</sup> (Польский университет в составе трех факультетов действовал в Вильнюсе с февраля 1991 года, но не был зарегистрирован [6, с. 267—270]). В целом, однако, общественное мнение в Польше восприняло договор вполне благожелательно. Президент Л. Валенса во время визита в Литву в апреле 1994 года на встрече с представителями польского населения Литвы заявил им: «Литовское государство — это ваше государство. Его благосостояние — это ваше благосостояние. Будьте достойными гражданами. Заботьтесь о своей родине»<sup>5</sup>.

Определенные разногласия при обсуждении договора в парламентах возникли при обосновании признания существующих границ. Польская сторона ссылалась на польско-советский договор от 16 августа 1945 года. Литовцы, однако, ставили эту ссылку под сомнение на том основании, что присоединение Литвы к Советскому Союзу было незаконным и, следовательно, договоры, заключенные от имени СССР, для Литвы не могут иметь силы. Литовские политики исходили из того, что признают границы на основании положений Заключительного акта совещания по безопасности и сотрудничеству в Хельсинки в 1975 году, содержащих пункт о нерушимости послевоенных границ в Европе. Парламентами обеих стран договор был ратифицирован 13 октября 1994 года: польский сейм утвердил договор единогласно, литовский — большинством в 91 голос против 19. При этом 38 литовских парламентариев подписали особую декларацию, гласившую, что договор не может служить основой для подтверждения того, что Польша владела Вильнюсом в межвоенный период законно [11, р. 322].

В дальнейшем динамика польско-литовских отношений выглядела относительно благоприятной. Интенсивно развивались торгово-экономические отношения между двумя странами (польско-литовское торговое соглашение было заключено в конце февраля 1992 года). Польша и Литва сотрудничают в рамках Совета государств Балтийского моря и на региональном уровне: несколько районов двух стран входят в еврорегионы «Балтика» и «Неман». Еще до вступления обоих государств

<sup>4</sup> PKOPW Objects to Polish-Lithuanian Treaty, 1994, *Foreign Broadcast International Service*, Daily Report: East Europe, 18 March 1994, p. 18.

<sup>5</sup> Завершился визит Президента Республики Польской Леха Валенсы в Литву, 1994, *Эхо Литвы*, 28 апреля 1994.



в НАТО началось развитие кооперации между ними в военной сфере. С середины 1993 года действовало польско-литовское соглашение о военном сотрудничестве. Оно предусматривало координацию деятельности по охране границ, сотрудничество в деле подготовки специалистов, военной научно-исследовательской работе и контроле над воздушным пространством. В рамках программы «Партнерство во имя мира» литовские войсковые части принимали участие в учениях «Cooperative Bridge» («Мост сотрудничества») на территории Польши в сентябре 1994 года, а польские войсковые части — в учениях «Amber Hope» («Янтарная надежда») на территории Литвы в июне 1995 года [11, p. 323—324].

В середине 1990-х годов польско-литовские взаимоотношения продолжали активно развиваться. В феврале 1995 года президент Литвы А. Бразаускас находился с визитом в Польше. Пятого марта того же года было подписано соглашение о государственной границе, а 16 сентября — о трансграничном сотрудничестве. Двусторонние переговоры в этот период касались таких вопросов, как формирование польско-литовского батальона, соглашение о свободной торговле, порядок пересечения границы, сотрудничество в области морских перевозок, ядерная безопасность. Пятого—шестого марта 1996 года проходил визит в Литву президента Польши Александра Квасневского. В ходе визита он подчеркивал важность развития отношений с Литвой. Выступая с речью в литовском сейме, польский президент, в частности, заявил: «Без обеспечения безопасности Литвы не будет обеспечена безопасность Польши. Без обеспечения безопасности Польши и Литвы не может быть обеспечена безопасность Европы». Очередная встреча президентов Польши и Литвы имела место 19 сентября 1996 года в Гдыне. Ее итогом стало подписание совместной декларации о подтверждении дружественных отношений. Польско-литовское соглашение о свободной торговле было подписано 27 июня 1996 года и вступило в силу 1 января 1997 года [25, s. 225—228]. Министры обороны Польши и Литвы Станислав Добжаньский и Чесловас Станкявичус 25 июня 1997 года подписали договор о формировании объединенного воинского контингента, который вступил в силу 3 декабря того же года [25, s. 233]. В сентябре 1997 года во время визита в Литву премьер-министра Польши В. Чимошевича состоялось первое заседание Совета сотрудничества между правительствами Польши и Литвы [21, s. 55]. Президент А. Квасневский, выступая 16 февраля 1998 года на торжествах по случаю 80-летия восстановления государственности Литвы, заявил, что «Литва и Польша сегодня ближе друг к другу, чем когда-либо» [25, s. 237].

Основания для некоторых разногласий временами появлялись в связи с вопросом о положении этнических меньшинств. В частности, вызывавший недовольство местных поляков проект расширения городской черты Вильнюса, который рассматривался ранее, был все-таки реализован. Литовский сейм 24 апреля 1996 года принял, а президент А. Бразаускас подписал закон «Об изменении границ административных территорий самоуправлений г. Вильнюса, Вильнюсского и Тракайского районов». Площадь территории, присоединенной к городской черте, в итоге оказалась значительно меньшей, чем изначально планировалось в 1991 году: около 10 500 га вместо 28 000. Однако и это вызвало протесты польской общественности. Союз поляков в Литве организовал ряд митингов, на которых звучали требования изменить невыгодные для местных поляков решения [24, s. 251—252]. С другой стороны, в Литве выражалось недовольство по поводу того, что этнические литовцы в Польше все еще не могут получать образование на родном языке и что польские власти отказываются придать литовскому языку статус официального в районах, где литовское население преобладает [11, p. 325] (в Польше литовское население сосредоточено в основном в Сейненском повате (районе) Подлясского воеводства, составляя большинство в гмине (коммуне) Пуньск [2, с. 132]).

## Новое тысячелетие — старые проблемы

Проблемы, связанные с положением польского меньшинства в Литве и литовского в Польше, как и вопросы оценки непростых моментов исторического прошлого до конца 2000-х годов не оказывали существенного влияния на развитие польско-литовских отношений. Сложности в отношениях Литвы, как и Латвии и Эстонии, с Российской Федерацией, во многом связанные с их приемом в НАТО [17, s. 203—222], отодвигали литовско-польские противоречия на задний план. Двустороннее сотрудничество продолжало развиваться в различных сферах, особенно в военно-политической, тем более что оба государства были приняты в состав НАТО: Польша в 1999 году, при первом расширении альянса на Восток, Литва в 2004 году, в ходе второго расширения. Второго февраля 2001 года было подписано новое польско-литовское соглашение о сотрудничестве в области обороны. Польско-литовский батальон миротворческих сил LITPOLBAT был сформирован в 1998 году и действовал до своего расформирования в апреле 2008 года. За время существования батальона его служащие принимали участие в миротворческих операциях в Косово, Ливане и Сирии [21, s. 59—61]. Польские пилоты систематически участвовали в охране воздушного пространства Литвы и других стран Балтии в рамках натовской операции Air Policing. В 2008 году Польша и Литва совместно с Латвией, Эстонией и Украиной выступили в поддержку Грузии во время событий в Южной Осетии [4, с. 128].

В 2009 году, однако, произошло некоторое охлаждение отношений между Польшей и Литвой. Это было связано с недовольством, которое в Польше начало проявляться в связи с тем, что права этнических поляков в Литве вопреки достигнутым в 1990-х году соглашениям в полной мере не соблюдались. Это мнение нашло отражение в докладе посольства Республики Польша в Вильнюсе. Речь шла, в частности, о проблемах образования на польском языке, статусе польского языка как локального, двуязычных уличных указателей, невыгодных для этнических меньшинств положениях о гражданстве, процентном пороге на парламентских выборах. В докладе утверждалось: «В отношении многочисленных проблем польской общности, издавна остававшихся неразрешенными, литовские власти прибегают к проверенному принципу затягивания принятия окончательных положительных для поляков решений. В официальных отношениях они неизменно декларируют свою добрую волю, к сожалению, не подкрепленную соответствующими действиями» [26, s. 72—73]. Одним из признаков охлаждения двусторонних отношений стала приостановка деятельности польско-литовского межправительственного совета, имевшей с конца 1990-х годов регулярный характер [24, s. 201].

Не лучшим образом на состоянии польско-литовских отношений повлияли также преобразования в области школьного обучения, которые начали проводиться в Литве в 2011 году. Ключевым пунктом этих преобразований было более активное внедрение литовского языка в учебный процесс в школах, в которых обучались представители этнических меньшинств. В частности, исключительно на литовском языке должны были проводиться занятия по истории и географии Литвы, уроки патриотического воспитания. Польская общественность опасалась, что принятие нового школьного устава, запланированное на 2013 год, могло стать началом конца польской школы в Литве. Споры и противоречия возникали и по другим вопросам, таким как выход польской стороны из проекта строительства атомной электростанции в Литве, финансирование пребывания польских пилотов в Литве в связи с миссией НАТО. Польские власти ссылались на положения договора 1994 года и принятые в соответствии с ним обязательства литовской стороны по отношению к местным полякам и выражали недовольство их невыполнением [7, s. 225—226].

Усиление межнациональной напряженности проявилось также в отношении к памятникам и национальной символике, когда дело доходило до актов вандализма. В частности, трижды подвергался атакам польский мавзолей Матери и Сердца Сына в Вильнюсе. В 2011 году на нем появилась надпись «Пилсудский = Гитлер» [6, s. 187]. Стены мавзолея 24 ноября 2012 года были исписаны оскорбительными для поляков надписями («Смерть полякам», «Осторожно, бомба», «Томашевский<sup>6</sup>, перестань вредить Литве, иначе твое место здесь» и т.п.) [16, s. 193—194]. Некоторые местные поляки, впрочем, подчас вели себя не лучше. Известен инцидент, когда в конце 2013 года несколько поляков вытерли литовским флагом лестничные ступени на вильнюсском кладбище рядом с мавзолеем Ю. Пилсудского. Эту выходку осудили МИД Польши и Союз поляков в Литве [26, s. 76]. Опросы общественного мнения, проводившиеся в Литве в 2014 году, показали, что более 25 % литовцев воспринимали Польшу как враждебное государство. В качестве «врага» Литвы Польша заняла второе место после России [26, s. 81].

В 2013 году с обеих сторон были все же сделаны определенные шаги с целью преодоления противоречий. В феврале 2013 года Польшу посетил с визитом министр иностранных дел Литвы Линас Линкявичус и встретился со своим польским коллегой Радославом Сикорским. Это была первая встреча на таком уровне с 2009 года. Линкявичус заверил, что литовские власти постараются разрешить вопросы, связанные с положением этнических меньшинств. В Литве была сформирована рабочая группа из представителей нескольких министерств, задачей которой стал поиск компромиссных решений, в том числе по вопросу о законе о национальных меньшинствах. Также в феврале того же года в Варшаву прибыл премьер-министр Литвы А. Буткявичус. В ходе визита он выражал надежду на положительные сдвиги в двусторонних отношениях. На переговорах обсуждались различные проекты, которые касались, в частности, энергетического сектора, транспортной сети, включая проект Rail Baltica, сотрудничество в рамках «Восточного партнерства» [26, s. 77]. В это время возникла проблема литовских школ в Польше. В Пуньске местные власти собирались закрыть три литовские школы, в которых было слишком мало учеников. Буткявичус заявил, что рассчитывает на позитивный шаг со стороны польских властей в этом вопросе. Литовская сторона выразила готовность принять участие в финансировании школ с литовским языком в Польше [26, s. 77]. В том же году состоялся еще ряд встреч на высоком уровне в рамках различных мероприятий, в ходе которых обсуждались различные вопросы и высказывались предположения об изменениях к лучшему в разных областях.

Новые основания для польско-литовского сближения возникли с 2014 года в связи с событиями на Украине. Польша и Литва решительно поддержали государственный переворот и захват власти националистическими антироссийскими силами в этой стране. Наконец, именно Польша и Литва особенно активно поддерживали и продолжают поддерживать оппозиционное движение в Белоруссии. С начала волнений в Минске в августе 2020 года литовское руководство призвало европейские государства ввести санкции против президента Белоруссии А. Г. Лукашенко и потребовать от имени ЕС новых свободных и демократических выборов<sup>7</sup>.

Польша наряду со странами Балтии заняла наиболее непримиримую по отношению к законной власти Белоруссии позицию. Здесь раздаются горячие призывы к поддержке белорусской оппозиции, вещает NEXTA, а готовность всячески поддер-

<sup>6</sup> Вальдемар Томашевский — председатель объединения «Избирательная акция поляков в Литве».

<sup>7</sup> Выстрел в ногу. Две страны Евросоюза решили поддержать белорусскую оппозицию. Чем они рискуют? 2020, *Lenta.Ru*, URL: <https://lenta.ru/articles/2020/09/18/sosedushki/> (дата обращения: 20.07.2022).

живать протестующих выражается на государственном уровне. Поддержка Польшей белорусской оппозиции не является только моральной. Польша активно помогает оппозиционным белорусским СМИ. Также имеется информация о том, что в разжигании протестов в Белоруссии дистанционно могли участвовать так называемые «Черные пауки» — Центральная группа психологических действий Войска Польского, базирующаяся в городе Быдгоще. Осуществлялось и финансирование. Премьер-министр Польши Матеуш Моравецкий 14 августа 2020 года обещал выделить 50 млн злотых (свыше 13 млн долларов) на различные программы, связанные с Белоруссией. Это не считая тех как минимум 140 млн евро, которые Польша уже вложила в «развитие белорусской демократии» за минувшие десятилетия<sup>8</sup>.

В Вильнюсе 17 сентября 2020 года состоялись польско-литовские консультации, в которых участвовали премьер-министры обоих государств, М. Моравецкий и С. Сквернялис и в ходе которых «белорусский вопрос» занимал основное место. В совместной декларации стороны подчеркнули, что «поддерживают независимость, суверенитет и территориальную целостность Республики Беларусь, а также стремление белорусов жить в свободной и демократической стране, управляемой лидерами, избранными на свободных и справедливых выборах». В декларации осуждались «нежелание руководителей страны учитывать законные ожидания гражданского общества, насилие и другие формы принуждения в отношении граждан» и содержался призыв «к скорейшему проведению свободных и демократических президентских выборов»<sup>9</sup>.

## Заключение

Таким образом, двусторонние отношения между двумя соседними государствами, Польшей и Литвой, в конце XX и начале XXI века развивались неоднозначно. Во-первых, сказывалась непростая память о прошлом, прежде всего о событиях прошедшего столетия. У литовцев сохранялась обида за оккупацию и аннексию Вильнюса и за то военно-политическое давление, которое Польша оказывала на Литву в межвоенный период. Поляки, со своей стороны, не забывали о принудительной «деполонизации» Вильнюса в советское время и потере своей собственности на территории Литвы. Основной же проблемой были претензии относительно неурегулированности положения диаспор, польской в Литве и литовской в Польше, которые носили взаимный характер. В то же время наличие общих интересов помогало существовавшим противоречиям если не полностью разрешать, то во всяком случае до некоторой степени сглаживать. Это были торгово-экономические и военно-политические интересы в рамках ЕС, НАТО, регионального сотрудничества. Существенным фактором сближения не только Польши и Литвы, но и почти всех государств Центральной Европы и Балтии были и остаются антироссийские тенденции в политике этих государств, опасения перед пресловутой «угрозой с Востока». В единстве государств этого региона глубоко заинтересовано руководство США в своей стратегии «сдерживания» России. Конкретно Польшу и Литву сплачивает также общая позиция в белорусском вопросе: власти и спецслужбы именно этих двух государств наиболее активно поддерживали антиправительственные выступления в Белоруссии в ходе последней попытки государственного переворота в этой стране.

<sup>8</sup> Замполиты из Посполитой: как Польша поддерживает белорусскую оппозицию. Помощь протестующим граничит с вмешательством во внутренние дела Белоруссии, 2020, *Известия*, 6 сентября.

<sup>9</sup> Помощь «друга». Польша и Литва хотят «стабилизировать» Белоруссию за чужие деньги, 2020, *Ukraina.Ru*, URL: <https://ukraina.ru/20200918/1028953759.html> (дата обращения: 20.07.2022).

## Список литературы

1. Венцлова, Т. 2012, *Вильнюс: город в Европе*, СПб., Изд-во Ивана Лимбаха. 264 с.
2. Григонис, Э. П. 2014, *Литва и ее соседи в прошлом и настоящем [Сборник избранных статей]*, СПб., Лема, 323 с.
3. Зубкова, Е. Ю. 2008, *Прибалтика и Кремль. 1940—1953*, М., РОССПЭН. 348 с.
4. Шереметьев, Д. В. 2017, *Эволюция европейской политики безопасности и обороны в условиях глобализации*, М., Международные отношения, 198 с.
5. Błaszczak, G. 1998, *Dzieje stosunków polsko-litewskich od czasów najdawniejszych do współczesności*, Poznań, Wydawnictwo poznańskie, 336 s.
6. Bobryk, A. 2005, *Odrodzenie narodowe Polaków w Republice Litewskiej 1987—1997*, Toruń, DUET, 553 s.
7. Bobryk, A. 2013, Polsko-litewskie spory o pomniki i tablice pamiątkowe. In: Nijakowski, L. M. (red.), *Litwini*, Warszawa, s. 187—209.
8. Buchowski, K. 2013, *Polityka zagraniczna Litwy 1990—2012. Główne kierunki i uwarunkowania*, Białystok, Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, 312 s.
9. Buchowski, K. 2006, *Szkiecy polsko-litewskie: czyli o niełatwym sąsiedztwie w pierwszej połowie XX wieku*, Toruń, Grado, 217 s.
10. Burant, S. R. 1993, International Relations in a Regional Context: Poland and Its Eastern Neighbours — Lithuania, Belarus, Ukraine, *Europe-Asia Studies*, № 3, p. 398—405.
11. Burant, S. R. 1996, Overcoming the Past: Polish-Lithuanian Relations, 1990—1995, *Journal of Baltic Studies*, vol. XXVII, № 4, p. 315—326.
12. Cieplak, P. 1992, Stosunki polsko-litewskie, *Rocznik Polskiej Polityki Zagranicznej*, URL: <http://www.sprawymiedzynarodowe.pl/rocznik/1992/1992.html> (дата обращения 16.05.2022).
13. Gorbaniuk, O., Wilczewski, M., Ivanova, A. et al. 2021, The management, structure, and cross-cultural equivalence of political party perception. Evidence from Poland, Lithuania and Ukraine, *Przegląd Wschodnioeuropejski*, vol. XII, № 1, s. 209—223.
14. Gyventojai pagal išsilavinimą gimtąją kalbą ir kalbų mokėjimą, 2002, Vilnius, Statistikos dep. 204 l.
15. Kabzińska, I. 2009, *Między pragnieniem ideału i rzeczywistością. Polacy na Litwie, Białorusi i Ukrainie w okresie transformacji systemowej przełomu XX—XXI wieku*, Warszawa, Zakład Wydawniczy Letter Quality, 228 s.
16. Kawęcki, K. 2013, *Polacy na Wileńszczyźnie 1990—2012*, Warszawa, Książka ja Wiedza, 256 s.
17. Letko, P. 2012, Rosja wobec krajów Bałtyckich — główne problemy w stosunkach dwustronnych w roku 2004, *Przegląd Wschodnioeuropejski*, vol. III, s. 203—222.
18. Łukomski, G. 1994, *Walka Rzeczy Pospolitej o kresy północno-wschodnie 1918—1920*, Poznań, Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, 182 s.
19. Łossowski, P. 1985, *Po tej i tamtej stronie Niemna. Stosunki polsko-litewskie 1883—1939*, Warszawa, Czytelnik. 326 s.
20. Małowicz, P. 2008, *Polska polityka wschodnia w latach 1989—1991*, Toruń, Grado. 194 s.
21. Modzelewski, W. T. 2009, Stosunki polsko-litewskie. In: Modzelewski, W. T. (red.), *Polska wobec sąsiadów. Współczesne stosunki polityczne*, Olsztyn, Instytut Nauk Politycznych Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego w Olsztynie, s. 51—72.
22. Dębicki, M., Makaro, J. (red.) 2012, *Sąsiedztwa III RP: Lenkija, Litwa, Polska, Lietuva: zagadnienia społeczne...*, Wrocław, GAJT, 296 s.
23. Sidorkiewicz, K. 2010, Działalność polityczna Polaków w odrodzonej Republice Litewskiej, *Przegląd Wschodnioeuropejski*, I. S. 243—265.
24. Sidorkiewicz, K. 2013, Działalność polsko-litewskiej Rady Międzyrządowej w świetle dokumentów (1997—1998), *Przegląd Wschodnioeuropejski*, vol. IV, s. 191—201.
25. Sidorkiewicz, K. 2012, Kształtowanie instytucjonalnych stosunków polsko-litewskich w latach 1996—1998: partnerstwo strategiczne, *Przegląd Wschodnioeuropejski*, vol. III, s. 223—241.
26. Sidorkiewicz, K. 2015, Polska i Litwa w latach 2009—2013. Dobre czy trudne sąsiedztwo? *Przegląd Wschodnioeuropejski*, vol. VI/2, s. 69—83.
27. Sidorkiewicz, K. 2005, Związek Polaków na Litwie po piętnastu latach działalności, *Przegląd Polonijny*, Z. 2, s. 68—76.
28. Srebrakowski, A. 2000, *Polacy w Litewskiej SSR*, Toruń, DUET, 219 s.
29. *Vilniaus klausimas, 1918—1922: liudininkų akimis*, 2013, Trakai, Voruta. 441 l.
30. Widacki, J. 1997, Stosunki z Litwą, *Rocznik Polskiej Polityki Zagranicznej*, URL: <http://www.sprawymiedzynarodowe.pl/rocznik/1997/1997.html> (дата обращения: 16.05.2022).

## Об авторе

**Вадим Ибрагимович Мусаев**, доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский институт истории РАН, Россия.

E-mail: vmusaev62@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-2641-5231>



ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

# "POLISH QUESTION" IN LITHUANIA AND PROBLEMS OF POLISH-LITHUANIAN RELATIONS AT THE TURN OF THE CENTURY

**V. I. Musaev**

St. Petersburg Institute  
of the Russian History Russian Academy of Sciences  
7 Petrozavodskaya Ul., St. Petersburg, 197110, Russia

Received 08.05.2022  
doi: 10.5922/2079-8555-2022-3-3  
© Musaev, V. I., 2022

*This article tracks how relations between two neighbouring states of the Baltic region, Poland and Lithuania, developed over the last decades. These relations cannot be described in unambiguous terms. On the one hand, common aspirations for European integration created conditions for rapprochement and cooperation. On the other, partnership has been complicated by disagreements and mutual claims. The main problem is the situation of the correspondent ethnic minorities in the two countries: Poles in Lithuania and Lithuanians in Poland. According to the Polish authorities, the interests of Lithuania's Polish residents are not safeguarded, and their rights are infringed. Similar complaints are voiced by Vilnius regarding the situation of ethnic Lithuanians in Poland. These contradictions are partly smoothed by common political interests: cooperation within the North Atlantic Alliance, defiance of the notorious 'threat from the East' and joint support for the pro-Western opposition in neighbouring Belarus.*

## Keywords:

Poland, Lithuania, International Relations, ethnic minorities

## References

1. Ventslova, T. 2012, *Vil'nyus: gorod v Evrope* [Vilnius: a city in Europe], St. Petersburg, Ivan Limbakh Publishing House, 264 p. (in Russ.).
2. Grigonis, E. P. 2014, *Litva i ee sosedi v proshlom i nastoyashchem* [Lithuania and its neighbors in the past and present], Collection of selected articles, St. Petersburg, Lema, 323 p. (in Russ.).
3. Zubkova, E. Yu. 2008, *Pribaltika i Kreml'. 1940—1953* [The Baltic States and the Kremlin. 1940—1953, M., ROSSPEN. 348 p. (in Russ.).
4. Sheremetiev, D. V. 2017, *Evolyutsiya evropeiskoi politiki bezopasnosti i oborony v usloviyakh globalizatsii* [The evolution of European security and defense policy in the context of globalization], M., International relations, 198 p. (in Russ.).
5. Błaszczak, G. 1998. *Dzieje stosunków polsko-litewskich od czasów najdawniejszych do współczesności*, Poznań, Wydawnictwo poznańskie, 336 s.
6. Bobryk, A. 2005, *Odrodzenie narodowe Polaków w Republice Litewskiej 1987—1997*, Toruń, DUET, 553 s.
7. Bobryk, A. 2013, *Polsko-litewskie spory o pomniki i tablice pamiątkowe*. In: Nijakowski, L. M. (red.), *Litwini*, Warszawa, s. 187—209.

**To cite this article:** Musaev, V. I. 2022, "Polish Question" in Lithuania and Problems of Polish-Lithuanian Relations at the Turn of the Century, *Balt. Reg.*, Vol. 14, no 3, p. 49—63. doi: 10.5922/2078-8555-2022-3-3.

8. Buchowski, K. 2013, *Polityka zagraniczna Litwy 1990–2012. Główne kierunki i uwarunkowania*, Białystok, Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, 312 s.
9. Buchowski, K. 2006, *Szkie polsko-litewskie: czyli o nelatwym sąsiedztwie w pierwszej połowie XX wieku*, Toruń, Grado, 217 s.
10. Burant, S. R. 1993, International Relations in a Regional Context: Poland and Its Eastern Neighbours — Lithuania, Belarus, Ukraine, *Europe-Asia Studies*, № 3, p. 398–405.
11. Burant, S. R. 1996, Overcoming the Past: Polish-Lithuanian Relations, 1990–1995, *Journal of Baltic Studies*, vol. XXVII, № 4, p. 315–326.
12. Cieplak, P. 1992, Stosunki polsko-litewskie, *Rocznik Polskiej Polityki Zagranicznej*, URL: <http://www.sprawymiedzynarodowe.pl/rocznik/1992/1992.html> (accessed 16.05.2022).
13. Gorbaniuk, O., Wilczewski, M., Ivanova, A. et al. 2021, The management, structure, and cross-cultural equivalence of political party perception. Evidence from Poland, Lithuania and Ukraine, *Przegląd Wschodnioeuropejski*, vol. XII, № 1, s. 209–223.
14. Gyventojai pagal išsilavinimą gimtąją kalbą ir kalbų mokėjimą, 2002, Vilnius, Statistikos dep. 204 l.
15. Kabzińska, I. 2009, *Między pragnieniem ideału i rzeczywistością. Polacy na Litwie, Białorusi i Ukrainie w okresie transformacji systemowej przełomu XX–XXI wieku*, Warszawa, Zakład Wydawniczy Letter Quality, 228 s.
16. Kawęcki, K. 2013, *Polacy na Wileńszczyźnie 1990–2012*, Warszawa, Książka ja Wiedza, 256 s.
17. Letko, P. 2012, Rosja wobec krajów Bałtyckich — główne problemy w stosunkach dwustronnych w roku 2004, *Przegląd Wschodnioeuropejski*, vol. III, s. 203–222.
18. Łukomski, G. 1994, *Walka Rzeczy Pospolitej o kresy północno-wschodnie 1918–1920*, Poznań, Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, 182 s.
19. Łossowski, P. 1985, *Po tej i tamtej stronie Niemna. Stosunki polsko-litewskie 1883–1939*, Warszawa, Czytelnik. 326 s.
20. Małewicz, P. 2008, *Polska polityka wschodnia w latach 1989–1991*, Toruń, Grado. 194 s.
21. Modzelewski, W. T. 2009, Stosunki polsko-litewskie. In: Modzelewski, W. T. (red.), *Polska wobec sąsiadów. Współczesne stosunki polityczne*, Olsztyn, Instytut Nauk Politycznych Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego w Olsztynie, s. 51–72.
22. Dębicki, M., Makaro, J. (red.) 2012, *Sąsiedztwa III RP: Lenkija, Litwa, Polska, Lietuva: zagadnienia społeczne...*, Wrocław, GAJT, 296 s.
23. Sidorkiewicz, K. 2010, Działalność polityczna Polaków w odrodzonej Republice Litewskiej, *Przegląd Wschodnioeuropejski*, I. S. 243–265.
24. Sidorkiewicz, K. 2013, Działalność polsko-litewskiej Rady Międzyrządowej w świetle dokumentów (1997–1998), *Przegląd Wschodnioeuropejski*, vol. IV, s. 191–201.
25. Sidorkiewicz, K. 2012, Kształtowanie instytucjonalnych stosunków polsko-litewskich w latach 1996–1998: partnerstwo strategiczne, *Przegląd Wschodnioeuropejski*, vol. III, s. 223–241.
26. Sidorkiewicz, K. 2015, Polska i Litwa w latach 2009–2013. Dobre czy trudne sąsiedztwo? *Przegląd Wschodnioeuropejski*, vol. VI/2, s. 69–83.
27. Sidorkiewicz, K. 2005, Związek Polaków na Litwie po piętnastu latach działalności, *Przegląd Polonijny*, Z. 2, s. 68–76.
28. Srebrakowski, A. 2000, *Polacy w Litewskiej SSR*, Toruń, DUET, 219 s.
29. *Vilniaus klausimas, 1918–1922: liudininkų akimis*, 2013, Trakai, Voruta. 441 l.
30. Widacki, J. 1997, Stosunki z Litwą, *Rocznik Polskiej Polityki Zagranicznej*, URL: <http://www.sprawymiedzynarodowe.pl/rocznik/1997/1997.html> (accessed 16.05.2022).

## The author

**Prof. Vadim I. Musaev**, St. Petersburg Institute of the Russian History Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: [vmusaev62@mail.ru](mailto:vmusaev62@mail.ru)

<https://orcid.org/0000-0003-2641-5231>



# РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ И КАЛИНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ РОССИИ КАК СУБРЕГИОНАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС БЕЗОПАСНОСТИ

Ю. М. Зверев<sup>1</sup>  
Н. М. Межевич<sup>2</sup>

<sup>1</sup> Балтийский федеральный университет им. И. Канта, 236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

<sup>2</sup> Институт Европы РАН, 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, дом 11/3

Поступила в редакцию: 15.11.2021 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2022-3-4

© Зверев Ю. М., Межевич Н. М., 2022

*Формальная неделимость безопасности, о которой говорят теоретики в сфере международных отношений, — вещь бесспорная. Развитие военной техники, формат глобализации, критическое отношение к классической геополитике привели к недооценке пространственного фактора. Однако регионализация еще раз доказала, что составляет неотъемлемую часть глобализации, ее alter ego.*

*Процессы политического развития Европы в начале третьего десятилетия XXI века тесно связаны с вопросами военной безопасности. Такая взаимозависимость не новое явление, однако региональная система безопасности в течение достаточно долго времени была относительно стабильной. Неуклонное, хотя и постепенное обострение ситуации вокруг Калининградской области и Республики Беларусь вызывает ответную реакцию — координацию сотрудничества в рамках Союзного государства. Следствием этого стало формирование субрегионального комплекса безопасности (СРКБ), включающего Республику Беларусь и Калининградскую область РФ, теоретическому обоснованию которого и посвящена данная статья. Авторы определили плавающие границы СРКБ, в рамках которого существует особый характер пространственных эффектов военно-политических связей. Цель исследования — попытка применить и адаптировать концепцию региональных комплексов безопасности к военно-политическому пространству восточной части Балтийского моря. Практическая значимость статьи заключается в обосновании взаимосвязанности и взаимозависимости доктрин и практик безопасности в одном из беспокойных регионов Европы.*

## Ключевые слова:

Республика Беларусь, Калининградская область, Российская Федерация, Балтийский регион, США, НАТО, региональный комплекс безопасности, субрегиональный комплекс безопасности

## Введение

Окончание холодной войны кардинально изменило военно-политическую и военно-стратегическую обстановку в мире. Впрочем потребовалось еще несколько десятилетий для того, чтобы пришло понимание очевидного: «Война между великими державами теперь слишком опасна и дорогостояща, а потому нерациональна и неоправданна» [1]. Такой подход предполагает, что глобальный конфликт маловероятен, но региональный — возможен. Более того, эскалация на грани войны как

**Для цитирования:** Зверев Ю. М., Межевич Н. М. Республика Беларусь и Калининградская область России как субрегиональный комплекс безопасности // Балтийский регион. 2022. Т. 14, № 3. С. 64–82. doi: 10.5922/2079-8555-2022-3-4.



средство достижения внешнеполитических целей — древняя как мир, применяется и в Балтийском регионе в целом, и вокруг Калининградской области, ставшей после распада СССР эксклавом суверенной Российской Федерации.

Последовательное накопление напряженности на западных границах России следует признать очевидным, что и делают все стороны потенциального конфликта. Вопрос в другом — какие исследовательские подходы могут быть применены для анализа ситуации?

Цель исследования — операционализация концепции регионального комплекса безопасности (РКБ) для конкретного географического региона.

Реализация поставленной цели предполагает решение следующих задач:

- доказательство возможности применения теории РКБ для исследования проблематики безопасности на стыке постсоветского пространства и Восточной, Северной Европы;
- обоснование формирования субрегионального комплекса безопасности Республика Беларусь — Калининградская область РФ;
- выявление состава и границ субрегионального комплекса безопасности.

### **Теоретические основы исследования**

Следует исходить из того, что, несмотря на очевидное нарастание хаоса и / или непредсказуемости, продолжает существовать международная система. Хаос не отрицает этого существования, он является характеристикой данной системы в настоящее время.

Авторы отталкиваются от определения, предложенного Б. Бузаном и Р. Литтлом: «Международные системы — это крупные конгломераты взаимодействующих или взаимозависимых элементов» [2, р. 69]. Отметим, что здесь нет принципиального запрета на рассмотрение ключевых регионов государств в качестве частей или особого уровня международной системы. «Референтным объектом безопасности является государство как рациональное политическое образование, поведение которого обуславливается национальными интересами и стремлением к абсолютной мощи и силе, а безопасность рассматривается как защита от вторжения внешних врагов и угроз» [3, с. 47]. Возникает при этом вопрос, а каков статус региона? Можно ли считать один или несколько регионов референтными, во-первых, для страны в целом, а во-вторых, для регионального комплекса безопасности?

Согласимся с экспертной оценкой, предполагающей, что Б. Бузан и О. Вэвер разработали теорию РКБ. Кроме того, Б. Бузан и О. Вэвер акцентировали внимание на вопросах безопасности и акцептировали теорию К. Дойча на уровне конкретных регионов.

Вопросы региональной безопасности стали важной частью российских исследований в сфере теории международных отношений. Вслед за А. Д. Воскресенским отметим, что «мировое комплексное регионоведение базируется на положении о том, что “между” глобальным подходом, реальной мировой политикой и международными отношениями конкретных государств есть региональный уровень, возникший на этапе перехода системы от биполярности / однополярности к полицентричности, которая находится в стадии постоянной трансформации» [4, с. 10]. Но если это так, то и на региональном уровне может существовать своеобразная «точка опоры», центр, вокруг которого выстраивается система безопасности. «Региональный комплекс безопасности — совокупность государств со значительным и особенным комплексом отношений по вопросам безопасности, который обеспечивает участникам высокий уровень взаимозависимости» [5, р. 25]. Подчеркнем, что вопрос взаимозависимости позиционируется как ключевой и, очевидно, отно-

сящийся как к собственно военным вопросам, так и к широкому кругу экономических и политических вопросов. Применительно к Эстонии и Латвии этот вопрос рассматривался в работах Д. А. Ланко [6; 7].

Считается, что теория комплексов региональной безопасности впервые была представлена в трудах Копенгагенской школы международных отношений, связанной с Институтом исследований мира (The Copenhagen Peace Research Institute — COPRI), но еще в работе Б. Бузана «Люди, государства и страх» 1983 года сформулированы изначальные представления о региональном комплексе безопасности, который определяется как «группа государств, чьи отношения в области безопасности настолько тесны, что их национальная безопасность не может рассматриваться отдельно друг от друга» [8, р. 106]. В дальнейшем теория комплексов региональной безопасности (ТКРБ) наиболее активно развивалась Барри Бузаном (Barry Buzan) и Оле Вэвером (Ole Waever).

Б. Бузан предлагает «матрицу анализа» комплекса региональной безопасности, основанную на четырех уровнях взаимодействия: внутривластная составляющая государств региона (сильное или слабое государство); межгосударственные отношения в регионе; взаимоотношения регионального комплекса безопасности с другими регионами; роль великих держав в регионе (взаимодействие между региональной и глобальной структурами) [9, р. 51].

В своих работах представители Института исследований мира предприняли попытку дать определение понятию «комплекс региональной безопасности» (КРБ), его структуре, динамике развития и трансформации подходов национальной и глобальной безопасности, переведя их в региональную плоскость. По их мнению, именно международный регион является тем местом, где две сферы безопасности (национальной и глобальной) взаимодействуют и где происходят основные события и действия. Восточная Балтика идеально подходит под данное определение. В случае Калининградской области — внутривластного региона — ситуация несколько осложняется тем, что в рамках неореализма существует традиция «не работать» с внутривластными регионами, не имеющими суверенитета и, соответственно, многих прав и привилегий, которые есть у самого малого государства.

При этом Б. Бузан и О. Вэвер, симпатизируя функциональному подходу, аккуратно критикуют неореализм за то, что он увел реалистскую теорию международных отношений «от геополитической и исторической конкретности в сторону абстрактной “системной” теории, которая оперирует “актерами”, определяемыми как подобные и нелокализованные» [9, р. 69]. Этот момент, особо выделенный А. Л. Лукиным, и для нас являются ключевым [10].

Разумеется, Б. Бузан и О. Вэвер не специалисты в политической географии и комплексном международном регионоведении. Но рамках РКБ географический фактор абсолютно обоснованно рассматривается как ключевой при анализе безопасности не на глобальном, а на региональном уровне. Применительно к нашему объекту исследования это достаточно очевидно. Большинство государств испытывают беспокойство главным образом в связи с потенциалом и намерениями своих прямых и непосредственных соседей. Иными словами, польское беспокойство военными усилиями России в существенно меньшей степени относится к Тихоокеанскому флоту, чем к Балтийскому. Таким образом, «наличие пространственной зависимости показывает исключительную роль пространства в регионализации международной безопасности. Пространство является той самой нитью, которая связывает физические характеристики страны, общественный дискурс, ценности. Безусловно, законы и правила функционирования международной безопасности формируются самими игроками в силу столкновения их интересов, что приводит к необходимости разрешения конфликта силовым или же консенсусным путем» [11, с. 39].

Региональный уровень анализа обеспечивает более полное объяснение явлений в международных отношениях в том числе и при рассмотрении вопросов безопасности. «Глобальный и региональный уровень безопасности соединяются посредством механизма “проникновения” (penetration) глобальных держав в региональный комплекс» [10, с. 9]. С нашей точки зрения, возможен и следующий шаг — «проникновение» комплекса интересов государств, входящих в РКБ, не просто в соседствующую страну, но в определенный регион соседствующей страны. Такая постановка вопроса еще не оформлена теоретически, но на уровне академических дискуссий присутствует [12—14]. Если тезис об иерархии регионов давно уже оформлен в рамках теорий международных отношений, то вопрос об иерархии региональных комплексов безопасности существенно сложнее. Б. Бузан и О. Вэвер в своей книге 2003 года отдельно выделяют региональный комплекс безопасности, сформировавшийся на постсоветском пространстве вокруг России [9, р. 397—436].

По нашему мнению, Россия слишком велика для того, чтобы ее рассматривать как единый комплекс региональной безопасности. С военно-политической точки зрения считать Россию РКБ можно лишь в условиях гипотетической третьей мировой войны, когда защита Чукотки и Калининграда определяется одними и теми же стратегическими и оперативными условиями.

## Методы

Отметим, что далеко не каждая концепция имеет адекватные методы исследования. Законченный теоретико-методологический аппарат — признак теории, а не концепции [15]. Следует оттолкнуться от подходов мирового комплексного регионоведения, основанных на том, что между глобальным подходом к реальной мировой политике и международными отношениями конкретных государств есть региональный уровень, возникший на этапе перехода системы от биполярности / однополярности к полицентричности, которая находится в стадии постоянной трансформации. Именно на этом уровне формируется то, что потом может стать глобальным, а глобальное в конкретной политике приобретает в практической действительности макрорегиональный и региональный характер.

Теоретические подходы, применяемые в данной статье, основаны на исследовательских наработках ведущего российского эксперта профессора А. Д. Воскресенского, обобщившего все мировые фундаментальные теории в сфере регионализации мировой политики [16; 17]. Методологически представляется единственно возможным сначала рассмотреть ключевые вопросы иерархии международных регионов и лишь затем перейти к проблематике региональных комплексов безопасности.

В основе методологии, частично заимствованной, а также разрабатываемой в данной статье, лежат представления о международном регионе, который имеет следующие признаки: «непрерывность территории (включая акваторию), то есть возможность прямого транспортного сообщения, без пересечения границ региона; наличие органов управления (в различных формах и с разными функциями — от совещательных, чьи решения не обязательны к исполнению, до директивных, решения которых оформлены в виде международных договоров, имеющих приоритет перед национальным законодательством); относительно тесные экономические (торговля, инвестиции) связи входящих в регион субъектов» [18, с. 33].

Современные международные регионы характеризует понятие «мультиразмерности», ключевое для понимания регионов в рамках функционального подхода. Очевидно, что регионы могут формироваться в целях политического и / или экономического анализа на основе исследований идентичности или безопасности. При

определении региона актуален подход, предполагающий выделение как «жестких» регионов с единожды назначенными границами, так и регионов с «плавающими» границами. Для задач исследования РКБ важен подход, который не предполагает выявление только значимых территориальных констант и обязан включать характеристики региона, не привязанные к географической карте, по крайней мере на первый взгляд.

Именно такой подход предлагает шведский ученый М. Гуннарссон, который считает, что регион — это взаимодействие «акторов» и институтов в рамках данной географической территории [19]. Об этом же говорит и Б. Бузан, трактующий регион как «географический кластер подсистем государств, который отличен с точки зрения его внутренней структуры и процесса от более широкого понятия международной системы или общества, частью которого является» [20, р. 22].

Исследование и анализ международной интеграции — ключевой элемент теории «сообщества безопасности» (security community) Карла Дойча. Американский политолог К. Дойч, не упоминая слово «география», указывает на то, что, давая определение региону, мы предполагаем группу стран, которые по многим параметрам больше взаимосвязаны между собой, чем с иными странами [21]. «Сообщества безопасности» — «группы государств, достигших значительного уровня интеграции друг с другом, осознавших необходимость определенной общности (единства)». Эта общность не обязательно предполагает прямое территориальное соседство, но показывает эффект связанности через вопросы региональной безопасности [22, р. 31].

Отметим, что исследование глобализации как одной, но не единственной тенденции мирового развития привело к инкорпорации целого ряда научных подходов, относящихся к пространственному анализу, в том числе в сфере международных отношений. Речь идет о таких концепциях, как «смерть расстояния» ('death of distance') [23], «мир без границ» ('borderless world') [24], «конец географии» ('the end of geography') [25; 26]. Все эти концепции отражают верные и выверенные тенденции, имеющие прямое отношение к теории РКБ. Особым, программным значением обладают подходы к «безграничному районированию», разработанные профессором Л. В. Смирнягиным [27].

Методы исследования региональных комплексов безопасности основаны прежде всего на доказательстве существования самого объекта исследования. Вторая задача — определение границ РКБ, что представляется не менее сложным.

С нашей точки зрения, характеристика регионального комплекса сил и средств Западного военного округа России, Польши, стран Прибалтики позволяет говорить о объективном существовании РКБ.

## **Мезорегиональные РКБ вокруг России**

По мнению Б. Бузана и О. Вэвера, правильнее говорить не о российском РКБ, а о совокупности региональных театров — мезорегиональных РКБ (мезоРКБ), выстроенных вокруг России. Внутри этого РКБ на тот период (начало 2000-х годов) эти авторы выделили четыре субрегиона [9, р. 414—429], которые мы предлагаем рассматривать сейчас как мезорегиональные комплексы безопасности<sup>1</sup>:

- 1) Прибалтийские государства (Литва, Латвия и Эстония);
- 2) Западный «театр» (Беларусь, Украина и Молдова);
- 3) Кавказ<sup>2</sup>;

<sup>1</sup> РКБ Бузана и Вэвера при этом являются комплексами мегарегионального уровня (мегаРКБ).

<sup>2</sup> В который Б. Бузан и О. Вэвер включали как Северный Кавказ, так и Закавказье.

#### 4) Центральная Азия.

Определенные сомнения в субъектности Эстонии, Латвии, Литвы в контексте РКБ существуют. Б. Бузан и О. Вэвер фактически признают сложную структуру РКБ «вокруг России». Указанные авторы уже в 2003 году отмечали, что «Прибалтике в целом удалось выйти из постсоветской сферы...» [9, р. 414]. Вступление Литвы, Латвии и Эстонии в 2004 году в ЕС и НАТО, их последующая интеграция в структуры Евросоюза и Североатлантического альянса, а также геополитические и военно-политические изменения в Балтийском регионе после 2014 года, как представляется, вывели мезоРКБ стран Балтии из пределов постсоветского мегаРКБ и сделали его частью мегаРКБ европейского РКБ<sup>5</sup>.

Геополитические события 2014 года<sup>4</sup> и позднее (здесь стоит выделить прежде всего политический кризис в Беларуси 2020 года) привели к распаду мезоРКБ западного «театра». Их траектории разошлись. Украина и Молдова находятся на пути перехода из постсоветского мегаРКБ в мегаРКБ ЕС — Европа. Они уже в основном ушли из первого, но еще не стали частью второго (и не факт, что станут в полной мере). Сейчас этот юго-западный мезоРКБ, таким образом, занимает маргинальное положение на стыке двух мегаРКБ — постсоветского и европейского.

### МезоРКБ Россия — Беларусь

В отличие от Украины и Молдовы, чье тяготение на Запад достаточно четко обозначилось как минимум с начала 2000-х годов, Беларусь, несмотря на формальное пребывание в Союзном государстве с Российской Федерацией, последнее десятилетие до 2020 года во внешних отношениях пыталась поддерживать геополитический баланс между РФ и Западом. Эта «стратегия равноудаленности» во внешней политике сопровождалась, однако, российско-белорусским военным сотрудничеством, но была переосмыслена после президентских выборов в августе 2020 года. Активизировалось российско-белорусское сближение в сфере национальной (прежде всего военной) безопасности. Не только можно, но и целесообразно говорить о завершении формирования отдельного мезоРКБ Россия — Беларусь, выделившегося из распавшегося мезоРКБ западной группы постсоветских государств (Беларусь, Украина и Молдова). Сочетание политико-правового оформления российско-белорусских договоренностей и реальные практические шаги в этой сфере выводят вопрос о существовании мезоРКБ Россия — Беларусь с уровня доказательства существования объекта на уровень актуального исследования.

В случае конфликта с НАТО (а других потенциальных противников у данного мезоРКБ не просматривается) с применением обычных вооружений (который представляется маловероятным, но не невозможным) в него будет прежде всего вовлечена Региональная группировка войск (сил), созданная на основе двусторонних договоренностей Республики Беларусь и Российской Федерации, основную составляющую которой представляют Вооруженные силы Республики Беларусь, 1-я гвардейская танковая армия Вооруженных сил РФ<sup>5</sup> и Единая региональная система (ЕРС) противовоздушной обороны Российской Федерации и Республики Беларусь. Речь идет, таким образом, прежде всего о силах и средствах, расположенных на территории как самой Республики Беларусь, так и Западного военного округа (ЗВО)

<sup>3</sup> Который после выхода из ЕС Великобритании также претерпевает процесс трансформации.

<sup>4</sup> Начавшиеся, впрочем, задолго до этого.

<sup>5</sup> Белорусский генерал рассказал о готовности военных РФ помочь обороне Белоруссии, 2021, *Интерфакс*, 16 мая 2021, URL: <https://www.interfax.ru/world/766204> (дата обращения: 20.06.2022).

Российской Федерации (штаб — в Санкт-Петербурге)<sup>6</sup>, созданного в ходе военной реформы 2008—2010 годов на базе Ленинградского (ЛВО) и Московского военных округов (МВО)<sup>7</sup>. В то же время недавняя проверка сил реагирования союзного государства говорит о том, что когда сил и средств Региональной группировки будет недостаточно для гарантированного обеспечения безопасности Союзного государства, то могут быть привлечены и войска других российских военных округов, вплоть до Восточного военного округа (ВВО) [28].

### **Субрегиональный комплекс безопасности Республика Беларусь — Калининградская область РФ внутри мезоРКБ Россия — Беларусь**

МезоРКБ России и Беларуси не является единым в территориальном плане, поскольку в него входит Калининградская область — эксклав Российской Федерации, не имеющий общих границ с основной частью России и отделенный от нее территорией иностранных государств, одно из которых Республика Беларусь («отделяющее государство», по терминологии Ю. Д. Рожкова-Юрьевского [29, с. 158]). В связи с этим, а также со значением Республики Беларусь для связей Калининградской области с основной частью России и возрастающими общими угрозами национальной безопасности (в первую очередь в военной сфере) предлагается выделить внутри МезоРКБ России и Беларуси отдельный формирующийся субрегиональный комплекс безопасности (СРКБ) Республика Беларусь — Калининградская область РФ.

### **Формирование СРКБ Республика Беларусь — Калининградская область РФ в качестве ответа на общие угрозы в сфере военной безопасности**

Данный СРКБ формируется прежде всего как ответ на общие угрозы в сфере военной безопасности для Калининградской области РФ и Республики Беларусь — активизацию военной деятельности и наращивание сил и средств НАТО у наших границ.

Напомним, что в Польше к концу 2021 года уже было размещено около 4,5 тыс. американских военнослужащих, планировалось увеличение их численности по меньшей мере на 1 тыс. человек и создавалась инфраструктура для их быстрого наращивания до 20 тыс.<sup>8</sup> В Познани дислоцируются передовые штабы V корпуса и 1-й пехотной дивизии сухопутных войск (армии) США [30]<sup>9</sup>. В Пабраде (Литва) на границе с Беларусью с октября 2019 года [31] на ротационной основе размещается танковый батальон армии США (с мая 2022 года это 1-й батальон 66-го бронетан-

<sup>6</sup> Западный военный округ, 2015, *Министерство обороны Российской Федерации (Минобороны России)*, 22.08.2015, URL: [https://structure.mil.ru/structure/ministry\\_of\\_defence/details.htm?id=9793@egOrganization](https://structure.mil.ru/structure/ministry_of_defence/details.htm?id=9793@egOrganization) (дата обращения: 20.06.2022).

<sup>7</sup> Командующий войсками Западного военного округа поздравил личный состав с 151-й годовщиной со дня образования округа, 2015, *Министерство обороны Российской Федерации (Минобороны России)*, 22.08.2015, URL: <https://structure.mil.ru/structure/okruga/west/news/more.htm?id=12053498@egNews> (дата обращения: 20.06.2022).

<sup>8</sup> President ratifies Polish-US defence cooperation agreement, 2020, *PRESIDENT.PL*, 09 listopada 2020. URL: <https://www.president.pl/news/president-ratifies-polish-us-defence-cooperation-agreement,37163> (дата обращения: 20.06.2022).

<sup>9</sup> Press Release — 1st Infantry Division Forward assumes authority of Atlantic Resolve Mission Command Element, 2021, *US Army Europe and Africa*, July 20, 2021, URL: <https://www.europeafrica.army.mil/ArticleViewPressRelease/Article/2700249/press-release-1st-infantry-division-forward-assumes-authority-of-atlantic-resol/> (дата обращения: 20.06.2022).

кового полка 3-й бронетанковой бригадной боевой группы 4-й пехотной дивизии)<sup>10</sup>. В августе 2021 года Литва открыла в Пабраде новый лагерь «Nerkus» для американских военнослужащих и стремится превратить ротационное пребывание войск США там в постоянное [32].

На 33-й базе ВВС Польши в Повидзе на деньги НАТО строится место заблаговременного хранения вооружения и техники армии США, входящее в европейскую систему таких хранилищ APS-2. При стоимости 360 млн дол. это крупнейший единичный инфраструктурный проект НАТО за последние 30 лет. Место хранения должно войти в строй в середине — конце 2022 года. Там будет размещена техника американской бронетанковой бригадной боевой группы (около 85 основных боевых танков, 190 боевых бронированных машин, 35 артиллерийских орудий, 4 танковых мостоукладчика, а также сотни комплектов вспомогательного оборудования и деталей). Если сейчас для переброски американской бронетанковой бригады в Польшу требуется 45—60 дней, то с вводом хранилища в Повидзе это время сократится до 4—7 дней (по воздуху будет переброшен только личный состав, который получит технику из хранилища на месте) [33].

В Щецине находится штаб многонационального корпуса НАТО «Северо-Восток» (Multinational Corps Northeast (MNC NE)<sup>11</sup>, в Эльблонге — штаб многонациональной дивизии НАТО «Северо-Восток» (Multinational Division North East (MND-NE)<sup>12</sup>. В Ожише и Бемово-Писке (Польша) дислоцируется многонациональная боевая группа усиленного передового присутствия НАТО во главе с США, в Рукле (Литва) — такая же группа во главе с Германией<sup>13</sup>.

На аэродроме Шяуляй в Литве в рамках «Миссии НАТО по патрулированию воздушного пространства стран Балтии» (Baltic Air Policing (BAP))<sup>14</sup> с марта 2004 года на ротационной основе базируются самолеты-истребители ВВС стран НАТО. Время от времени для миссии BAP используется также польская авиабаза Мальборк<sup>15</sup> в 80 км от границы с Калининградской областью.

С февраля 2022 года численность войск США в Польше и Литве практически удвоилась, достигнув соответственно примерно 10 000 и более 1 000 человек. К 11 апреля 2022 года, по данным министра национальной обороны Литвы, численность боевой группы усиленного передового присутствия НАТО достигла 1 600 человек (на 10 февраля было 1 103 военнослужащих) [34].

Американские стратегические бомбардировщики B-52H, способные нести ядерное оружие, и B-1B в последние годы неоднократно летали у границ российской Калининградской области, отрабатывая нанесение ударов по ней [35; 36]. А коман-

<sup>10</sup> US deploys 'combat ready' units to Lithuania, 2009, *LRT.lt*. 2022.06.09, URL: <https://www.lrt.lt/en/news-in-english/19/1715317/us-deploys-combat-ready-units-to-lithuania> (дата обращения: 20.06.2022).

<sup>11</sup> Multinational Corps Northeast, 2022, *NATO*, URL: <https://mncne.nato.int> (дата обращения: 20.06.2022).

<sup>12</sup> Multinational Division North East, 2022, *NATO*, URL: <https://mndne.wp.mil.pl/en/> <https://mncne.nato.int> (дата обращения: 20.06.2022).

<sup>13</sup> NATO's Enhanced Forward Presence, 2021, *NATO*, March, URL: [https://www.nato.int/nato\\_static\\_fl2014/assets/pdf/2021/3/pdf/2103-factsheet\\_efp\\_en.pdf](https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2021/3/pdf/2103-factsheet_efp_en.pdf) (дата обращения: 20.06.2022).

<sup>14</sup> Baltic Air Policing, 2022, *NATO Allied Air Command*, URL: <https://ac.nato.int/missions/air-policing/baltics> (дата обращения: 20.06.2022); Baltic Air Policing: Lithuania, 2022, *Phantomaviation.nl*, September 2021, URL: <https://phantomaviation.nl/Country/Organizations/NATO/NATO-Air-Policing-Missions/NATO-BAP-Lithuania.htm> (дата обращения: 20.06.2022).

<sup>15</sup> Baltic Air Policing: Poland, 2021, *Phantomaviation.nl*, September 2021, URL: <https://phantomaviation.nl/Country/Organizations/NATO/NATO-Air-Policing-Missions/NATO-BAP-Poland.htm> (дата обращения: 20.06.2022).

дующий ВВС США в Европе и Африке генерал Джеффри Ли Харригян в сентябре 2019 года публично подтвердил наличие и отработку планов по прорыву российской интегрированной системы ПВО в Калининградской области [37].

Над Польшей у российской и белорусской границ и в международном воздушном пространстве над Балтикой у Калининградской области РФ постоянно летают самолеты-разведчики стран НАТО, прежде всего США и Великобритании [38]<sup>16</sup>. С декабря 2019 года США разместили в Шяуляе два самолета радио- и радиотехнической разведки армии США Beechcraft RC-12X Guardrail, которые почти ежедневно совершают разведывательные полеты у границ с Калининградской областью и Беларусью<sup>17</sup>.

Наращиваются и модернизируются вооруженные силы входящих в НАТО Польши и Литвы. Так, в Польше 17 сентября 2018 года была создана 18-я «Железная» механизированная дивизия (штаб в Седльце, примерно в 100 км от Бреста) [39], командование которой в июне 2021 года по итогам учения «Dragon-21» достигло полной боевой готовности<sup>18</sup>. Формирование дивизионных частей будет продолжаться до 2026 года<sup>19</sup>. В польской военной прессе открыто писалось о том, что «одна из основных предпосылок процесса формирования новой дивизии — защита от потенциальной агрессии со стороны Беларуси»<sup>20</sup>, то есть новое соединение готовится к боевым действиям, прежде всего против этой страны. В Литве в 2016 году была создана 2-я моторизованная бригада «Griffin» со штабом в Клайпеде, ориентированная на действия против Калининградской области [40].

Под предлогом реакции на миграционный кризис Польша сосредоточила у границ Беларуси группировку в 23 тыс. военнослужащих с танками, средствами ПВО и другим тяжелым вооружением, включающую 10-ю танковую бригаду 11-й бронекавалерийской дивизии, 12-ю механизированную бригаду 12-й механизированной дивизии, 15-ю механизированную и 9-ю бронекавалерийскую бригаду 16-й механизированной дивизии, 15-й полк ПВО той же дивизии, 6-ю воздушно-десантную бригаду и подразделения спецназа («Нил» и «Коммандос»), 1-ю Поморскую и 10-ю Опольскую бригады тыла<sup>21</sup>. По мнению Министерства обороны Республики Беларусь, это нельзя назвать адекватной реакцией и больше напоминает создание ударных группировок войск<sup>22</sup>.

<sup>16</sup> ВВС США уличили в разведке на всю глубину территории Белоруссии, 2021, *Известия*, 18 декабря 2021, URL: <https://iz.ru/1266200/2021-12-18/vvs-ssha-ulichili-v-razvedke-na-vsuiu-glubinu-territorii-belorussii> (дата обращения: 20.06.2022).

<sup>17</sup> Guardrails in Lithuania, 2021, *Scramble*, 23 April 2021, URL: <https://www.scramble.nl/military-news/guardrails-in-lithuania> (дата обращения: 20.06.2022).

<sup>18</sup> Dywizja Zmechanizowana: nowe struktury, ludzie i procedury na starym sprzęcie [КОМЕНТАРЗ], 2021, *Defence24*, 02.07.2021, URL: <https://defence24.pl/sily-zbrojne/18-dywizja-zmechanizowana-nowe-struktury-ludzie-i-procedury-na-starym-sprzecie> (дата обращения: 06.01.2022).

<sup>19</sup> Nowa dywizja Wojska Polskiego, 2022, *Ministerstwo Obrony Narodowej*, URL: <https://www.gov.pl/web/obrona-narodowa/nowa-dywizja> (дата обращения: 20.06.2022).

<sup>20</sup> Nowa polska dywizja — jak będzie wyglądać? [ANALIZA], 2018, *Defence24*, 15.05.2018, URL: <https://defence24.pl/polityka-obronna/nowa-polska-dywizja-jak-bedzie-wygladac-analiza> (дата обращения: 20.06.2022).

<sup>21</sup> Самолеты Белоруссии и РФ провели патрулирование границ Союзного государства, 2021, *Парламентское собрание Союза Беларуси и России*, 21.12.2021, URL: <https://belrus.ru/info/samolety-belorussii-i-rf-proveli-patrulirowanie-granic-soyuznogo-gosudarstva/> (дата обращения: 20.06.2022); Новый поход на Восток, или как Польша планирует присоединить земли западной Беларуси, 2021, *Военно-политическое обозрение (БелВПО)*, 20.12.2021. URL: <https://www.belvpo.com/126498.html/> (дата обращения: 20.06.2022).

<sup>22</sup> Самолеты Белоруссии и РФ провели патрулирование границ Союзного государства.



Таким образом, изучение наращивания вооруженных сил Польши и Литвы позволяет предположить, что Литва и Польша координируют свою военную политику в не меньшей степени, чем Россия и Беларусь. Более того, вопрос о последовательности принятия решений об эскалации в данном случае не принципиален. Более важен сам факт взаимозависимости угроз безопасности на калининградском и белорусском направлениях.

В открытой печати неоднократно появлялись публикации, посвященные возможным направлениям военных операций НАТО против российского эксклавного региона (см. подробнее: [41]). Характерно, что активность на калининградском направлении увязывается в этих работах с возможностью регионального конфликта с участием Беларуси. Дискуссия вокруг Сувалкского коридора сама по себе является подтверждением существования мезоРКБ, объединяющего в одну проблемную зону Литву, Беларусь, Восточную Польшу и Калининградскую область РФ.

Именно через Беларусь (в том числе с помощью белорусских Вооруженных сил) в случае войны российские силы в Калининградской области смогут получить поддержку и помощь. Кроме того, в случае военных действий, как полагают на Западе, российские войска в Калининградской области и российские войска и белорусские Вооруженные силы из Беларуси могут перерезать так называемый Сувалкский коридор (или «Сувалкскую брешь») [42] между Калининградской областью и Беларусью, отрезав силы НАТО в Прибалтике и лишив их возможности получать подкрепление и предметы снабжения по суше [43].

Более подробно о военной активности США и НАТО в Польше и Прибалтике можно прочитать в наших экспертных докладах 2019 и 2021 годов [44; 45]. В ряду последних работ, на момент редакционной подготовки статьи, отметим труд профессора К. К. Худолея и доцента Д. А. Ланко [46].

## **Институциональные и военные основы СКРБ Республика Беларусь — Калининградская область РФ**

Весь этот спектр угроз со стороны США и НАТО определяет формирование СКРБ Республика Беларусь — Калининградская область РФ в сфере военной безопасности. В институциональном плане он основан на Соглашении между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о совместном обеспечении региональной безопасности в военной сфере, вступившем в силу 14 мая 1999 года<sup>23</sup>. Это соглашение содержит термин «регион», под которым понимается «территория Республики Беларусь и территории областей Российской Федерации, прилегающие к Государственной границе Республики Беларусь, с воздушно-космическим пространством, в пределах которых предусматривается развертывание группировок войск (сил) Вооруженных Сил Республики Беларусь и Вооруженных Сил Российской Федерации и их совместные действия по обеспечению безопасности Беларуси и России». Одной из таких областей Российской Федерации является и Калининградская область.

В военном отношении, судя по открытым источникам, границы СКРБ Республика Беларусь — Калининградская область РФ можно примерно определить, совместив зоны ответственности Вооруженных сил Республики Беларусь, ряда соединений Западного военного округа РФ (1-й гвардейской танковой армии<sup>24</sup>, 6-й общевойсковой и 20-й гвардейской общевойсковой армий [47, р. 9—23]), Еди-

<sup>23</sup> Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о совместном обеспечении региональной безопасности в военной сфере, 2022, *Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов*, URL: <https://docs.cntd.ru/document/901796828> (дата обращения: 20.06.2022).

<sup>24</sup> Ядро российской части Региональной группировки войск (сил) Союзного государства.

ной региональной системы (ЕРС) ПВО Российской Федерации и Республики Беларусь, а также российских сил и средств, дислоцированных в самой Калининградской области [47, р. 42 — 51].

Вооруженные силы РФ в Калининградской области (и не только) и Вооруженные силы Республики Беларусь давно рассматриваются зарубежными экспертами как часть одной военной структуры. Утверждается, что все белорусские сухопутные операции военного времени будет планироваться в Москве и осуществляться под командованием русского генерала и что все белорусские средства ПВО представляют собой расширение сетей ПВО России [48, р. 18]. Также утверждается, что «Беларусь играет неотъемлемую роль в российском военном мышлении и организации, когда речь идет об обороне западных границ страны... Страна является буферным государством, частью российской стратегии расширенной обороны» [49, р. 57].

Указывается, что военное сотрудничество, пожалуй, самая сильная область партнерства между Калининградской областью и Беларусью. При этом выделяются два важнейших аспекта. Первый — ключевое значение Беларуси для аэрокосмической безопасности Калининграда. Дивизионы зенитных ракетных систем (ЗРС) С-400 в Калининградской области и С-300 в Беларуси в рамках ЕРС ПВО двух стран обеспечивают воздушную безопасность в пространстве между Калининградом и Беларусью и способны воспрепятствовать доступу авиации НАТО в пространство трех стран Прибалтики. Второй — значение Беларуси для решения упомянутой проблемы Сувалкского коридора в случае боевых действий [50].

### **Дальнейшие направления исследований СРКБ Республика Беларусь — Калининградская область РФ**

В данной работе мы сосредоточили основное внимание на месте и роли СРКБ Республика Беларусь — Калининградская область РФ в обеспечении военной и военно-политической безопасности, поскольку он формируется в первую очередь в этой сфере. В то же время в дальнейших исследованиях необходимо будет изучить и место данного СРКБ в обеспечении экономической безопасности России и Республики Беларусь. Не углубляясь пока в эту тематику, хотим отметить, что социально-экономические связи Республики Беларусь и Калининградской области РФ нуждаются в расширении и углублении и что следует поставить вопрос о возможности формирования «хозяйственного треугольника» Республика Беларусь — Калининградская область РФ — Санкт-Петербург и Ленинградская область РФ (в том числе в связи с переориентацией экспортно-импортных потоков Республики Беларусь с портов стран Прибалтики на российские порты Балтийского моря).

Нуждаются в уточнении границы СРКБ. Вполне возможно, что они окажутся «плавающими», то есть его границы, определяемые с позиций военно-политической и военной безопасности, не будут совпадать с границами, выделяемыми с позиций безопасности экономической. Вместе с тем детализация по этому вопросу выходит за пределы задач данной статьи.

Следует исследовать взаимодействие данного СРКБ с другими комплексами безопасности в Балтийском регионе. Причем не только с точки зрения военной и военно-политической безопасности (эти вопросы сейчас, конечно, преобладают), но и с точки зрения создания условий для возобновления хозяйственного взаимодействия (хотя бы на уровне, существовавшем до 2014 года) [51].

Отдельного внимания заслуживает приграничное сотрудничество СРКБ Республика Беларусь — Калининградская область РФ с регионами соседних государств. Несмотря на все сложности и противоречия на межгосударственном уровне именно оно может способствовать сохранению взаимодействия и диалога и облегчить возможное восстановление и развитие отношений между государствами.

## Выводы

Развитие академической науки, в том числе исследования безопасности, изначально предполагает междисциплинарный подход. Очевидно, что понимание региональных и субрегиональных комплексов безопасности возможно лишь при встречном движении. Это движение можно начинать от теории международных отношений, комплексного международного регионоведения. Вместе с тем, очевидно, что классический географический подход, где комплексность изначально «вшита» на теоретико-методологическом уровне, тоже может быть стартовой точкой научно-анализа. Рассматривая пространство как основу системы региональной безопасности, мы исходим из первичности политических факторов в формировании СРКБ.

Занимаясь исследованием вопросов региональной безопасности в восточной части Балтийского моря многие годы, авторы сочли возможным определить границы субрегионов данного субрегионального комплекса безопасности, выявили его структуру, доказали его целостность с политико-географических и военно-географических позиций.

Понимание военных аспектов безопасности в данном случае играет вспомогательную роль, хотя, безусловно, географические границы региона и субрегионов не могут быть выявлены без знания современных технических возможностей применения сил и средств и их размещения. «Глобальные державы» пространственны дважды. Во-первых, сверхдержавы сами территориальны, во-вторых, они реформируют зависимые пространства исходя из своего виденья безопасности. Так формируются конфликтные зоны со скользящими границами и основанные на взаимном признании взаимопроникновения условий безопасности РКБ, распадающиеся на СРКБ. Вместе они определяют системную пространственную структуру мировой политики в сфере безопасности.

События, связанные со специальной военной операцией, можно интерпретировать как подтверждение авторской гипотезы. Они происходят в другом РКБ, но пересекающемся с объектом исследования авторов за счет Беларуси. Проверку получил тезис о том, что существование глобальной безопасности не отрицает ее региональной структуры. При этом сама региональная структура (РКБ) подвижна и динамична.

*Работа выполнена с использованием средств государственного бюджета по госзадачу на 2021 год № 2249-21 «Реализация научно-исследовательских мероприятий по проблемам геополитики и исторической памяти на калининградском направлении».*

## Список литературы

1. Бузан, Б. 2021, Как сохранить статус? *Россия в глобальной политике*, т. 19, № 6, с. 124—138, URL: <https://globalaffairs.ru/articles/kak-sohranit-status/> (дата обращения: 20.06.2022).
2. Buzan, B., Little, R. 2000. *International Systems in World History. Remaking the Study of International Relations*, Oxford, Oxford University Press, 472 p.
3. Хлопов, О. А. 2019, Система международной безопасности XXI в.: поиск приемлемой теоретической модели, *Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения»*, № 1, с. 45—57. doi: <https://doi.org/10.28995/2073-6339-2019-1-45-57>.
4. Воскресенский, А. Д. 2020, Логика новой мироустроительной архитектоники: практика и теория переосмысления многомерного мира и поиск Китая своего места, *Сравнительная политика*, т. 11, № 4, с. 5—26. doi: <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2020-10045>.
5. Lipschute, R. (ed.) 1995, *On Security*, N. Y., Columbia University Press, 250 p.
6. Lanko, D. 2013, The regional approach in the policy of the Russian Federation towards the Re-public of Estonia, *Balt. Reg.*, № 3, p. 37—45. doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2013-3-4>.

7. Lanko, D., Dolženková, J. 2015, Latvia in the system of European territorial security: a view from the inside and outside, *Balt. Reg.*, № 1, p. 56—66. doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2015-1-4>.
8. Buzan, B. 1983, *Peoples, States and Fear. An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era*, L., Harvester Press Group, 262 p.
9. Buzan, B., Waeaver, O. 2003, *Regions and Powers: The Structure of International Relations*, Cambridge, 598 p.
10. Лукин, А. Л. 2011, Теория комплексов региональной безопасности и Восточная Азия, *Ойкумена*, № 2 (17), с. 7—19, URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-kompleksov-regioni-alnoy-bezopasnosti-i-vostochnaya-aziya> (дата обращения: 20.06.2022).
11. Окунев, И., Виноградов, В. 2021, Комплексы региональной безопасности (Опыт пространственного автокорреляционного и кластерного анализа), *Мировая экономика и международные отношения*, т. 65, № 4, с. 30—41. doi: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-4-30-41>.
12. Pop, A. 2016, From cooperation to confrontation: the impact of bilateral perceptions and interactions on the EU- Russia relations in the context of shared neighbourhood, *EASTERN JOURNAL OF EUROPEAN STUDIES*, vol. 7, № 2, December, p. 47—70.
13. Soltani, F. 2014, Levels of Analysis in International Relations and Regional Security Complex Theory, *Journal of Public Administration and Governance*, vol. 4, № 4, p. 166—171. doi: <https://doi.org/10.5296/jpag.v4i4.6973>.
14. Väyrynen, R. 1984, Regional conflict formations: An intractable problem of international relations, *Journal of Peace Research*, vol. 21, № 4, p. 337—359. doi: <https://doi.org/10.1177/002234338402100403>.
15. Lanko, D. A. 2017, Methodology and Methods of International and Area Studies. In: *Russia and the World: Understanding International Relations*, Lanham, Boulder, New York, London, Rowman & Littlefield, p. 25—42.
16. Воскресенский, А. Д. 2019, Глава 30. Регионализм как парадигма мироустройства. В: Воскресенский, А. Д., Гаман-Голутвина, О. В., Никитин, А. И. (ред.), *Современная политическая наука. Методология*, 2-е издание, исправленное и дополненное, М., Аспект Пресс, с. 675—695.
17. Voskressenski, A. D., Koller B. (eds.) 2019, *The Regional World Order. Transregionalism, Regional Integration, and Regional Projects across Europe and Asia*, Lanham, Boulder, New York, London, Rowman & Littlefield, Lexington Books, 242 p.
18. Воскресенский, А. Д. 2012, Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях, *Сравнительная политика*, № 2 (8), с. 30—58. doi: [https://doi.org/10.18611/2221-3279-2012-3-2\(8\)-30-58](https://doi.org/10.18611/2221-3279-2012-3-2(8)-30-58).
19. Gunnarsson, M. 2002, Regionalism and security — two concepts in the wind of change. In: Axensten, P. (ed.), *Nuclear Risks, Environmental, and Development Co-operation in the North of Europe*, Umeå, Cerum, Umeå universitet.
20. Buzan, B. 2012, How regions were made, and the legacies for world politics: an English School reconnaissance. In: Paul, T. V. *Inter-national relations Theory and Regional Transformation*, Cambridge University Press, p. 22—46.
21. Deutsch, K. 1981, On nationalism, world regions, and the nature of the West. In: Torsvik, P. *Mobilization, Center-Periphery structure and nation-building. A volume in commemoration of Stein Rokkan*, Universitetsforlaget, Bergen, Oslo-Toronto, p. 51—93.
22. Karl, W. 1957, *Deutsch et al. Political community and the North Atlantic area: International Organization in the Light of Historical Experience*, Princeton, Princeton University Press, 228 p.
23. Cairncross, F.C. 2001. In: Cairncross, F.C. *The Death of Distance: How the Communications Revolution Is Changing our Lives*, Harvard Business Review Press, 320 p.
24. Ohmae, K. 1990. In: Ohmae, K. *The Borderless World*, New York, Harper Business, 223 p.
25. O'Brien, R. 1992. In: O'Brien, R. *Global Financial Integration: The End of Geography*, Council on Foreign Relations Press, 120 p.
26. Bethlehem, D. 2014, The End of Geography: The Changing Nature of the International System and the Challenge to International, *The European Journal of International Law*, vol. 25, № 1, p. 9—24.

27. Смирнягин, Л. В. 2012, Безграничное районирование и плавающие ядерные признаки как средство познания географической реальности. В: Шупер, В. А. (ред.), *Проблемы географической реальности. IX Сократические чтения*, М., Эслан, с. 191 — 200.

28. Зверев Ю. 2022, «Союзная решимость»: Какой ответ на внешнюю агрессию отрабатывают Россия и Белоруссия, *Евразия.Эксперт*, 08 февраля 2022, URL: <https://eurasia.expert/kakoy-otvet-na-vneshnyuyu-agressiyu-otrabatyvayut-rossiya-i-belorussiya/> (дата обращения: 08.02.2022).

29. Рожков-Юрьевский, Ю. Д. 2013, Понятия «анклав» и «экслав» и их использование для политико-географической характеристики Калининградской области, *Балтийский регион*, № 2 (16), с. 149 — 161. doi <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2013-2-11>.

30. Vandiver, J. 2020, V Corps takes up position at new Poland headquarters, *Stars and Stripes*, November 2, 2020, URL: <https://www.stripes.com/theaters/europe/v-corps-takes-up-position-at-new-poland-headquarters-1.652807> (дата обращения: 20.06.2022).

31. Szymański, P. 2021, US Army in Lithuania: a new outpost on the eastern flank, *Centre for Eastern Studies (OSW)*, 2021-01-14, URL: <https://www.osw.waw.pl/en/publikacje/analyses/2021-01-14/us-army-lithuania-a-new-outpost-eastern-flank> (дата обращения: 20.06.2022).

32. Feldscher, J. 2021, Is This the Next US Military Base in Europe? *Defense One*, October 3, 2021, URL: <https://www.defenseone.com/policy/2021/10/next-us-military-base-europe/185808/> (дата обращения: 20.06.2022).

33. Porter, C. 2021, 405th AFSB command team visits APS-2 construction site in Poland, *U. S. Army*, May 11, 2021, URL: [https://www.army.mil/article/246192/405th\\_afsb\\_command\\_team\\_visits\\_aps\\_2\\_construction\\_site\\_in\\_poland](https://www.army.mil/article/246192/405th_afsb_command_team_visits_aps_2_construction_site_in_poland) (дата обращения: 20.06.2022).

34. Зверев, Ю., 2022. Ставка на конфронтацию: США и НАТО наращивают военный потенциал в Восточной Европе, *Евразия.Эксперт*, 28 апреля 2022, URL: <https://eurasia.expert/ssha-i-nato-narashchivayut-voennyu-potentsial-v-vostochnoy-evrope/> (дата обращения: 20.06.2022).

35. Зверев, Ю. 2019, Устрашение и отработка ударов: что американские В-52 делали у границ Беларуси и России, *Евразия.Эксперт*, 28 апреля 2019, URL: <https://eurasia.expert/chto-amerikanskiye-b-52-delali-u-granits-belarusi-i-rossii/> (дата обращения: 20.06.2022).

36. Зверев, Ю. 2019, США поставили рекорд десятилетия по активности ядерных бомбардировщиков в Европе, *Евразия.Эксперт*, 05 декабря 2019, URL: <https://eurasia.expert/ssha-postavili-rekord-aktivnosti-yadernykh-bombardirovshchikov-v-evrope/> (дата обращения: 20.06.2022).

37. Freedberg, S. J. Jr. 2019, Target, Kaliningrad: Air Force Puts Putin On Notice // *Breaking Defense*. September 17, 2019, URL: <https://breakingdefense.com/2019/09/target-kaliningrad-eucom-puts-putin-on-notice/> (дата обращения: 20.06.2022).

38. Allison G. 2021, British and American surveillance aircraft circle Kaliningrad, *UK Defence Journal*, October 3, 2021, URL: <https://ukdefencejournal.org.uk/british-and-american-surveillance-aircraft-circle-kaliningrad/> (дата обращения: 20.06.2022).

39. Зверев, Ю. 2018, Новая польская дивизия: Варшава провоцирует «гонку вооружений» у границ Беларуси и России, *Евразия.Эксперт*, 25 сентября 2018, URL: <https://eurasia.expert/povaya-polskaya-diviziya-varshava-belarusi/> (дата обращения: 20.06.2022).

40. Gustafsson, J. 2020, Lithuania's Military Capability, p. 3, *Swedish Defence Research Agency (FOI)*, URL: <http://www.foi.se/rest-api/report/FOI%20Memo%207595> (дата обращения: 20.06.2022).

41. Зверев, Ю. М. 2021, Возможные направления военных операций НАТО против Калининградской области РФ (по материалам открытых публикаций), *Евразия.Эксперт*, № 2, с. 44 — 53. doi: <https://doi.org/10.18254/S271332140015330-0>.

42. Зверев, Ю. 2018, Сувалкский коридор: угроза для НАТО или для Беларуси и России? *Евразия.Эксперт*, 13 сентября 2018, URL: <https://eurasia.expert/suvalkskiy-koridor-ugrota-za-dlya-nato-ili-dlya-belarusi-i-rossii/> (дата обращения: 20.06.2022).

43. Hodges, B., Bugajski, J., Doran, P. V. 2018, Securing the Suwałki Corridor. Strategy, Statecraft, Deterrence, and Defense, *Center for European Policy Analysis (CEPA)*, July 2018, 71 p., URL: [https://cepa.org/cepa\\_files/2018-CEPA-report-Securing\\_The\\_Suwa%C5%82ki\\_Corridor.pdf](https://cepa.org/cepa_files/2018-CEPA-report-Securing_The_Suwa%C5%82ki_Corridor.pdf) (дата обращения: 20.06.2022).

44. Зверев, Ю. М., Межевич, Н. М. 2019, Безопасность в восточной Балтике: к военным учениям России и Беларуси «Щит Союза — 2019»: экспертный доклад, СПб, ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2019. 152 с., URL: [https://interaffairs.ru/i/Bezopasnost\\_v\\_Vostochnoj\\_Baltike.pdf](https://interaffairs.ru/i/Bezopasnost_v_Vostochnoj_Baltike.pdf) (дата обращения: 20.06.2022).

45. Зверев, Ю. М., Межевич, Н. М. 2021, *Минимальный ответ на возрастающие угрозы: почему проведены учения «Запад-2021»?* экспертный доклад, СПб., ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 40 с.

46. Худoley, К. К., Ланко, Д. А. 2019, Финская дилемма безопасности, НАТО и фактор Восточной Европы, *Мировая экономика и международные отношения*, т. 63, № 3, с. 13—20. doi: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-3-13-20>.

47. Muzyka, K. 2020, Russian Forces in the Western Military District, *CNA Occasional Paper*, December 2020, 66 p., URL: [https://www.cna.org/archive/CNA\\_Files/pdf/russian-forces-in-the-western-military-district.pdf](https://www.cna.org/archive/CNA_Files/pdf/russian-forces-in-the-western-military-district.pdf) (дата обращения: 20.06.2022).

48. Muzyka, K. 2021, The Belarusian Armed Forces: Structures, Capabilities, and Defence Relations with Russia, August 2021, 27 p., *International Centre for Defence and Security (ICDS)*, URL: <https://icds.ee/wp-content/uploads/2021/08/The-Belarusian-Armed-Forces.pdf> (дата обращения: 20.06.2022).

49. Cofman, M. 2021, Annex 3. The role of Belarus in Russian military planning and strategy. In: Deen, B., Roggeveen, B., Zweers, W. *An Ever-Closer Union? Ramifications of further integration between Belarus and Russia*, Clingendael Report, August 2021, p. 57—65, Clingendael Institute, Netherlands Institute of International Relations, URL: <https://www.clingendael.org/pub/2021/an-ever-closer-union/annex-3/> (дата обращения: 20.06.2022).

50. Sukhankin, S. 2021, The Belarus Factor in Kaliningrad's Security Lifeline to Russia, *The Jamestown Foundation*, January 29, URL: <https://jamestown.org/program/the-belarus-factor-in-kaliningrads-security-lifeline-to-russia/> (дата обращения: 20.06.2022).

51. Tassinari, F. 2004, *Mare Europaeum: Baltic Sea Region Security and Cooperation from Post-Wall to Post-Enlargement Europe*, Copenhagen, University of Copenhagen, 343 p.

## Об авторах

**Зверев Юрий Михайлович**, кандидат географических наук, доцент, главный специалист Центра геополитических исследований Балтийского региона Института геополитических и региональных исследований, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: [Yzverev@kantiana.ru](mailto:Yzverev@kantiana.ru)

<https://orcid.org/0000-0002-5048-7481>

**Межевич Николай Маратович**, доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра белорусских исследований, Институт Европы РАН, Россия.

E-mail: [mez13@mail.ru](mailto:mez13@mail.ru)

<https://orcid.org/0000-0003-3513-2962>



ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

# THE REPUBLIC OF BELARUS AND THE KALININGRAD REGION OF RUSSIA AS A SUB-REGIONAL SECURITY COMPLEX

**Yu. M. Zverev<sup>1</sup>**

**N. M. Mezhevich<sup>2</sup>**

<sup>1</sup> Immanuel Kant Baltic Federal University,  
14 A. Nevskogo ul., Kaliningrad, 236016, Russia

<sup>2</sup> Institute of Europe Russian Academy of Sciences,  
3 Mokhovaya ul., Moscow, 125009, Russia

Received 15.11.2021

doi: 10.5922/2079-8555-2022-3-4

© Zverev, Yu. M.,  
Mezhevich, N. M., 2022

The formal indivisibility of security, which theorists in the field of international relations speak of, is an indisputable thing. Although the development of military technology, the format of globalization, a critical attitude towards classical geopolitics have led to an underestimation of the spatial factor, regionalisation has once again proved that it is an integral part of globalisation, its alter ego. At the beginning of the third decade of the 21st century, political developments in Europe are closely connected with military security. Although this interdependence is not new, the regional security system has been relatively stable for quite some time. The steadily, albeit gradually, aggravating situation around the Kaliningrad region and the Republic of Belarus has caused a response — coordinated cooperation in the framework of the Union State. The consequence of this was the formation of a sub-regional security complex (SRSC), which includes the Republic of Belarus and Russia's Kaliningrad region. And a theoretical justification for the formation of this complex is the focus of this article. The authors determine the floating boundaries of the SRSC, where spatial effects of military-political ties take on a special character. This study aims to apply and adapt the concept of regional security complexes to the military-political space of the eastern part of the Baltic Sea. The practical implications of this research include substantiating the interconnectedness and interdependence of security doctrines and practices in a troubled region of Europe.

**Keywords:**

the Republic of Belarus, Kaliningrad region, Russian Federation, Baltic Sea region, USA, NATO, regional security complex, subregional security complex

**References**

1. Buzan, B. 2021, How to maintain status? *Rossiya v global'noi politike* [Russia in global politics], vol. 19, № 6, p. 124—138, URL: <https://globalaffairs.ru/articles/kak-sohranit-status/> (accessed 20.06.2022) (in Russ.).
2. Buzan, B., Little, R. 2000. *International Systems in World History. Remaking the Study of International Relations*, Oxford, Oxford University Press, 472 p.
3. Khlopov, O. A. 2019, THE SYSTEM OF INTERNATIONAL SECURITY OF THE 21-ST CENTURY: THE SEARCH FOR AN ACCEPTABLE THEORETICAL MODEL, *RSUH/RGU Bulletin. Series Political Sciences. History. International Relations*, № 1, p. 45—57. doi: <https://doi.org/10.28995/2073-6339-2019-1-45-57> (in Russ.).
4. Voskressenski, A. D. 2020, Logika novoy miroustroitel'noy arkhitektoniki: praktika i teoriya pereosmysleniya mnogomernogo mira i poisk Kitayem svoyego mesta. (The Logic of the New World Political Architectonics: Praxis and Theory of Rethinking Multidimensional World and China 's Search of Its Place), *Comparative Politics Russia*, № 4, p. 5—26. doi: <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2020-10045> (in Russ.).
5. Lipschute, R. (ed.) 1995, *On Security*, N. Y., Columbia University Press, 250 p.
6. Lanko, D. 2013, The regional approach in the policy of the Russian Federation towards the Re-public of Estonia, *Balt. Reg.*, № 3, p. 37—45. doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2013-3-4>.
7. Lanko, D., Dolženková, J. 2015, Latvia in the system of European territorial security: a view from the inside and outside, *Balt. Reg.*, № 1, p. 56—66. doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2015-1-4>.
8. Buzan, B. 1983, *Peoples, States and Fear. An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era*, L., Harvester Press Group, 262 p.
9. Buzan, B., Waever, O. 2003, *Regions and Powers: The Structure of International Relations*, Cambridge, 598 p.
10. Lukin, A. L. 2011, Regional Security Complex Theory and East Asia, *Oikumena*, № 2 (17), p. 7—19, URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-kompleksov-regionalnoy-bezopasnosti-i-vostochnaya-aziya> (accessed 20.06.2022) (in Russ.).
11. Okunev, I., Vinogradov, V. 2021, Regional Security Complexes (Spatial Autocorrelation and Cluster Analysis Stimulation), *World Economy and International Relations*, vol. 65, № 4, p. 30—41. doi: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-4-30-41>.
12. Pop, A. 2016, From cooperation to confrontation: the impact of bilateral perceptions and interactions on the EU- Russia relations in the context of shared neighbourhood, *EASTERN JOURNAL OF EUROPEAN STUDIES*, vol. 7, № 2, December, p. 47—70.

13. Soltani, F. 2014, Levels of Analysis in International Relations and Regional Security Complex Theory, *Journal of Public Administration and Governance*, vol. 4, №4, p. 166—171. doi: <https://doi.org/10.5296/jpag.v4i4.6973>.
14. Väyrynen, R. 1984, Regional conflict formations: An intractable problem of international relations, *Journal of Peace Research*, vol. 21, №4, p. 337—359. doi: <https://doi.org/10.1177/002234338402100403>.
15. Lanko, D.A. 2017, Methodology and Methods of International and Area Studies. In: *Russia and the World: Understanding International Relations*, Lanham, Boulder, New York, London, Rowman & Littlefield, p. 25—42.
16. Voskresenski, A.D. 2019, Annex 3. Regionalism as a paradigm of the world order. In: Voskresenskiy, A.D., Gaman-Golutvina, O.V., Nikitin, A.I. (ed.), *Sovremennaya politicheskaya nauka. Metodologiya* [Modern political science. Methodology], 2nd edition, revised and enlarged, M., Aspect Press, p. 675—695 (in Russ.).
17. Voskresenski, A.D., Koller B. (eds.) 2019, *The Regional World Order. Transregionalism, Regional Integration, and Regional Projects across Europe and Asia*, Lanham, Boulder, New York, London, Rowman & Littlefield, Lexington Books, 242 p.
18. Voskresenski, A.D. 2012, CONCEPTS OF REGIONALIZATION, REGIONAL SUBSYSTEMS, REGIONAL COMPLEXES AND REGIONAL TRANSFORMATIONS IN CONTEMPORARY IR, *Comparative Politics (Russia)*, vol. 3, №2 (8), p. 30—58. doi: [https://doi.org/10.18611/2221-3279-2012-3-2\(8\)-30-58](https://doi.org/10.18611/2221-3279-2012-3-2(8)-30-58).
19. Gunnarsson, M. 2002, Regionalism and security — two concepts in the wind of change. In: Axensten, P. (ed.), *Nuclear Risks, Environmental, and Development Co-operation in the North of Europe*, Umeå, Cerum, Umeå universitet.
20. Buzan, B. 2012, How regions were made, and the legacies for world politics: an English School reconnaissance. In: Paul, T.V. *Inter-national relations Theory and Regional Transformation*, Cambridge University Press, p. 22—46.
21. Deutsch, K. 1981, On nationalism, world regions, and the nature of the West. In: Torsvik, P. *Mobilization, Center-Periphery structure and nation-building. A volume in commemoration of Stein Rokkan*, Universitetsforlaget, Bergen, Oslo-Toronto, p. 51—93.
22. Karl, W. 1957, *Deutsch et al. Political community and the North Atlantic area: International Organization in the Light of Historical Experience*, Princeton, Princeton University Press, 228 p.
23. Cairncross, F.C. 2001. In: Cairncross, F.C. *The Death of Distance: How the Communications Revolution Is Changing our Lives*, Harvard Business Review Press, 320 p.
24. Ohmae, K. 1990. In: Ohmae, K. *The Borderless World*, New York, Harper Business, 223 p.
25. O'Brien, R. 1992. In: O'Brien, R. *Global Financial Integration: The End of Geography*, Council on Foreign Relations Press, 120 p.
26. Bethlehem, D. 2014, The End of Geography: The Changing Nature of the International System and the Challenge to International, *The European Journal of International Law*, vol. 25, №1, p. 9—24.
27. Smirnyagin, L.V. 2012, Boundless zoning and floating features as a means of understanding geographic reality. In: Shuper, V.A. (ed.), *Problemy geograficheskoi real'nosti. IX Sokraticheskie chteniya* [Problems of geographical reality. IX Socratic Readings, M., Eslan, p. 191—200 (in Russ.).
28. Zverev, Yu. 2022, "Allied Resolve": What kind of response to external aggression are Russia and Belarus working out, *Evrasiya. Ekspert*, February 08, 2022, URL: <https://eurasia.expert/kakoy-otvet-na-vneshnyuyu-agressiyu-otrabyatyvayut-rossiya-i-belorussiya/> (accessed 08.02.2022) (in Russ.).
29. Rozhkov-Yuryevsky, Yu.D. 2013, The concepts of enclave and exclave and their use in the political and geographical characteristic of the Kaliningrad region, *Balt. Reg.*, №2, p. 113—123. doi <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2013-2-11>.
30. Vandiver, J. 2020, V Corps takes up position at new Poland headquarters, *Stars and Stripes*, November 2, 2020, URL: <https://www.stripes.com/theaters/europe/v-corps-takes-up-position-at-new-poland-headquarters-1.652807> (accessed 20.06.2022).
31. Szymański, P. 2021, US Army in Lithuania: a new outpost on the eastern flank, *Centre for Eastern Studies (OSW)*, 2021-01-14, URL: <https://www.osw.waw.pl/en/publikacje/analyses/2021-01-14/us-army-lithuania-a-new-outpost-eastern-flank> (accessed 20.06.2022).



32. Feldscher, J. 2021, Is This the Next US Military Base in Europe? *Defense One*, October 3, 2021, URL: <https://www.defenseone.com/policy/2021/10/next-us-military-base-europe/185808/> (accessed 20.06.2022).
33. Porter, C. 2021, 405th AFSB command team visits APS-2 construction site in Poland, *U.S. Army*, May 11, 2021, URL: [https://www.army.mil/article/246192/405th\\_afsb\\_command\\_team\\_visits\\_aps\\_2\\_construction\\_site\\_in\\_poland](https://www.army.mil/article/246192/405th_afsb_command_team_visits_aps_2_construction_site_in_poland) (accessed 20.06.2022).
34. Zverev, Yu., 2022. Bet on confrontation: the US and NATO are building up military potential in Eastern Europe, *Evraziya.Ekspert*, April 28, 2022, URL: <https://eurasia.expert/ssha-i-na-to-narashchivayut-voennyu-potentsial-v-vostochnoy-evrope/> (accessed 20.06.2022) (in Russ.).
35. Zverev, Yu. 2019, Intimidation and Strike Practice: What American B-52s Did Near the Borders of Belarus and Russia, *Evraziya.Ekspert*, April 28, 2019, URL: <https://eurasia.expert/ch-to-amerikanskie-b-52-delali-u-granits-belarusi-i-rossii/> (accessed 20.06.2022) (in Russ.).
36. Zverev, Yu. 2019, The United States set a decade record for the activity of nuclear bombers in Europe, *Evraziya.Ekspert*, December 03, 2019, URL: <https://eurasia.expert/ssha-postavili-rekord-aktivnosti-yadernykh-bombardirovshchikov-v-evrope/> (accessed 20.06.2022) (in Russ.).
37. Freedberg, S. J. Jr. 2019, Target, Kaliningrad: Air Force Puts Putin On Notice // *Breaking Defense*. September 17, 2019, URL: <https://breakingdefense.com/2019/09/target-kaliningrad-eu-com-puts-putin-on-notice/> (accessed 20.06.2022).
38. Allison G. 2021, British and American surveillance aircraft circle Kaliningrad, *UK Defence Journal*, October 3, 2021, URL: <https://ukdefencejournal.org.uk/british-and-american-surveillance-aircraft-circle-kaliningrad/> (accessed 20.06.2022).
39. Zverev, Yu. 2018, New Polish division: Warsaw provokes an “arms race” near the borders of Belarus and Russia, *Evraziya.Ekspert*, September 25, 2018, URL: <https://eurasia.expert/novaya-polskaya-diviziya-varshava-belarusi/> (accessed 20.06.2022) (in Russ.).
40. Gustafsson, J. 2020, Lithuania’s Military Capability, p. 3, *Swedish Defence Research Agency (FOI)*, URL: <http://www.foi.se/rest-api/report/FOI%20Memo%207595> (accessed 20.06.2022).
41. Zverev, Yu. 2021, Possible directions of NATO military operations against the Kaliningrad region of the Russian Federation (based on open publications), *Evraziya.Ekspert*, № 2, p. 44 – 53. doi: <https://doi.org/10.18254/S271332140015330-0> (in Russ.).
42. Zverev, Yu. 2018, Suwalki corridor: a threat for NATO or for Belarus and Russia? *Evraziya.Ekspert*, September 13, 2018, URL: <https://eurasia.expert/suvalkskiy-koridor-ugroza-dlya-na-to-ili-dlya-belarusi-i-rossii/> (accessed 20.06.2022) (in Russ.).
43. Hodges, B., Bugajski, J., Doran, P. B. 2018, Securing the Suwałki Corridor. Strategy, Statecraft, Deterrence, and Defense, *Center for European Policy Analysis (CEPA)*, July 2018, 71 p., URL: [https://cepa.org/cepa\\_files/2018-CEPA-report-Securing\\_The\\_Suwa%C5%82ki\\_Corridor.pdf](https://cepa.org/cepa_files/2018-CEPA-report-Securing_The_Suwa%C5%82ki_Corridor.pdf) (accessed 20.06.2022).
44. Zverev, Yu. M., Mezhevich, N. M. 2019, *Bezopasnost’ v vostochnoi Baltike: k voennym ucheniyam Rossii i Belarusi «Shchit Soyuz — 2019»* [Security in the Eastern Baltic: to the military exercises of Russia and Belarus “Union Shield — 2019”], expert report, St. Petersburg, IPTs SZIU RANEPa, 2019. 152 p., URL: [https://interaffairs.ru/i/Bezopasnost\\_v\\_Vostochnoj\\_Baltike.pdf](https://interaffairs.ru/i/Bezopasnost_v_Vostochnoj_Baltike.pdf) (accessed 20.06.2022) (in Russ.).
45. Zverev, Yu. M., Mezhevich, N. M. 2021, *Minimal’nyi otvet na vozrastayu-shchie ugrozy: pochemu provedeny ucheniya «Zapad-2021»?* [Minimal response to growing threats: why was Zapad-2021 exercise conducted?], expert report, St. Petersburg, IPTs SZIU RANEPa, 40 p. (in Russ.).
46. Khudoley, K. K., Lanko, D. A. 2019, Finnish security dilemma, NATO and the factor of Eastern Europe, *World Economy and International Relations*, vol. 63, № 3, p. 13 – 20. doi: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-3-13-20>.
47. Muzyka, K. 2020, Russian Forces in the Western Military District, *CNA Occasional Paper*, December 2020, 66 p., URL: [https://www.cna.org/archive/CNA\\_Files/pdf/russian-forces-in-the-western-military-district.pdf](https://www.cna.org/archive/CNA_Files/pdf/russian-forces-in-the-western-military-district.pdf) (accessed 20.06.2022).
48. Muzyka, K. 2021, The Belarusian Armed Forces: Structures, Capabilities, and Defence Relations with Russia, August 2021, 27 p., *International Centre for Defence and Security (ICDS)*. URL: <https://icds.ee/wp-content/uploads/2021/08/The-Belarusian-Armed-Forces.pdf> (accessed 20.06.2022).
49. Cofman, M. 2021, Annex 3. The role of Belarus in Russian military planning and strategy. In: Deen, B., Roggeveen, B., Zweers, W. *An Ever-Closer Union? Ramifications of further integra-*

tion between Belarus and Russia, Clingendael Report, August 2021, p. 57–65, Clingendael Institute, Netherlands Institute of International Relations, URL: <https://www.clingendael.org/pub/2021/an-ever-closer-union/annex-3/> (accessed 20.06.2022).

50. Sukhankin, S. 2021, The Belarus Factor in Kaliningrad's Security Lifeline to Russia, *The Jamestown Foundation*, January 29, URL: <https://jamestown.org/program/the-belarus-factor-in-kaliningrads-security-lifeline-to-russia/> (accessed 20.06.2022).

51. Tassinari, F. 2004, *Mare Europaeum: Baltic Sea Region Security and Cooperation from Post-Wall to Post-Enlargement Europe*, Copenhagen, University of Copenhagen, 343 p.

## **The authors**

**Dr Yury M. Zverev**, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: [Yzverev@kantiana.ru](mailto:Yzverev@kantiana.ru)

<https://orcid.org/0000-0002-5048-7481>

**Prof. Nikolay M. Mezhevich**, the Institute of Europe, Russian Academy of Science, Russia.

E-mail: [mez13@mail.ru](mailto:mez13@mail.ru)

<https://orcid.org/0000-0003-3513-2962>



SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

## ПАНДЕМИЯ COVID-19 В ГЕРМАНИИ: ИНФОРМАЦИОННЫЕ КАМПАНИИ, МЕДИА, ОБЩЕСТВО

**Ю. В. Балакина**

---

Национальный исследовательский университет  
«Высшая школа экономики»,  
603155, Россия, Нижний Новгород,  
ул. Большая Печерская, 25/12

Поступила в редакцию 08.06.2022 г.  
doi: 10.5922/2079-8555-2022-3-5  
© Балакина Ю. В., 2022

*Пандемия COVID-19 представляет собой серьезный вызов для всего мирового сообщества. Для сдерживания распространения инфекции страны по всему миру были вынуждены вводить различные ограничительные меры, что неминуемо вызвало недовольство общественности. Одной из стран, где были введены одни из самых болезненных мер, стала Германия. В условиях кризиса своевременная и достоверная информация является необходимым условием для мотивации общества соблюдать ограничительные меры. Таким образом, видится особенно актуальным проследить, как руководство Германии путем определенных информационных кампаний и стратегий пыталось сдержать недовольство общественности вводимыми ограничениями. Цель представляемой теоретической работы — систематизировать имеющиеся данные об информировании населения в Германии, сопоставить их с данными из РФ и определить наиболее удачные стратегии и слабые места в коммуникации. В итоге можно заключить, что необходимо диверсифицировать каналы коммуникации между властью и обществом, задействовав все доступные средства трансляции, а также привлечь экспертов и лидеров мнений, которые пользуются большим доверием, чем политические деятели. Кроме того, усилия должны быть направлены на борьбу с дезинформацией и замалчиванием не имеющих доказательств фактов. Полученные данные могут быть использованы в реализации информационных кампаний в ходе будущего мирового кризиса.*

### **Ключевые слова:**

COVID-19, Германия, информационные кампании, медиа, информирование о рисках, информационная политика РФ

### **Введение**

---

Пандемия новой коронавирусной инфекции, распространившаяся по всему миру за считанные месяцы 2020 года, представляет собой один из самых серьезных вызовов обществу в Новейшей истории. Меры, принимаемые мировой общественностью по сдерживанию пандемии, оказали беспрецедентное влияние на все сферы жизни: экономику, систему здравоохранения, социальную сферу и образование, политику и средства массовой информации, а также психологическое состояние общества. Ведущая экономика Европы — Германия — также ощутила на себе негативные последствия пандемии.

---

**Для цитирования:** Балакина Ю. В. Пандемия COVID-19 в Германии: информационные кампании, медиа, общество // Балтийский регион. 2022. Т. 14, № 3. С. 83–101. doi: 10.5922/2079-8555-2022-3-5.

В конце января 2020 года в Германии были выявлены первые случаи заболевания COVID-19, после чего в середине марта 2020 года последовал сначала медленный, а затем экспоненциальный рост числа подтвержденных случаев [1], что побудило правительство ввести ряд правил и ограничений, чтобы сдержать распространение инфекции. Такие меры включали, например, закрытие образовательных и детских учреждений, а также учреждений культуры<sup>1</sup>. Ввод указанных ограничений ознаменовал начало первого локдауна.

Неопределенность в отношении нового вируса, страх перед инфекцией, нарушение привычного уклада жизни общества — вызовы, с которыми столкнулось руководство страны. В своем обращении к нации 18 марта 2020 года Ангела Меркель подчеркнула приоритет проблем, связанных в первую очередь с прямыми последствиями коронавируса, а именно — перегрузкой здравоохранения, отсутствием лекарств и вакцин. Акцент был также сделан на вторичных проблемах (вытекающих из первых) — последствиях изоляции и социального дистанцирования, последствиях для бизнеса, угрозах для экономики в целом. Кроме того, канцлер определила локдаун и изоляцию как угрозу фундаментальным демократическим ценностям, а в качестве рекомендации был озвучен призыв к консолидации общества, следованию рекомендациям и правилам социального взаимодействия [2].

В целом во время первого локдауна негативные изменения в своей жизни ощутили на себе если не все жители Германии, то подавляющее большинство. Почти три четверти опрошенных (73 %) заявили, что они поддерживали других людей, попавших в сложную ситуацию, посредством помощи в совершении покупок, уходе за детьми или эмоционально [3]. Это означает, что даже если респонденты лично не пострадали от негативных последствий, то они наблюдали проблемы в своем окружении.

С начала апреля 2020 года протестующие против ограничительных мер, предлагаемых правительством, заполнили улицы Германии. Это были те люди, которые чувствовали угрозу в отношении своих основных прав, которых объединяло чувство глубокого недоверия к проводимой политике и традиционной медицине, подозревающие заговор групп, стоящих за пандемией, а также те, кто распространял правозащитные идеи. Разрозненные протестные движения к лету 2020 года организовались в национальное движение «Querdenken», выступающее против политики ограничений [4]. Опрос участников протестов в Констанце 4 октября 2020 года показал, что оценка политических мер по борьбе с пандемией и риска вируса играет главную роль в протестных движениях. Только каждый пятый респондент считал, что экспертам можно доверять, когда они говорят, что вирус представляет опасность. В то же время почти все респонденты (93 %) оценивали меры правительства по борьбе с пандемией как избыточные [5]. Кроме того, подавляющее большинство участников отмечали сильное негативное влияние пандемии на работу, семью и основные права. Таким образом, угрозы сложившемуся укладу жизни вызывали у людей чувство недоверия и протеста.

В рамках значительного количества исследований было доказано, что осознание людьми риска является основным предиктором для реализации рекомендуемого поведения, направленного на защиту здоровья [5—9]. Однако это осознание при отсутствии четких алгоритмов действий, направленных на их минимизацию, порождает чувство страха, которое приводит к панике, в то время как своевременная и достоверная информация о рисках направлена на упорядочивание страхов [10]. Кроме осознания риска стоит также отметить уровень доверия к поли-

<sup>1</sup> *Bundesgesundheitsministerium*, 2020, Coronavirus SARS-CoV-2: Chronik der bisherigen Maßnahmen, URL: <https://www.bundesgesundheitsministerium.de/coronavirus/chronik-coronavirus.html> (дата обращения: 07.05.2022).

тическим институтам и СМИ, транслирующим информацию. Опыт предыдущих форс-мажорных ситуаций показывает, что достаточно часто население за трагические последствия катастроф и эпидемий считает ответственной именно власть [11]. Проведенные исследования показали, что население может не понимать опасности пандемии гриппа, тем не менее доверять правительству в его действиях [12]. Недоверие в условиях эпидемии (на примере гриппа) влечет социальную напряженность [13], а противодействие действиям правительства во время пандемии (на примере пандемии H1N1) связывают с ценностями сопротивляющегося общества [14].

Данные «Моментального мониторинга COVID-19 (COSMO)» среди жителей Германии указывают на роль общественного доверия к учреждениям в прогнозировании приверженности рекомендуемому поведению, защищающему здоровье, и в эффективном восприятии риска [9]. Уровень доверия к политике и науке является ключевым фактором, определяющим соблюдение правил охраны здоровья [15], а доверие к органам здравоохранения и поиск информации о вирусе в государственных СМИ или на веб-сайтах органов здравоохранения положительно связаны с восприятием вируса как угрозы для здоровья [5]. Осознание обществом того, какие меры предосторожности существуют и из каких источников можно получить достоверную информацию, в значительной степени предсказывало отношение общественности к действиям правительства, подчеркивая важность коммуникаций в области здравоохранения [16].

Таким образом, с учетом негативного влияния локдауна на качество жизни физических лиц, а также зарождающихся протестных движений, призванных окончательно подорвать доверие к ограничительным мерам, первоочередной задачей властей должны были стать действия, направленные на последовательное и своевременное информирование о рисках и пользе ограничительных мер, а также на повышение доверия к информации, транслируемой политическими деятелями и официальными СМИ. С другой стороны, можно также предположить, что чувство недоверия подкреплялось большими объемами дезинформации, распространением теорий заговора, а также неопределенностью по причине отсутствия результатов исследований новой инфекции. Этим двум аспектам также должно было быть уделено внимание со стороны руководства страны.

Принимая во внимание перечисленные выше факты и события, актуальность представляемого исследования основываем на следующих положениях:

— пандемия COVID-19 — первый масштабный мировой кризис в новейшей истории. Результаты исследований показывают, что были допущены определенные ошибки в коммуникации «власть — общество», повлекшие за собой протестные движения и снижение уровня доверия, что поставило под угрозу как саму власть, так и общество;

— текущие события в мире говорят о том, что необходимо учесть выявленные недостатки кризисной коммуникации в период пандемии, чтобы в будущем суметь обеспечить достоверную и своевременную коммуникацию по каналу «власть — общество».

Цель представляемой статьи заключается в попытке систематизировать результаты научных исследований о мерах, предпринимаемых правительством Германии в информационном пространстве по формированию лояльности к политике ограничений, выявить недостатки и успешные стратегии и сопоставить полученные данные с информационной политикой РФ в период первой волны коронавируса.

Выборка научных публикаций для обзора формировалась по ключевым словам: *Germany COVID*, *Germany pandemic*, *Germany media COVID*, *Germany COVID communication*, *ковид сми*, *пандемия информирование*. Поиск осуществлялся на официальных сайтах издательств *Elsevier*, *Wiley*, *Springer*, *Sage*, *Oxford University*

*Press, Cambridge University Press* (доступ предоставлен НИУ «Высшая школа экономики»), а также *CyberLeninka* и *eLibrary* и охватывал период с февраля 2020 года по ноябрь 2020 года.

Анализ и классификация работ осуществлялись исходя из следующей логики:

- обзор реализуемых правительством мер просветительского характера, направленных на повышение уровня лояльности к вводимым ограничениям;
- роль СМИ, социальных сетей и мессенджеров в укреплении доверия между государством и обществом;
- обзор результатов информационных кампаний на примере определенных поведенческих паттернов и настроений в обществе;
- сопоставление проводимой в Германии и РФ информационной политики.

### **Информационные кампании правительства Германии**

Как уже было отмечено выше, проводимая властями Германии политика ограничений во время первой волны коронавируса оказала существенное негативное влияние на социально-экономическую сферу. Таким образом, действия, направленные на повышение лояльности общественности к вводимым ограничениям, должны были быть направлены на артикуляцию в институциональном дискурсе следующих ключевых идей: сплоченность общества против инфекции, осознание последствий вводимых ограничений (как личных, так и для общества в целом), а также достаточная аргументация в отношении эффективности принимаемых мер [17]. Так, чувство единства должно побуждать людей соблюдать ограничительные меры, а информирование о последствиях и пользе ограничительных мер позволит убедить людей в том, что они действуют на благо общества [18]. Кроме того, подчеркивание индивидуальной ответственности и уязвимости также может считаться многообещающим способом повышения просоциального поведения [18].

В Германии сразу после выявления первого инфицированного 27 января 2020 года была проведена информационная кампания, которая основывалась на рекомендациях по повышению внимания к гигиене рук и заверениях населения в том, что изоляция инфицированных хорошо помогает сдерживать распространение вируса [19].

Далее на протяжении всего периода до начала марта общественный дискурс был в значительной степени сформирован Институтом Роберта Коха (RKI) — общенациональным агентством по мониторингу здоровья федерального правительства Германии, ответственного за изучение и профилактику инфекционных болезней. На начальном этапе основные рекомендации RKI в основном были общими по мерам предосторожности, типичным для любого сезона гриппа [20]. Основные цели информирования о рисках сводились к следующим пунктам: снижение заболеваемости и смертности; уход за больными людьми; поддержание нормального функционирования основных услуг, предоставляемых населению; своевременное информирование населения лицами, принимающими политические решения, специалистами и СМИ [21]. Кроме того, на главной странице официального сайта RKI размещалась информация на немецком и английском языках, проводились регулярные (обычно раз в две недели) пресс-конференции по цифрам заражения, передачи и смертности.

Ситуация с информированием общественности не менялась до конца февраля, когда число подтвержденных случаев заражения начало расти и, в частности, сформировались несколько локальных горячих точек, где скорость распространения инфекции вызвала особое беспокойство. Однако ближе к середине марта, когда

был зарегистрирован резкий рост числа инфицированных, а также первая смерть (12 марта) правительство выпустило рекомендации по социальному дистанцированию, а 17 марта Германия закрыла границы.

Ангела Меркель 18 марта 2020 года выступила с речью, определив ковид как угрозу. Обращение к нации было построено таким образом, чтобы у общества сложилось впечатление, что канцлер контролирует развитие пандемии и отдает себе отчет в реализации институциональных ответов на нее [22]. Вслед за Меркель и другие многочисленные политические и общественные деятели Германии весной 2020 года устраивали перформансы, направленные на демонстрацию контроля над ситуацией. В то же время оппозиция оспаривала федеральные и региональные институциональные меры реагирования на пандемию посредством инсценирования и транслирования контрперформансов в виртуальном и публичном пространстве, чтобы продемонстрировать свое неприятие институциональных претензий на контроль и представление себя в качестве исполнителей контроля [22]. В целом можно отметить неоднозначность транслируемой властями информации, а также неопределенность правительственной коммуникации, что может объяснить общую тенденцию к снижению доверия и предполагаемой эффективности внедряемых ограничений [23].

Кроме политических деятелей органы здравоохранения также несут ответственность за повышение осведомленности и распространение знаний о пандемии среди населения, даже среди тех групп, кто готов отказаться от всех рекомендуемых мер. Кроме того, ключевой задачей органов здравоохранения является определение превалирующих каналов, по которым они могут осуществлять информирование, а также обеспечение информационной доступности для тех групп, кто не использует государственные СМИ или веб-сайты органов здравоохранения в качестве источника информации о коронавирусе [23].

В Германии в ответ на пандемию COVID-19 были организованы сети сотрудничества, включающие существующие структуры, в том числе научные консультативные советы, профессиональные ассоциации (Fachgesellschaften), а также формальные и неформальные рабочие группы и комитеты, базирующиеся в университетах и исследовательских институтах, таких как институты Макса Планка и национальный институт общественного здравоохранения (Институт Роберта Коха), для обеспечения общественности полной и достоверной информацией. В ситуации неопределенности на начальном этапе кризиса политические институты были зависимы от научных экспертов, так как недостаток достоверного научного знания должен был быть компенсирован для оправдания принимаемых политических решений и мер [24]. Эксперты, являющиеся членами рабочих групп и комитетов, отмечают, что политики «использовали» советников для оправдания политических решений, особенно в отношении непопулярных ограничений. С другой стороны, в случае, когда возникала необходимость со стороны научного сообщества повлиять на политику, эксперты обращались к СМИ, что в итоге позволило общественности получать необходимую информацию, а экспертам — косвенно влиять на политиков, чтобы их голос был услышан [25]. Так академики и ученые приобрели общенациональную известность, подобную известности комментаторов СМИ или телеведущих, они стали «лицом» кризиса. Их прямолинейный стиль общения помог успокоить взволнованную общественность и укрепить доверие и понимание того, почему необходимо соблюдать введенные правительством меры [26]. Например, известный вирусолог Кристиан Дростен, директор Института вирусологии при больнице Шарите в Берлине, ежедневно проводил на YouTube лекции, которые смотрели миллионы людей, в том числе за пределами Германии [27].

Также власти активно задействовали социальные сети, привлекая экспертов для больших охватов, так как эксперты имеют значительное количество подписчиков,

и аудитория получает более внушительный объем информации за счет постов и лайков. Кроме того, эксперты имеют большую возможность взаимодействовать с пользователями, например, Twitter напрямую по сравнению с властями [28].

Для информирования также были использованы приложения для обмена сообщениями, в частности для общения с молодыми гражданами. Согласно онлайн-исследованию ARD-ZDF 2019 года, 63 % населения ежедневно пользуются мессенджером WhatsApp, а в группе от 14 до 29 лет этот показатель составил 90 %. Сотрудничая с правительством и размещая официальную информацию, платформы социальных сетей и мессенджеры могут способствовать восстановлению доверия и обеспечению обмена надежной информацией [29]. Так, был создан информационный канал в Telegram «Corona-Infokanal des Bundesministeriums für Gesundheit», через который осуществлялась рассылка в форме push-сообщений всем пользователям Telegram, включая обновления о пандемии, а также мини-проверки на достоверность фактов [30], что оказывало определенное противодействие распространяемой дезинформации.

## Медиа

Медиа, являясь основными посредниками между государством и обществом, были активно вовлечены в информирование населения о рисках, угрозах и последствиях.

В контексте потребления информации обществом во время пандемии наблюдаются разнонаправленные тенденции. С одной стороны, исследователи говорят о росте медиапотребления в Германии, а именно телевидения, который составил до 75 % в марте 2020 года, а длительность просмотра увеличилась на 18 минут. Также исследователи отмечают возросший интерес к телевидению со стороны молодежи. Данная тенденция объясняется стремлением к потреблению достоверной информации, а также развлекательного контента (чтобы отвлечься). В итоге уровень доверия к телевидению среди населения вырос и достиг 67 % [31]. В сфере онлайн-медиа наблюдаются похожие тенденции. Так, 71,4 % респондентов подтвердили увеличение потребления онлайн-медиа во время локдауна. Мужчин чаще интересовали игры и эротический контент, в то время как женщины обращались к социальным сетям, поиску информации и стриминговым платформам [32]. Однако, несмотря на рост доверия к телевидению, глубокое недоверие к авторитетным СМИ, сложившееся до пандемии, отражается на выборе источников получения информации о ковиде. Так, 90 % респондентов получают информацию посредством собственного поиска и исследования в Интернете, 52 % — из групп Telegram или WhatsApp, а также от друзей или семьи (52 %). Напротив, газеты (42 %), а также телевидение и радио (32 %) играют второстепенную роль. Мобилизация для протестов также в основном осуществляется через Telegram и WhatsApp (62 %), другие социальные сети (42 %) и друзей (48 %) [3].

С другой стороны, исследователи отмечают тенденцию избегания информации. Среди предикторов избегания называют личное отношение и перегруз информацией [33]. Так, например, 56 % опрошенных были выбиты из колеи информационным потоком [34].

Таким образом, кажется логичным предположить, что потребители контента СМИ (как традиционных, так и онлайн) сталкивались с определенными трудностями в процессе фильтрации информации в потоке, а именно с идентификацией достоверности и полезности получаемых из СМИ сведений о коронавирусе<sup>2</sup>. Для

<sup>2</sup> Novel Coronavirus (2019-nCoV) — Situation Report 13, 2022, *World Health Organization*, URL: <https://www.who.int/docs/default-source/coronaviruse/situation-reports/20200202-sitrep-13-ncov-v3.pdf> (дата обращения: 16.05.2022).



20,9% было сложно решить, как защитить себя от заражения коронавирусом на основании информации СМИ. Еще больше граждан (32,1%) сообщают, что сложно использовать данную информацию для принятия решения о том, как действовать в случае заражения коронавирусом. При этом 47,8% участников опроса отмечают, что им сложно или очень сложно судить о том, могут ли они доверять информации СМИ о коронавирусе [34]. В целом доля дезинформации о здоровье в СМИ составила 47% и была сфокусирована на политических деятелях и вакцинах [35]. Однако при анализе выборки дезинформации, проверенной фактами, около двух третей исследованных случаев не содержали полностью выдуманной информации, скорее ее содержание было искажено или реконтекстуализировано. Наиболее частыми были ложные или искаженные заявления о планах или мерах государственных или международных органов, таких как ООН и ВОЗ (39% расследованных случаев). Фрагменты дезинформации знаменитостей о COVID-19, хотя и немногочисленные, имеют большое влияние, поскольку они распространяются все чаще (на начало мая 2020 года) [36].

В Германии большую роль в коммуникации и обмене информацией играли печатные СМИ, общественное телевидение и радио. Оба государственных телеканала ARD и ZDF предоставили достаточно места для интенсивного информирования и дискуссий на протяжении нескольких часов в неделю. Были приглашены основные сторонники, а также критически настроенные люди, выступающие против основных стратегий правительства. Включение нескольких мнений, в том числе вирусологов и эпидемиологов, а также политиков и других представителей гражданского общества, экономистов, политологов, философов и специалистов по этике позволило общественности следить за сложностью процесса принятия решений [37]. Исследователи отмечают, что доминирующими источниками информации о коронавирусе в СМИ были политические деятели, что указывает на использование СМИ государственными институтами для информационных кампаний. Кроме того, отмечается, что ученые и деятели образования были самой упоминаемой группой на пике первой и второй волн, а гражданские источники информации набирали популярность во время первой волны, когда протесты стали выливаться в организованные движения [38].

Наряду с распространяемой дезинформацией чувство недоверия граждан также подкреплялось распространением теорий заговора. В качестве примера здесь стоит упомянуть точку зрения немецкого подвижника правды, члена организации «Врачи за просвещение» Хайко Шёнинга. Он считает, что причины пандемии были сугубо экономическими. Крупные корпорации десятилетиями планировали экономический крах 2020 года. Поэтому, по его мнению, вирус не несет повышенного риска, а принимаемые меры преувеличены и для многих людей даже опасны для жизни [39].

Еще одно «слабое звено» информационной политики — недостаток проверенной информации. Когда факты неясны, лица, определяющие политику, и эксперты в области здравоохранения предпочитают избегать сообщений о научной неопределенности, опасаясь, что неопределенность породит недоверие. Тем не менее представление неопределенных аспектов пандемии как определенных может негативно повлиять на доверие граждан и соблюдение мер по сдерживанию, если эти отчеты впоследствии окажутся недействительными [40]. Данные показывают, что большинство респондентов отдали предпочтение открытому информированию о научной неопределенности в контексте пандемии COVID-19. Для тех, кто в настоящее время скептически относится к правительственным мерам сдерживания, сообщения, выражающие неуверенность, оказались особенно эффективными для мотивации соблюдения мер. Таким образом, можно говорить о том, что признание

научной неопределенности и информирование общественности о ней способствуют укреплению доверия [40]. В отношении качества информации, транслируемой в СМИ, можно заключить, что прямолинейная и понятная информация о неопределённых знаниях в СМИ сформировала доверие к науке, в то время как некоторые живые выступления исследователей создавали определенный риск ошибочной интерпретации. Некоторые газеты и социальные сети злоупотребляли достоверными научными процессами для создания образа непрофессиональных ученых, где на первый план выдвигались личные конфликты [41].

В контексте трансляции рисков и угроз с целью побудить население соблюдать ограничительные меры стоит отметить, что немецкие СМИ действовали достаточно агрессивно. Так, доля темы «ковид» в новостях в период с января 2020 года по ноябрь 2020 года составила 23,3%, в то время как общий объем транслируемой негативной информации — 87,9%. Таким образом, СМИ едва ли давали надежду на лучшее, продолжая вещать максимально интенсивно и негативно [42]. В целом информационная повестка СМИ соответствовала определяющим критериям сдерживания пандемии. Однако недавнее исследование в Германии показало, что вызывающее чувство тревоги освещение пандемии в СМИ подвергается критике со стороны как умеренных противников, так и сторонников мер по сдерживанию распространения COVID-19 [23].

## Общество

Обращаясь к восприятию обществом рисков и угроз для здоровья и жизни, связанных с коронавирусом, в начале пандемии, стоит отметить прямую взаимосвязь между правительственными кампаниями и вводимыми ограничениями. Так, исследователи в [43], проведя опрос общественного мнения в критический период в начале пандемии в Германии (с 10 по 24 марта), отмечают, что с первого дня и далее страх, связанный с COVID-19, а также поведение, направленное на соблюдение мер предосторожности, демонстрируют явный подъем с пиком через один день после объявления государственных ограничений и урезания индивидуальных свобод. Этот страх достигает пика во второй раз через один день после выступления канцлера. Наряду с этим доверие к правительственным мерам по снижению распространения COVID-19 возрастает со дня их осуществления. Таким образом, очевидно, что субъективно воспринимаемый риск завышен по сравнению с существующими показателями заболеваемости, что может быть результатом ощущения угрозы, что, в свою очередь, влечет за собой рост доверия к государственной политике, транслируемой не только через социальные сети и СМИ, но и через публичные выступления.

Однако если восприятие угрозы и индивидуальный риск заражения неуклонно снижались с течением времени, то субъективная оценка риска тяжелого заболевания в случае инфекции, а также чувство контроля над инфекцией со временем остаются более стабильными. Таким образом, неуклонное снижение чувства угрозы и предполагаемого риска может быть одним из объяснений того, почему изоляция со временем постепенно теряла общественную поддержку, поскольку чем сильнее люди чувствовали угрозу, тем более высокую степень поддержки они оказывали политике локдауна и тем более позитивной была их общая оценка его преимуществ [19].

В целом отмечается высокая вера в эффективность принимаемых правительством мер по сдерживанию в начале пандемии. Так, полный локдаун поддержали 77% респондентов, а внедрение таких мер, как запрет на собрания, закрытие отдельных заведений, мытье рук и ношение масок — от 94 до 98% опрошенных

[44]. На пике первой волны и вскоре после введения строгих карантинных мер общественность достаточно позитивно оценивает политику и в целом поддерживает мнение о том, что социальные выгоды от карантина перевешивают его экономические издержки [19]. Однако уже к маю около 50 % населения Германии считают, что локдаун имеет больше негативных, чем позитивных последствий [19].

Кроме того, отмечается прямая связь между доверием к власти и чувством удовлетворенности жизнью. Так, люди с низким докризисным уровнем доверия к институтам власти (правительство, суды, СМИ) сообщают о резком снижении удовлетворенности по сравнению с людьми с более высоким уровнем. Такая тенденция имеет отношение к объяснению роли государственных институтов во время кризиса и может служить основой для вмешательств, направленных на укрепление доверия и повышение общей удовлетворенности [45].

Усилия, направленные на формирование сплоченности общества перед лицом вируса, привели к следующим результатам. Исследования показывают, что групповая солидарность в обществе была основана на индивидуальной солидарности и продвигалась через признание общей цели, общих ценностей или других общих дел, включая групповые усилия по борьбе с пандемией. Однако было выявлено несколько факторов, подрывающих основу солидарности в обществе. Первый фактор — наличие существенных разногласий между теми, кто соблюдает меры и ограничения и желает им следовать, и теми, кто отказывается продвигать общую цель. Кроме того, на солидарность может влиять факт противоречия групповой солидарности интересам близкого круга [46].

В отношении глобальной солидарности было отмечено, что те, кто доверяет правительству, — оказывают доверие глобальным мерам. Однако, когда уровень личной тревоги повышается и одновременно снижается уровень доверия правительству, общественная поддержка глобальной солидарности может ослабнуть [47].

Что касается локальной солидарности, то данные показывают, что каждый второй житель Германии предоставлял какую-либо помощь другим в разгар локдауна первой волны. Примечателен тот факт, что примерно четверти механизмов оказываемой помощи не существовало до пандемии. Однако и здесь, как и в случае с экономическими последствиями, было выявлено явное социальное неравенство. Так, люди с высшим образованием чаще помогали другим, а люди с более высокими доходами — своим родственникам, а не остальным людям [48].

Те или иные различия наблюдались не только в объеме оказываемой другим помощи, но также, например, и в восприятии рисков, уровня доверия и превентивного поведения. Так, информирование о рисках и выгодах во время пандемии должно быть адаптировано к различным потребностям социальных групп, чтобы преодолеть образовательное неравенство [49]. Данные, касающиеся этнического неравенства в восприятии рисков, показывают, что в целом пандемия его не усугубила. Однако респонденты турецкого и югославского происхождения демонстрируют более высокий уровень восприятия риска для здоровья и финансов, чем немцы. Для азиатов же существенен риск для здоровья, но не для финансового благополучия [50].

На фоне информационных кампаний не удалось избежать и ковид-ассоциированной дискриминации, которая значительно усилилась с начала пандемии COVID-19. Как и в некоторых других странах, в Германии лица азиатского происхождения чаще подвергались дискриминации с момента вспышки пандемии. Также исследователи установили связь между числом случаев заражения ковидом и усиливающейся дискриминацией в отношении национальных групп. Так, респонденты (северо- или южноамериканского, азиатского происхождения, из бывшего СССР) чаще сообщали о ковид-ассоциированной дискриминации, когда число инфекций в их административном районе проживания увеличивалось [51].

## Информационная политика и общество в РФ

В Российской Федерации и в Германии был выбран схожий подход к борьбе с коронавирусной инфекцией, а именно было принято решение дожидаться определенного уровня заражений, а после приступить к внедрению мер по сдерживанию распространения инфекции [52].

Коммуникация от первого лица государства в России была интенсивнее, чем в Германии. В то время как Меркель обращалась к нации единожды в начале пандемии, было зафиксировано семь выступлений президента России, включающих как прямое обращение к нации, так и трансляцию рабочих совещаний.

Первые случаи заражения в РФ были зафиксированы в конце января, и крупные новостные порталы были первыми, кто попытался представить объективную информацию, ссылаясь на политических лидеров. Так, Vedomosti представили перечень предпринимаемых правительством действий, а Lenta.ru — подробное описание состояния заболевших [53].

В отличие от Германии, где инфодемия хотя и была отмечена, однако не приобрела таких беспрецедентных масштабов, в Российской Федерации начиная с января 2020 года было зафиксировано около 2 млн репостов различного рода недостоверных сообщений, касающихся коронавируса. Большинство таких сообщений представляли собой слухи и конспирологические теории. В итоге в апреле были даже внесены поправки в УК РФ ст. 207.1 «Публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан». Западные исследователи отмечают, что частично ответственность за распространение дезинформации лежит на властях [54], и эта дезинформация объясняется необходимостью распространения пропаганды против стран Запада.

В то время как уровень доверия к СМИ в Германии вырос в начале пандемии, в РФ отмечается его существенное снижение. По данным Левада-центра\*, уровень недоверия к СМИ достиг 59 % [55], также отмечается спад доверия к телевидению. В то же время в РФ, как и в Германии, растет доверие к социальным сетям и мессенджерам как альтернативным источникам информации. Для того чтобы повысить уровень доверия, российские СМИ прибегали к тактике использования в своих материалах информации из интернет-источников [55].

Представляемая российскими СМИ информация была зачастую противоречива (особенно в начале пандемии, когда уровень неопределенности был необычайно высок). Так, отмечается, что на федеральном Первом канале неоднократно происходила смена представляемых позиций, что только усиливало ощущение неопределенности у аудитории и в итоге приводило к снижению уровня доверия к СМИ и к власти. С другой стороны, не наблюдалось прямого оппозиционирования проводимой властями политике, была выявлена лишь непрякая и лаконичная критика власти [56], что заставляло критически настроенных людей обращаться к альтернативным источникам информации. В Германии же, как уже было сказано выше, официальные СМИ были площадкой для дискуссий и критики.

В то время как в Германии в ходе протестных движений люди выходили на улицы, в РФ помимо немногочисленных протестных акций офлайн была зафиксирована новая модель протестной активности — виртуальные акции протеста. В обеих странах основания для протестных движений отмечаются схожие — негативное влияние ограничительных мер на экономический сектор и, как следствие, снижение уровня жизни населения. Несмотря на различие в подходах освещения необходимости следования ограничительным мерам, в обеих странах население воспринимало эти меры как избыточные и неадекватные [57].

\*НЕКОММЕРЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ, ВЫПОЛНЯЮЩАЯ ФУНКЦИИ ИНОСТРАННОГО АГЕНТА.

Стоит также отметить, что в качестве альтернативы «провластным» СМИ в России, как и в Германии, особой популярностью пользовались авторские каналы, представляющие экспертное мнение или взгляды «лидеров мнений». Здесь можно отметить фигуру Д. И. Проценко — главного врача ГБУЗ «Городская клиническая больница № 40».

В целом можно заключить, что информационные кампании в России и Германии определялись государственной политикой и, соответственно, имели больше различий, чем общих тенденций. Однако, проанализировав имеющиеся данные, можно выделить ключевую тенденцию, которая если не способствовала поддержанию уровня доверия и беспрекословного соблюдения ограничительных мер, то по крайней мере позволяла поддерживать их на приемлемом уровне. Тенденция заключается в диверсификации каналов коммуникации с акцентом не на прямую коммуникацию по каналу «власть — общество», а на опосредованную, с привлечением лидеров мнений и экспертов, транслирующих информацию через СМИ и доступные социальные сети и мессенджеры.

## **Заключение**

С учетом растущей актуальности кризисной коммуникации в мировом информационном пространстве в данной статье была сделана попытка на примере Германии проанализировать возможности информационного канала «государство — общество» с целью выявить успешные стратегии и слабые стороны.

Исследование основывалось на следующих положениях. Приверженность стратегиям коммуникации риска в начале пандемии была первоочередной задачей правительства. Ключевые элементы коммуникации — формирование доверия аудиторию к источнику информации и достоверность информационного контента.

По итогам проведенного анализа можно сделать следующие выводы.

Учитывая тот факт, что субъективно воспринимаемый риск был явно завышен и не зависел от объективной статистической информации о количестве заражений и смертей, можно заключить, что в Германии благодаря комплексному подходу к информированию удалось в дискурсе сформировать у общественности ощущение угрозы и рисков, достаточное для формирования лояльности к вводимым ограничениям, а также удержать необходимый уровень доверия правительству во время первого локдауна. Эти цели были достигнуты преимущественно за счет опосредованных каналов коммуникации с привлечением экспертов и лидеров мнений, так как в ситуации неопределенности и недостатка достоверных данных доверие вызывают специалисты, напрямую вовлеченные в процесс. Кроме того, опосредованная коммуникация через социальные сети и мессенджеры, имеющие схожие недостатки в представлении информации, пользовалась большим авторитетом. Здесь определенную роль сыграли допандемийные тенденции. Таким образом, стратегия «запуливания» имела определенный успех в первую волну пандемии, так как чувство страха формирует соответствующее отношение общественности и поведенческие паттерны. В случае COVID-19 локдаун и политика сдерживания были введены достаточно быстро, до того, как общественное мнение по данному вопросу успело сформироваться. В результате этот факт позволил властям в весьма агрессивной форме навязать общественности определенные установки и оценки.

Можно также заключить, что прямая коммуникация «власть — народ» в Германии не была успешна по причине сложившегося до пандемии недоверия к официальным каналам и широко представленного мнения оппозиции.

Также стоит отметить тот факт, что дезинформация — это, возможно, основной фактор, подрывающий доверие граждан к ограничительным мерам. Так, в начале

пандемии, когда поступал минимум информации, уровень доверия определялся как высокий, но по мере увеличения объема дезинформации и субъективных мнений СМИ довольно быстро утратили доверие общества как надежный источник информации и воспринимались больше как источник развлекательного контента.

В целом видится необходимым вовлечение в процесс кризисной коммуникации всех доступных средств доведения информации до общественности, так как предпочтения и доступность информации существенно различаются по социальным группам (возраст, образование, определенные убеждения, политическая ориентация).

Остается открытым вопрос о транслировании неопределенных и не имеющих доказательств (по объективным причинам) фактов, так как собранные к настоящему моменту данные достаточно противоречивы. Здесь мы скорее согласимся с мнением, выраженным в [10], о том, что отсутствующие данные и неопределенность в отношении определенной проблемы следует неоднократно и явно указывать в статистике.

Очевидно, что пандемия новой коронавирусной инфекции как первый мировой кризис подобного масштаба в Новейшей истории застала врасплох как мировые институты, так и гражданское общество. С другой стороны, пандемия может рассматриваться как платформа для внедрения определенных технологий и стратегий, регулирующих взаимоотношения между властью и обществом. Как показывают результаты исследований, медиа во всем их разнообразии — наиболее эффективный инструмент кризисной коммуникации. Таким образом, необходимо углублять исследования, направленные на триангуляцию власти, медиа и общества, с тем чтобы выйти из последующих потенциальных мировых кризисов с наименьшими потерями для всех сторон.

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00015.*

## **Список литературы**

1. Petzold, M. B., Bendau, A., Plag, J. et al. 2020, Risk, resilience, psychological distress, and anxiety at the beginning of the COVID-19 pandemic in Germany, *Brain and Behavior*, vol. 10, № 9. doi: <https://doi.org/10.1002/brb3.1745>.
2. Sjölander-Lindqvist, A., Larsson, S., Fava, N. et al. 2020, Communicating About COVID-19 in Four European Countries: Similarities and Differences in National Discourses in Germany, Italy, Spain, and Sweden, *Frontiers in Communication*, № 5. doi: <https://doi.org/10.3389/FCOMM.2020.593325>.
3. Koos, S. 2021, Die «Querdenker». Wer nimmt an Corona-Protessen teil und warum? : Ergebnisse einer Befragung während der «Corona-Protteste» am 4.10.2020 in Konstanz, *URN:NBN Resolver für Deutschland und Schweiz*, URL: <http://nbn-resolving.de/urn:nbn:de:bsz:352-2-bnrddx-o8opad0> (дата обращения: 07.05.2022).
4. Nachtwey, O., Schäfer, R., Frei, N. 2020, Politische Soziologie der Corona-proteste, *the institutional repository of the University of Basel*, URL: [https://edoc.unibas.ch/80835/1/20210118133822\\_6005813e51e0a.pdf](https://edoc.unibas.ch/80835/1/20210118133822_6005813e51e0a.pdf) (дата обращения: 11.05.2022).
5. El-Far Cardo, A., Kraus, T., Kaifie, A. 2021, Factors That Shape People's Attitudes towards the COVID-19 Pandemic in Germany — The Influence of MEDIA, Politics and Personal Characteristics, *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 18 (15), art. 7772. doi: <https://doi.org/10.3390/ijerph18157772>.
6. Glöckner, A. et al. 2020, The Perception of Infection Risks during the Early and Later Outbreak of COVID-19 in Germany: Consequences and Recommendations, *PsyArXiv*. doi: <https://doi.org/10.31234/osf.io/wdbgc>.
7. Majid, U. et al. 2020, Knowledge, (mis-)conceptions, risk perception, and behavior change during pandemics: A scoping review of 149 studies, *Public Underst. Sci*, № 29, p. 777 — 799.
8. Dryhurst, S. et al. 2020, Risk perceptions of COVID-19 around the world, *J. Risk Res*, № 23, p. 994 — 1006.

9. Eitze, S. et al. 2021, Public trust in institutions in the first half of the Corona pandemic: Findings from the COVID-19 Snapshot Monitoring (COSMO) project, *Bundesgesundheitsblatt, Gesundheitsforschung, Gesundheitsschutz*, vol. 64, №3, p. 268—276. doi: <https://doi.org/10.1007/s00103-021-03279-z>.
10. Wiedemann, P., Dorl, W. 2020, Be alarmed. Some reflections about the COVID-19 risk communication in Germany, *Journal of Risk Research*, vol. 23, №7-8, p. 1036—1046. doi: <https://doi.org/10.1080/13669877.2020.1825984>.
11. Радина, Н.К. 2013, Власть в информационном поле природных и техногенных катастроф (по материалам документальных фильмов), *Полис. Политические исследования*, №1, с. 112—124.
12. Paek, H. J. et al. 2008, Public support for government actions during a flu pandemic: lessons learned from a statewide survey, *Health promotion practice*, vol. 9, 4 Suppl., p. 60—72. doi: <https://doi.org/10.1177/1524839908322114>.
13. Davis, M. D. M. et al. 2015, Beyond resistance: social factors in the general public response to pandemic influenza, *BMC Public Health* 15. <https://doi.org/10.1186/s12889-015-1756-8>.
14. Raunack-Mayer, A. et al. 2013, Understanding the school community's response to school closures during the H1N1 2009 influenza pandemic, *BMC Public Health*, №13, art. 344.
15. Dohle, S., Wingen, T., Schreiber, M. 2020, Acceptance and Adoption of Protective Measures During the COVID-19 Pandemic: The Role of Trust in Politics and Trust in Science. *PsychArchives*. doi: <https://doi.org/10.31219/osf.io/w52nv>.
16. Vardavas, C., Odanis, S., Nikitara, K. et al. 2021, Public perspective on the governmental response, communication and trust in the governmental decisions in mitigating COVID-19 early in the pandemic across the G7 countries, *Preventive Medicine Reports*, №21. doi: <https://doi.org/10.1016/j.pmedr.2020.101252>.
17. Zimmermann, B.M., Fiske, A., McLennan, S. et al. 2021, Motivations and Limits for COVID-19 Policy Compliance in Germany and Switzerland, *International Journal of Health Policy and Management*. doi: <https://doi.org/10.34172/IJHPM.2021.30>.
18. Hellmann, D.M., Dorough, A., Glöckner, A. 2021, Prosocial behavior during the COVID-19 pandemic in Germany. The role of responsibility and vulnerability, *Heliyon*, vol. 7, №9, art. e08041. doi: <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2021.e08041>.
19. Naumann, E., Möhring, K., Reifenscheid, M. et al. 2020, COVID-19 policies in Germany and their social, political, and psychological consequences, *Eur Policy Anal.*, №6, p. 191—202. doi: <https://doi.org/10.1002/epa2.1091>.
20. Büthe, T., Messerschmidt, L., Cheng, C. 2020, Policy Responses to the Coronavirus in Germany. In: Gardini, G.L. (ed.), *The World Before and After COVID-19: Intellectual Reflections on Politics, Diplomacy and International Relations*, Stockholm — Salamanca, European Institute of International Studies/Instituto Europeo de Estudios Internacionales, p. 97—102, URL: <https://www.ieeiweb.eu/publications> (дата обращения: 07.05.2022).
21. Vorvereitungen und Massnahmen in Deutschland, version 1.0 (stand 04.03.2020), 2020, Ergänzung zum Nationalen Pandemieplan — COVID-19 — neuartige Coronaviruserkrankung, *Robert Koch Institute*, URL: [https://www.rki.de/DE/Content/InfAZ/N/Neuartiges\\_Coronavirus/Ergaenzung\\_Pandemieplan\\_Covid.pdf?\\_\\_blob=publicationFile](https://www.rki.de/DE/Content/InfAZ/N/Neuartiges_Coronavirus/Ergaenzung_Pandemieplan_Covid.pdf?__blob=publicationFile) (дата обращения: 11.05.2022).
22. Volk, S. 2021, Political Performances of Control During COVID-19: Controlling and Contesting Democracy in Germany, *Frontiers in Political Science*, №3. doi: <https://doi.org/10.3389/fpos.2021.654069>.
23. Schieferdecker, D. 2021, Beliefs, Attitudes, and Communicative Practices of Opponents and Supporters of COVID-19 Containment Policies: A Qualitative Case Study from Germany, *Javnost — The Public*, vol. 28, №3, p. 306—322. doi: <https://doi.org/10.1080/13183222.2021.1969620>.
24. Hodges, R., Caperchione, E., Van Helden, J. et al. 2022, The Role of Scientific Expertise in COVID-19 Policy-making: Evidence from Four European Countries, *Public Organization Review*, <https://doi.org/10.1007/s11115-022-00614-z>.
25. Colman, E., Wanat, M., Goossens, H. et al. 2021, Following the science? Views from scientists on government advisory boards during the COVID-19 pandemic: a qualitative interview study in five European countries, *BMJ Global Health*, №6, art. e006928. doi: <https://doi.org/10.1136/bmjgh-2021-006928>.
26. Marten, R., El-Jardali, F., Hafeez, A. et al. 2021, Co-producing the COVID-19 response in Germany, Hong Kong, Lebanon, and Pakistan, *BMJ*, №372, art. n243. doi: <https://doi.org/10.1136/bmj.n243>.

27. Schumann, F., Simmank, J. 2020, Wir haben es selbst in der Hand, *Zeit Online*, 8 October, URL: [www.zeit.de/wissen/2020-10/christian-drosten-corona-massnahmenneueinfektionen-herbst-winter-covid-19](http://www.zeit.de/wissen/2020-10/christian-drosten-corona-massnahmenneueinfektionen-herbst-winter-covid-19) (дата обращения: 15.05.2022).
28. Drescher, L. S., Roosen, J., Aue, K. et al. 2021, The Spread of COVID-19 Crisis Communication by German Public Authorities and Experts on Twitter: Quantitative Content Analysis, *JMIR Public Health Surveill*, №7 (12), art. e31834. doi: <https://doi.org/10.2196/31834>.
29. Breher, N. 2020, When the Ministry of Health sends a push message, *Tagesspiegel*. <https://www.tagesspiegel.de/politik/social-media-kommunikation-in-der-coronakrise-wenn-das-gesundheitsministerium-eine-push-nachricht-schickt/25779934.html> (дата обращения: 08.05.2022) (in Germ.).
30. Heiss, R., Waser, M., Falkenbach, M., Eberl, J.-M. 2021, How have governments and public health agencies responded to misinformation during the COVID-19 pandemic in Europe? *European Observatory on Health Systems and Policies*, URL: <https://eurohealthobservatory.who.int/monitors/hsrm/analyses/hsrm/how-have-governments-and-public-health-agencies-responded-to-misinformation-during-the-covid-19-pandemic-in-europe> (дата обращения: 07.05.2022).
31. Mikos, L. 2020, Film and Television Production and Consumption in Times of the COVID-19 Pandemic — The Case of Germany, *Baltic Screen Media Review*, №8 (1), p. 30—34. doi: <https://doi.org/10.2478/BSMR-2020-0004>.
32. Lemenager, T., Neissner, M., Koopmann, A. et al. 2020, COVID-19 Lockdown Restrictions and Online Media Consumption in Germany, *International Journal of Environmental Research and Public Health*, vol. 18 (1), №14. doi: <https://doi.org/10.3390/ijerph18010014>.
33. Link, E. 2021, Information avoidance during health crises: Predictors of avoiding information about the COVID-19 pandemic among German news consumers, *Information Processing & Management*, vol. 58, №6, 102714. doi: <https://doi.org/10.1016/j.ipm.2021.102714>.
34. Okan, O., de Sombre, S., Hurrelmann, K. et al. 2020, *Gesundheitskompetenz der Bevölkerung im Umgang mit der Coronavirus-Pandemie*, Bielefeld & Berlin, April 2020, URL: <https://t1p.de/4p54> (дата обращения: 11.05.2022).
35. Zeng, J., Chan, C.-H. 2021, A cross-national diagnosis of infodemics: comparing the topical and temporal features of misinformation around COVID-19 in China, India, the US, Germany and France, *Online Information Review*, vol. 45, №4, p. 709—728. doi: <https://doi-org.proxy.library.hse.ru/10.1108/OIR-09-2020-0417>.
36. Schaefer, C., Bitzer, E. 2021, Dealing with Misinformation in Media, *Kompetenznetz Public Health COVID-19*, <https://www.public-health-covid19.de/images/2020/Ergebnisse/200526-Fake-News-V2-engl.pdf> (дата обращения: 15.05.2022).
37. Hanson, C., Luedtke, S., Spicer, N. et al. 2020, National health governance, science and the media: drivers of COVID-19 responses in Germany, Sweden and the UK in 2020, *BMJ Global Health*, №6 (12), art. e006691. doi: <https://doi.org/10.1136/bmjgh-2021-006691>.
38. Mellado, C., Hallin, D., Cárcamo, L. et al. 2021, Sourcing Pandemic News: A Cross-National Computational Analysis of Mainstream Media Coverage of COVID-19 on Facebook, Twitter, and Instagram, *Digital Journalism*, vol. 9, №9, p. 1261—1285. doi: <https://doi.org/10.1080/1670811.2021.1942114>.
39. Schöning, H. 2020, Heiko Schöning Ärzte für Aufklärung Demo 29.08.2020, Berlin, *Vimeo*, URL: <https://vimeo.com/455194633> (дата обращения: 27.06.2022).
40. Wegwarth, O., Wagner, G. G., Spies, C., Hertwig, R. 2020, Assessment of German Public Attitudes Toward Health Communications With Varying Degrees of Scientific Uncertainty Regarding COVID-19, *JAMA Netw Open*, №3 (12), art. e2032335. doi: <https://doi.org/10.1001/jamanetworkopen.2020.32335>.
41. Peschke, L. 2020, The Prevention Paradox of the COVID-19 Crisis in Germany. Science Communication in Times of Uncertainties, *CORONALOGY: Multidisciplinary Academic Analysis in Perspective of COVID-19*.
42. Starosta, K., Onete, C., Grosu, R., Doru, P. 2020, COVID-19 Mass Media Infodemic in Six European Countries, *Advance*, Preprint. <https://doi.org/10.31124/advance.13333697.v1>.
43. Teufel, M., Schweda, A., Dörrie, N. 2020, Not all world leaders use Twitter in response to the COVID-19 pandemic: impact of the way of Angela Merkel on psychological distress, behaviour and risk perception, *Journal of Public Health*, vol. 42, №3, September 2020, p. 644—646. doi: <https://doi.org/10.1093/pubmed/fdaa060>.
44. Meier, K., Glatz, T., Guijt, M. C. et al. 2020, Public perspectives on protective measures during the COVID-19 pandemic in the Netherlands, Germany and Italy: A survey study, *PLoS ONE*, vol. 15, №8, art. e0236917. doi: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0236917>.



45. Bittmann, F. 2021, How Trust Makes a Difference: The Impact of the First Wave of the COVID-19 Pandemic on Life Satisfaction in Germany, *Applied Research Quality Life*. doi: <https://doi.org/10.1007/s11482-021-09956-0>.

46. Hangel, N., Schönweitz, F., McLennan, S. et al. 2022, Solidaristic behavior and its limits: A qualitative study about German and Swiss residents' behaviors towards public health measures during COVID-19 lockdown in April 2020, *SSM — Qualitative Research in Health*, № 2, art. 100051. doi: <https://doi.org/10.1016/j.ssmqr.2022.100051>.

47. Schneider, S., Eger, J., Bruder, M. et al. 2021, Does the COVID-19 pandemic threaten global solidarity? Evidence from Germany, *World Development*, № 140. doi: <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2020.105356>.

48. Bertogg, A., Koos, S. 2021, Socio-economic position and local solidarity in times of crisis. The COVID-19 pandemic and the emergence of informal helping arrangements in Germany, *Research in Social Stratification and Mobility*, № 74, art. 100612. doi: <https://doi.org/10.1016/j.rssm.2021.100612>.

49. Pfortner, T. K., Dohle, S., Hower, K. I. 2022, Trends in educational disparities in preventive behaviours, risk perception, perceived effectiveness and trust in the first year of the COVID-19 pandemic in Germany, *BMC Public Health*, vol. 22, art. 903. doi: <https://doi.org/10.1186/s12889-022-13341-3>.

50. Soiné, H., Kriegel, L., Dollmann, J. 2021, The impact of the COVID-19 pandemic on risk perceptions: differences between ethnic groups in Germany, *European Societies*, vol. 23, suppl. 1, p. 289—306. doi: <https://doi.org/10.1080/14616696.2020.1825766>.

51. Dollmann, J., Kogan, I. 2021, COVID-19-associated discrimination in Germany, *Research in Social Stratification and Mobility*, № 74, art. 100631. doi: <https://doi.org/10.1016/j.rssm.2021.100631>.

52. Демидов, Д. Г. 2021, Инфодемия в «коммуникационном квадрате» наука — власть — СМИ — народ (Россия на фоне Германии), *Коммуникативные исследования*, № 1, URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/infodemiya-v-kommunikatsionnom-kvadrata-nauka-vlast-smi-narod-rossiya-na-fone-germanii> (дата обращения: 11.05.2022).

53. Архипова, А. С., Радченко, Д. А., Козлова, И. В. и др. 2020, Пути российской инфодемии: от WhatsApp до Следственного комитета, *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, № 6, с. 231—265. doi: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1778>.

54. Sukhankin, S. 2020, COVID-19 As a Tool of Information Confrontation: Russia's Approach (April 1, 2020), *The School of Public Policy Publications*, vol. 13, № 3, URL: <https://ssrn.com/abstract=3566689> (дата обращения: 15.05.2022).

55. Баринов, Д. Н. 2021, Медиавирусстрах: особенности репрезентации российскими СМИ пандемии коронавирусной инфекции (COVID-19) в период первой волны (январь-июнь 2020 года), *Социодинамика*, № 2. doi: <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2021.2.35066>.

56. Lukacovic, M. N. 2020, «Wars» on COVID-19 in Slovakia, Russia, and the United States: Securitized Framing and Reframing of Political and Media Communication Around the Pandemic, *Frontiers in Communication*, № 5. doi: <https://doi.org/10.3389/fcomm.2020.583406>.

57. Мальшева, Г. А. 2020, Социально-политические аспекты пандемии в обществе цифровой сетевизации: российский опыт, *Вестник Московского государственного областного университета*, № 3, с. 60—74. doi: <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2020-3-1025>.

## Об авторе

**Юлия Владимировна Балакина**, PhD, доцент департамента фундаментальной и прикладной лингвистики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия.

E-mail: [julianaumova@gmail.com](mailto:julianaumova@gmail.com)

<https://orcid.org/0000-0002-4942-5953>



# COVID-19 PANDEMIC IN GERMANY: INFORMATION CAMPAIGN, MEDIA, SOCIETY

**J. V. Balakina**

HSE University  
Bol'shaja Pecherskaja St., 25/12,  
Nizhny Novgorod, 603155, Russia

Received 08.06.2022  
doi: 10.5922/2079-8555-2022-3-5  
© Balakina, J. V. 2022

*The COVID-19 pandemic has been a serious challenge to the entire global community. Globally, countries were forced to introduce restrictive measures to contain the infection, inevitably causing popular discontent. Germany introduced some of the most painful restrictions. In times of crisis, timely and reliable information is a prerequisite for public motivation to comply with restrictive measures. Thus, it seems essential to retrace how the German leadership tried to contain citizens' dissatisfaction with the restrictions, using information campaigns and strategies. This theoretical work aims to systematise available data on how COVID-awareness was raised in Germany, compare them with data from the Russian Federation, and identify the most successful communication strategies and weaknesses. It is clear from the findings that the channels of communication between the government and society should be diversified using all available means, and experts and opinion leaders, who are more trusted than politicians, should be recruited. In addition, there is a need to combat misinformation and dispel unproven facts. The data obtained can be of value in conducting information campaigns during future global crises.*

## Keywords:

COVID-19, Germany, information campaigns, media, risk communication, information policy of Russian Federation

## References

1. Petzold, M. B., Bendau, A., Plag, J. et al. 2020, Risk, resilience, psychological distress, and anxiety at the beginning of the COVID-19 pandemic in Germany, *Brain and Behavior*, vol. 10, № 9. doi: <https://doi.org/10.1002/brb3.1745>.
2. Sjölander-Lindqvist, A., Larsson, S., Fava, N. et al. 2020, Communicating About COVID-19 in Four European Countries: Similarities and Differences in National Discourses in Germany, Italy, Spain, and Sweden, *Frontiers in Communication*, № 5. doi: <https://doi.org/10.3389/FCOMM.2020.593325>.
3. Koos, S. 2021, Die «Querdenker». Wer nimmt an Corona-Protesten teil und warum? : Ergebnisse einer Befragung während der «Corona-Proteste» am 4.10.2020 in Konstanz, *URN:NBN Resolver für Deutschland und Schweiz*, URL: <http://nbn-resolving.de/urn:nbn:de:bsz:352-2-bnrddx-o8opad0> (accessed 07.05.2022).
4. Nachtwey, O., Schäfer, R., Frei, N. 2020, Politische Soziologie der Corona-proteste, *the institutional repository of the University of Basel*, URL: [https://edoc.unibas.ch/80835/1/20210118133822\\_6005813e51e0a.pdf](https://edoc.unibas.ch/80835/1/20210118133822_6005813e51e0a.pdf) (accessed 11.05.2022).
5. El-Far Cardo, A., Kraus, T., Kaifie, A. 2021, Factors That Shape People's Attitudes towards the COVID-19 Pandemic in Germany — The Influence of MEDIA, Politics and Personal Characteristics, *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 18 (15), art. 7772. doi: <https://doi.org/10.3390/ijerph18157772>.
6. Glöckner, A. et al. 2020, The Perception of Infection Risks during the Early and Later Outbreak of COVID-19 in Germany: Consequences and Recommendations, *PsyArXiv*. doi: <https://doi.org/10.31234/osf.io/wdbgc>.

7. Majid, U. et al. 2020, Knowledge, (mis-)conceptions, risk perception, and behavior change during pandemics: A scoping review of 149 studies, *Public Underst. Sci*, №29, p. 777—799.
8. Dryhurst, S. et al. 2020, Risk perceptions of COVID-19 around the world, *J. Risk Res*, №23, p. 994—1006.
9. Eitze, S. et al. 2021, Public trust in institutions in the first half of the Corona pandemic: Findings from the COVID-19 Snapshot Monitoring (COSMO) project, *Bundesgesundheitsblatt, Gesundheitsforschung, Gesundheitsschutz*, vol. 64, №3, p. 268—276. doi: <https://doi.org/10.1007/s00103-021-03279-z>.
10. Wiedemann, P., Dorl, W. 2020, Be alarmed. Some reflections about the COVID-19 risk communication in Germany, *Journal of Risk Research*, vol. 23, №7-8, p. 1036—1046. doi: <https://doi.org/10.1080/13669877.2020.1825984>.
11. Radina, N.K. 2013, Power in the information field of natural and anthropogenic catastrophes (on the basis of documentaries), *Polis. Political Studies*, №1, p. 112—124 (in Russ.).
12. Paek, H. J. et al. 2008, Public support for government actions during a flu pandemic: lessons learned from a statewide survey, *Health promotion practice*, vol. 9, 4 Suppl., p. 60—72. doi: <https://doi.org/10.1177/1524839908322114>.
13. Davis, M. D. M. et al. 2015, Beyond resistance: social factors in the general public response to pandemic influenza, *BMC Public Health* 15, <https://doi.org/10.1186/s12889-015-1756-8>.
14. Raunack-Mayer, A. et al. 2013, Understanding the school community's response to school closures during the H1N1 2009 influenza pandemic, *BMC Public Health*, №13, art. 344.
15. Dohle, S., Wingen, T., Schreiber, M. 2020, Acceptance and Adoption of Protective Measures During the COVID-19 Pandemic: The Role of Trust in Politics and Trust in Science. *PsychArchives*. doi: <https://doi.org/10.31219/osf.io/w52nv>.
16. Vardavas, C., Odanis, S., Nikitara, K. et al. 2021, Public perspective on the governmental response, communication and trust in the governmental decisions in mitigating COVID-19 early in the pandemic across the G7 countries, *Preventive Medicine Reports*, №21. doi: <https://doi.org/10.1016/j.pmedr.2020.101252>.
17. Zimmermann, B. M., Fiske, A., McLennan, S. et al. 2021, Motivations and Limits for COVID-19 Policy Compliance in Germany and Switzerland, *International Journal of Health Policy and Management*. doi: <https://doi.org/10.34172/IJHPM.2021.30>.
18. Hellmann, D. M., Dorrough, A., Glöckner, A. 2021, Prosocial behavior during the COVID-19 pandemic in Germany. The role of responsibility and vulnerability, *Heliyon*, vol. 7, №9, art. e08041. doi: <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2021.e08041>.
19. Naumann, E., Möhring, K., Reifenscheid, M. et al. 2020, COVID-19 policies in Germany and their social, political, and psychological consequences, *Eur Policy Anal.*, №6, p. 191—202. doi: <https://doi.org/10.1002/epa2.1091>.
20. Büthe, T., Messerschmidt, L., Cheng, C. 2020, Policy Responses to the Coronavirus in Germany. In: Gardini, G. L. (ed.), *The World Before and After COVID-19: Intellectual Reflections on Politics, Diplomacy and International Relations*, Stockholm — Salamanca, European Institute of International Studies/Instituto Europeo de Estudios Internacionales, p. 97—102, URL: <https://www.ieeiweb.eu/publications> (accessed 07.05.2022).
21. Vorverteilungen und Massnahmen in Deutschland, version 1.0 (stand 04.03.2020), 2020, Ergänzung zum Nationalen Pandemieplan — COVID-19 — neuartige Coronaviruserkrankung, *Robert Koch Institute*, URL: [https://www.rki.de/DE/Content/InfAZ/N/Neuartiges\\_Coronavirus/Ergaenzung\\_Pandemieplan\\_Covid.pdf?\\_\\_blob=publicationFile](https://www.rki.de/DE/Content/InfAZ/N/Neuartiges_Coronavirus/Ergaenzung_Pandemieplan_Covid.pdf?__blob=publicationFile) (accessed 11.05.2022).
22. Volk, S. 2021, Political Performances of Control During COVID-19: Controlling and Contesting Democracy in Germany, *Frontiers in Political Science*, №3. doi: <https://doi.org/10.3389/fpos.2021.654069>.
23. Schieferdecker, D. 2021, Beliefs, Attitudes, and Communicative Practices of Opponents and Supporters of COVID-19 Containment Policies: A Qualitative Case Study from Germany, *Javnost — The Public*, vol. 28, №3, p. 306—322. doi: <https://doi.org/10.1080/13183222.2021.1969620>.
24. Hodges, R., Caperchione, E., Van Helden, J. et al. 2022, The Role of Scientific Expertise in COVID-19 Policy-making: Evidence from Four European Countries, *Public Organization Review*, <https://doi.org/10.1007/s11115-022-00614-z>.
25. Colman, E., Wanat, M., Goossens, H. et al. 2021, Following the science? Views from scientists on government advisory boards during the COVID-19 pandemic: a qualitative interview study in five European countries, *BMJ Global Health*, №6, art. e006928. doi: <https://doi.org/10.1136/bmjgh-2021-006928>.

26. Marten, R., El-Jardali, F., Hafeez, A. et al. 2021, Co-producing the COVID-19 response in Germany, Hong Kong, Lebanon, and Pakistan, *BMJ*, № 372, art. n243. doi: <https://doi.org/10.1136/bmj.n243>.
27. Schumann, F., Simmank, J. 2020, Wir haben es selbst in der Hand, *Zeit Online*, 8 October, URL: [www.zeit.de/wissen/2020-10/christian-drosten-corona-massnahmenneueinfektionen-herbst-winter-covid-19](http://www.zeit.de/wissen/2020-10/christian-drosten-corona-massnahmenneueinfektionen-herbst-winter-covid-19) (accessed 15.05.2022).
28. Drescher, L. S., Roosen, J., Aue, K. et al. 2021, The Spread of COVID-19 Crisis Communication by German Public Authorities and Experts on Twitter: Quantitative Content Analysis, *JMIR Public Health Surveill*, № 7 (12), art. e31834. doi: <https://doi.org/10.2196/31834>.
29. Breher, N. 2020, When the Ministry of Health sends a push message, *Tagesspiegel*. <https://www.tagesspiegel.de/politik/social-media-kommunikation-in-der-coronakrise-wenn-das-gesundheitsministerium-eine-push-nachricht-schickt/25779934.html> (accessed 08.05.2022) (in Germ.).
30. Heiss, R., Waser, M., Falkenbach, M., Eberl, J.-M. 2021, How have governments and public health agencies responded to misinformation during the COVID-19 pandemic in Europe? *European Observatory on Health Systems and Policies*, URL: <https://eurohealthobservatory.who.int/monitors/hsmr/analyses/hsmr/how-have-governments-and-public-health-agencies-responded-to-misinformation-during-the-covid-19-pandemic-in-europe> (accessed 07.05.2022).
31. Mikos, L. 2020, Film and Television Production and Consumption in Times of the COVID-19 Pandemic — The Case of Germany, *Baltic Screen Media Review*, № 8 (1), p. 30—34. doi: <https://doi.org/10.2478/BSMR-2020-0004>.
32. Lemenager, T., Neissner, M., Koopmann, A. et al. 2020, COVID-19 Lockdown Restrictions and Online Media Consumption in Germany, *International Journal of Environmental Research and Public Health*, vol. 18 (1), № 14. doi: <https://doi.org/10.3390/ijerph18010014>.
33. Link, E. 2021, Information avoidance during health crises: Predictors of avoiding information about the COVID-19 pandemic among German news consumers, *Information Processing & Management*, vol. 58, № 6, 102714. doi: <https://doi.org/10.1016/j.ipm.2021.102714>.
34. Okan, O., de Sombre, S., Hurrelmann, K., Berens, E. M., Schaeffer, D. 2020, *Gesundheitskompetenz der Bevölkerung im Umgang mit der Coronavirus-Pandemie*, Bielefeld & Berlin, April 2020, URL: <https://t1p.de/4p54> (accessed 11.05.2022).
35. Zeng, J., Chan, C.-H. 2021, A cross-national diagnosis of infodemics: comparing the topical and temporal features of misinformation around COVID-19 in China, India, the US, Germany and France, *Online Information Review*, vol. 45 № 4, p. 709—728. doi: <https://doi-org.proxy.library.hse.ru/10.1108/OIR-09-2020-0417>.
36. Schaefer, C., Bitzer, E. 2021, Dealing with Misinformation in Media, *Kompetenznetz Public Health COVID-19*, <https://www.public-health-covid19.de/images/2020/Ergebnisse/200526-Fake-News-V2-engl.pdf> (accessed 15.05.2022).
37. Hanson, C., Luedtke, S., Spicer, N. et al. 2020, National health governance, science and the media: drivers of COVID-19 responses in Germany, Sweden and the UK in 2020, *BMJ Global Health*, № 6 (12), art. e006691. doi: <https://doi.org/10.1136/bmjgh-2021-006691>.
38. Mellado, C., Hallin, D., Cárcamo, L. et al. 2021, Sourcing Pandemic News: A Cross-National Computational Analysis of Mainstream Media Coverage of COVID-19 on Facebook, Twitter, and Instagram, *Digital Journalism*, vol. 9, № 9, p. 1261—1285. doi: <https://doi.org/10.1080/21670811.2021.1942114>.
39. Schöning, H. 2020, Heiko Schöning Ärzte für Aufklärung Demo 29.08.2020, Berlin, *Vimeo*, URL: <https://vimeo.com/455194633> (accessed 27.06.2022).
40. Wegwarth, O., Wagner, G. G., Spies, C., Hertwig, R. 2020, Assessment of German Public Attitudes Toward Health Communications With Varying Degrees of Scientific Uncertainty Regarding COVID-19, *JAMA Netw Open*, № 3 (12), art. e2032335. doi: <https://doi.org/10.1001/jamanetworkopen.2020.32335>.
41. Peschke, L. 2020, The Prevention Paradox of the COVID-19 Crisis in Germany. Science Communication in Times of Uncertainties, *CORONALOGY: Multidisciplinary Academic Analysis in Perspective of COVID-19*.
42. Starosta, K., Onete, C., Grosu, R., Doru, P. 2020, COVID-19 Mass Media Infodemic in Six European Countries, *Advance*, Preprint. <https://doi.org/10.31124/advance.13333697.v1>.
43. Teufel, M., Schweda, A., Dörrie, N. 2020, Not all world leaders use Twitter in response to the COVID-19 pandemic: impact of the way of Angela Merkel on psychological distress, behaviour and risk perception, *Journal of Public Health*, vol. 42, № 3, September 2020, p. 644—646. doi: <https://doi.org/10.1093/pubmed/fdaa060>.

44. Meier, K., Glatz, T., Guijt, M. C. et al. 2020, Public perspectives on protective measures during the COVID-19 pandemic in the Netherlands, Germany and Italy: A survey study, *PLoS ONE*, vol. 15, №8, art. e0236917. doi: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0236917>.

45. Bittmann, F. 2021, How Trust Makes a Difference: The Impact of the First Wave of the COVID-19 Pandemic on Life Satisfaction in Germany, *Applied Research Quality Life*. doi: <https://doi.org/10.1007/s11482-021-09956-0>.

46. Hangel, N., Schönweitz, F., McLennan, S. et al. 2022, Solidaristic behavior and its limits: A qualitative study about German and Swiss residents' behaviors towards public health measures during COVID-19 lockdown in April 2020, *SSM — Qualitative Research in Health*, №2, art. 100051. doi: <https://doi.org/10.1016/j.ssmqr.2022.100051>.

47. Schneider, S., Eger, J., Bruder, M. et al. 2021, Does the COVID-19 pandemic threaten global solidarity? Evidence from Germany, *World Development*, №140. doi: <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2020.105356>.

48. Bertogg, A., Koos, S. 2021, Socio-economic position and local solidarity in times of crisis. The COVID-19 pandemic and the emergence of informal helping arrangements in Germany, *Research in Social Stratification and Mobility*, №74, art. 100612. doi: <https://doi.org/10.1016/j.rssm.2021.100612>.

49. Pfortner, T. K., Dohle, S., Hower, K. I. 2022, Trends in educational disparities in preventive behaviours, risk perception, perceived effectiveness and trust in the first year of the COVID-19 pandemic in Germany, *BMC Public Health*, vol. 22, art. 903. doi: <https://doi.org/10.1186/s12889-022-13341-3>.

50. Soiné, H., Kriegel, L., Dollmann, J. 2021, The impact of the COVID-19 pandemic on risk perceptions: differences between ethnic groups in Germany, *European Societies*, vol. 23, suppl. 1, p. 289—306. doi: <https://doi.org/10.1080/14616696.2020.1825766>.

51. Dollmann, J., Kogan, I. 2021, COVID-19-associated discrimination in Germany, *Research in Social Stratification and Mobility*, №74, art. 100631. doi: <https://doi.org/10.1016/j.rssm.2021.100631>.

52. Demidov, D. G. 2021, Infodemic in the «communication square» science — power — media — people (Russia against the background of Germany), *Kommunikativnye issledovaniya*, №1, URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/infodemiya-v-kommunikatsionnom-kvadrante-nauka-vlast-smi-narod-rossiya-na-fone-germanii> (accessed 11.05.2022) (in Russ.).

53. Arkhipova, A. S., Radchenko, D. A., Kozlova, I. V. et al. 2020, Specifics of Infodemic in Russia: From WhatsApp to the Investigative Committee, *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal (Public Opinion Monitoring)*, №6, p. 231—265. doi: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1778> (in Russ.).

54. Sukhankin, S. 2020, COVID-19 As a Tool of Information Confrontation: Russia's Approach (April 1, 2020), *The School of Public Policy Publications*, vol. 13, №3, URL: <https://ssrn.com/abstract=3566689> (accessed 15.05.2022) (in Russ.).

55. Barinov, D. N. Media virus of fear: the peculiarities of representation of COVID-19 pandemic by the Russian media during the first wave (January — June 2020), *Sociodynamics*, №2, p. 73—86. doi: <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2021.2.35066> (in Russ.).

56. Lukacovic, M. N. 2020, “Wars” on COVID-19 in Slovakia, Russia, and the United States: Securitized Framing and Reframing of Political and Media Communication Around the Pandemic, *Frontiers in Communication*, №5. doi: <https://doi.org/10.3389/fcomm.2020.583406>.

57. Malysheva, G. A. 2020, Socio-political aspects of the pandemic in the digital network society: the Russian experience, *Bulletin of Moscow Region State University*, №3, p. 60—74. doi: <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2020-3-1025> (in Russ.).

## The author

**Dr. Julia V. Balakina**, Higher School of Economics University, Russia.

E-mail: [julianaumova@gmail.com](mailto:julianaumova@gmail.com)

<https://orcid.org/0000-0002-4942-5953>



# ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ: ФАКТОРЫ ПРИТЯЖЕНИЯ И ПРИЧИНЫ РАЗОЧАРОВАНИЯ МИГРАНТОВ ИЗ РЕГИОНОВ РОССИИ

**К. Ю. Волошенко**  
**А. В. Лялина**

Балтийский федеральный университет им. И. Канта,  
236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

Поступила в редакцию 15.04.2022 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2022-3-6

© Волошенко К. Ю., Лялина А. В., 2022

*Миграционная привлекательность Калининградской области обуславливает позитивную динамику внешней (международной) и внутренней миграции. Ведущая роль принадлежит внутрirosсийской межрегиональной миграции, на долю которой приходится около 60% миграционного прироста населения региона. Однако возрастная структура российских мигрантов, их профессиональный состав и уровень квалификации не в полной мере соответствуют запросам рынка труда и стратегическим направлениям социально-экономического развития региона. Сложившаяся ситуация актуализирует вопросы миграционной политики, адресованной потенциальным мигрантам — жителям других регионов России. Однако представления о причинах, мотивирующих людей переехать в Калининградскую область, о факторах, подталкивающих к такому решению или препятствующих его принятию, до настоящего времени имели общий характер и, как правило, сводились к таким общеизвестным обстоятельствам, как приморское положение региона и соседство со странами ЕС. Цель настоящей статьи — дать детальный анализ причин миграции в регион, оценить значение ограничений и сложностей, возникающих при переезде, и степень удовлетворенности сменой постоянного места жительства. В качестве методической основы исследования была выбрана смешанная стратегия изучения мигрантов Калининградской области, в частности применены формализованные методы сбора данных в сочетании с методикой отбора респондентов, свойственной качественным или экспертным методам. Авторы опираются на результаты поискового социологического исследования, которое было проведено в декабре 2021 года и было направлено на изучение трансформации восприятия российскими мигрантами Калининградской области до и после переезда в регион. В ходе работы использовались смешанные методы исследования; поиск респондентов проводился через социальные сети и тематические группы, объединяющие лиц, переехавших в регион. Анализ полученных данных показал расхождение ожиданий мигрантов и реальности, с которой они столкнулись, а также позволил выявить причины неполного соответствия структуры миграционного потока в область потребностям рынка труда и задачам развития региона. В заключение авторы, опираясь на результаты исследования, дают некоторые рекомендации по разработке мер миграционной политики, основанной на активном формировании актуальных представлений о регионе и направленной на привлечение востребованных трудовых ресурсов, а также адаптацию и поддержку людей на новом месте жительства.*

**Для цитирования:** Волошенко К. Ю., Лялина А. В. Привлекательность Калининградской области: факторы притяжения и причины разочарования мигрантов из регионов России // Балтийский регион. 2022. Т. 14, № 3. С. 102–128. doi: 10.5922/2079-8555-2022-3-6.

**Ключевые слова:**

Калининградская область, миграционная привлекательность, межрегиональная миграция, факторы притяжения мигрантов, демографическая структура, восприятие, разочарования

**Введение**

Калининградская область относится к регионам России с высоким миграционным приростом населения, его среднегодовой уровень составляет более 10‰ (третье место в России в 2020 году и пятое — в 2019-м<sup>1</sup>). Несмотря на то что с 2019 года миграционный приток населения в область позволяет полностью компенсировать его естественную убыль [1], возрастная структура, профессиональный состав и уровень квалификации мигрантов не в полной мере соответствуют запросам рынка труда региона, в том числе из-за высокой доли лиц нетрудоспособного возраста. Эта ситуация заставляет задуматься о целенаправленной политике, которая, не будучи дискриминационной в отношении лиц, стремящихся переехать в регион, была бы направлена на создание более сбалансированной возрастной и профессиональной структуры миграционного потока за счет использования инструментов трудового и образовательного законодательства, а также формирования специальных социально-экономических условий для мигрантов из числа представителей наиболее востребованных профессий (врачей, педагогов, специалистов сферы информационных технологий и др.). Авторы, вслед за многими российскими экспертами, придерживаются точки зрения, что проблемы внутрироссийской межрегиональной мобильности населения лежат в сфере региональной политики и политики пространственного развития, а их «решение зависит от инвестиций в создание рабочих мест и от развития жилищной и транспортной инфраструктуры» [2, с. 29]. Однако разработка такой политики невозможна без понимания установок самих мигрантов, изучения факторов миграционной привлекательности и выявления основных причин выбора региона для переезда.

Современные представления о миграционной привлекательности территорий сложились в результате многочисленных исследований факторов миграции населения, которые активно проводились российскими [3—7] и зарубежными [8—16] учеными, начиная со второй половины XX века.

Среди факторов притяжения, характеризующих территории вселения мигрантов, как правило, выделяют социально-экономические, природно-климатические, политические, конфессиональные, культурные, институциональные, включая наличие миграционных сообществ и диаспор, структурные особенности организации пространства (наличие крупнейших городов, транспортных сетей и пр.), и индивидуальные. При этом, как справедливо отмечает Л. Л. Рыбаковский [3], набор факторов определяется сущностью миграции, то есть ее типом. Факторы миграции формируются из объективных условий, окружающих человека, но, что более важно, сами по себе факторы влияют на миграцию не напрямую, а опосредованно, через сознание, психику мигранта, который формулирует на основе анализа факторов миграции свои причины к переезду. Поэтому наиболее ценной представляется оценка причин миграции в определенный регион, осуществляемая посредством социологических методов исследования.

Многие из этих факторов обусловлены особенностями экономико-географического положения регионов [17]. Понятие «миграционная привлекательность»

<sup>1</sup> Коэффициент миграционного прироста на 10 000 человек населения, 2022, *Витрина статистических данных*, URL: <https://showdata.gks.ru/report/279008> (дата обращения: 05.04.2022).

широко используется в зарубежной практике пространственного планирования (place-based planning) [18; 19], особенно в отношении удаленных [20—23], руральных, прибрежных или островных территорий [24]. Для регионов, имеющих приграничное положение, близость к сопредельному государству может послужить фактором как притяжения, так и оттока населения. История знает множество таких примеров. Благоприятное соседство стимулирует трансграничные контакты, торговлю, трудовую (временную, маятниковую, миграцию фронтальеров) [25—28] и образовательную миграцию [29], что ведет к стягиванию населения в приграничные населенные пункты [30]. Неоднозначным является и влияние приморского положения [31]: факторы, связанные с экологическими рисками, повышением уровня моря и подтоплением прибрежных территорий [32; 33], заставляют людей покидать прибрежные территории, а связанные с морехозяйственной активностью [34—38], бальнеологической деятельностью и туризмом [39—44], интернационализацией морского образования [45—47], комфортностью жизненной среды и уровнем благоустройства притягивают. Масштабирование миграционных потоков в теплые прибрежные регионы мира сегодня привело к расцвету современной концепции «миграции как образа жизни», под которой М. Бэнсон и К. О’Рейли [43] понимают форму пространственной мобильности состоятельных людей всех возрастов, переезжающих в места, которые по разным причинам означают для них лучшее качество жизни или возможность самореализации. При этом отмечается, что такая миграция может носить как сезонный, так и постоянный характер.

Как показывают последние исследования межрегиональной миграции в России [48—50], основными выталкивающими факторами, вынуждающими людей менять место жительства, являются избыточная по отношению к объему рынка труда численность населения, его половозрастная структура, бедность, низкие доходы и жилищные проблемы. Среди факторов миграционного притяжения доминируют показатели качества жизни: развитая и разнообразная инфраструктура — от транспорта до развлечений, благоприятная экология, возможности найти высокооплачиваемую работу, гарантированный уровень социального сервиса и медицины. Хотя перечисленные факторы в целом соответствуют «пирамиде Маслоу» [50, с. 127], на их структуру заметно влияют возрастные различия. Так, благоприятные климатические условия являются более существенными для лиц старше 50 лет, молодежь в возрасте 17—19 лет на первый план выдвигает образовательные цели и после завершения обучения нередко возвращается в «домашний» регион, а молодые люди в возрасте 25—39 лет руководствуются трудовыми мотивами и фактором доступности жилья [48].

Несмотря на большой массив накопленной информации, по-прежнему мало изученными остаются вопросы, связанные с причинами и ожиданиями мигрантов при переезде, которые впоследствии определяют настроения людей, их субъективное благополучие и удовлетворенность жизнью. Феномен трансформации представлений людей при столкновении ожиданий с реальностью исследовался преимущественно в контексте иммиграции и учитывался в теориях адаптации и интеграции мигрантов. Однако эти вопросы не менее актуальны и для внутренних мигрантов. Конечно, переживаемый ими стресс является менее острым, но и им приходится расставаться со многими привычками, менять не только место жительства, но и образ жизни, круг знакомых и друзей. Столкновение с реальностью и неоправдавшиеся ожидания способны привести к депрессии, протестным порывам, агрессивному и девиантному поведению [51; 52], но не только. Человеку свойственно перекладывать ответственность за неудачные попытки изменить собственную жизнь на внешние обстоятельства, что превращает факторы, некогда притягивавшие мигрантов, в факторы выталкивания. Регион становится «перевалочным пунктом», теряет

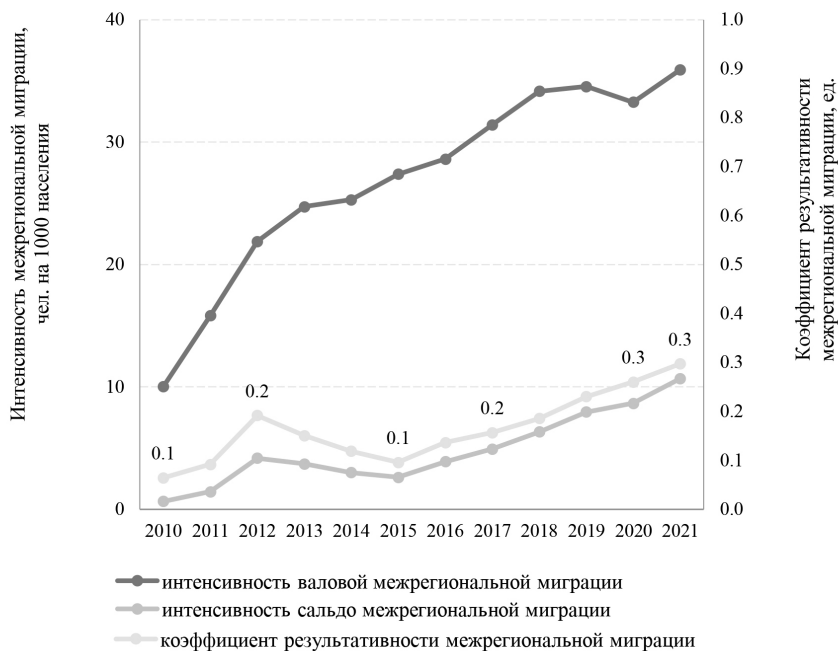


свою репутацию и столь необходимые профессиональные кадры. Именно поэтому стоит задуматься о социальных лифтах и практиках, облегчающих включение вчерашних мигрантов в новое сообщество. Эта тема чрезвычайно актуальна в случае как международной, так и межрегиональной миграции.

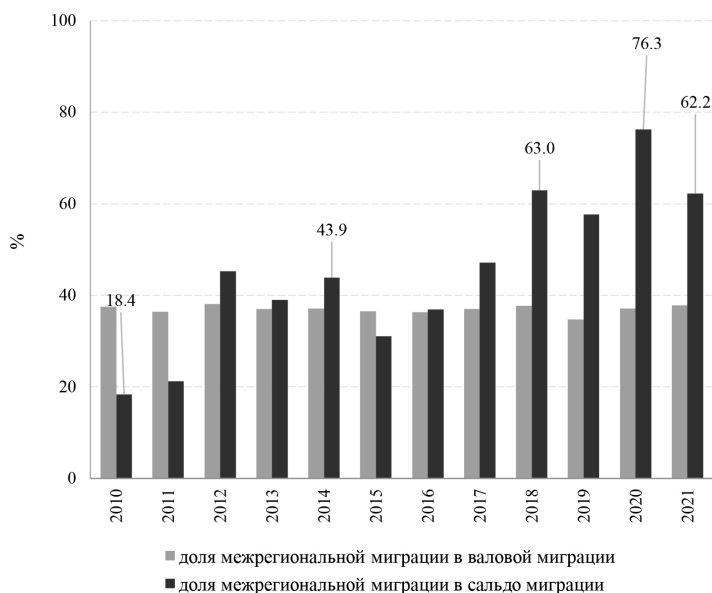
Специальных исследований, посвященных изучению миграционной привлекательности Калининградской области для жителей других регионов России, ранее не проводилось. Как правило, авторы ограничивались констатацией таких особенностей региона, как экономико-географическое, приграничное и приморское положение [53; 54]. Однако резкое изменение геополитической обстановки после вхождения Крыма в состав России и актуализация дискурса безопасности, введение антироссийских санкций, повлиявших на повседневную жизнь людей и экономику региона, а также ограничения на свободу перемещений в период пандемии COVID-19, которые «заперли» жителей региона в его границах, заставили задуматься о более детальном подходе к анализу причин переезда в Калининградскую область, тем более что тренд миграционного пополнения населения региона за счет внутрироссийской миграции, несмотря на все проблемы, сохранялся на высоком уровне и в 2019—2021 годах. Поэтому в настоящей работе была поставлена цель — оценить, в какой мере восприятие Калининградской области как привлекательной территории вселения соответствует ее образу как региона с выгодным географическим положением, мягким климатом и наличием морского побережья, и ответить на следующие вопросы: Какие причины обусловили выбор Калининградской области? Насколько оно было спонтанным? Какие трудности возникали при переезде в регион? Оправдались ли ожидания мигрантов и каково их актуальное восприятие региона?

### **Миграционная ситуация в регионе**

За последние десять лет значительно усилилось влияние внутрироссийской межрегиональной миграции на демографическую ситуацию в Калининградской области. Этот тренд наметился еще в начале 2010-х годов и активно развивался все последующее десятилетие. В 2021 году доля межрегиональной миграции в суммарном сальдо миграции выросла втрое, достигнув 62,2%, хотя в валовых показателях миграции она изменилась незначительно: 36,5% в 2011 году и 38% в 2021-м (рис. 1). Если в 2010—2011 годах в регионе оставалось менее 6% от всех прибывших и выбывших россиян, то в 2020—2021 годах — уже более четверти. Конечно, такие структурные сдвиги объясняются не только возросшей миграционной привлекательностью области, но и внешними обстоятельствами, затруднившими миграционный обмен населения со странами СНГ: изменениями в миграционном законодательстве, введением карантинных ограничений на пересечение государственных границ. Однако это не отменяет того факта, что показатели интенсивности валовой и чистой миграции из регионов РФ в Калининградскую область демонстрируют опережающий рост по сравнению с показателями международной миграции. Выросло и число российских регионов — миграционных доноров: сегодня Калининградская область имеет положительное сальдо миграции практически со всеми субъектами РФ, за исключением двух столичных регионов и г. Севастополя. Наиболее интенсивный переток населения наблюдается из Сибирского (Кемеровская, Омская и Новосибирская области, Красноярский и Алтайский края) и Дальневосточного федеральных округов (Камчатский и Хабаровский края). В 2011—2020 годах они обеспечили почти две трети суммарного миграционного прироста жителей области. Донорами выступают и северные регионы Европейской части России — Архангельская и Мурманская области, Республика Коми.



а



б

Рис. 1. Интенсивность валовой и сальдо межрегиональной миграции в Калининградской области, в среднем за 2011—2020 годы: а — интенсивность межрегиональной миграции; б — доля межрегиональной миграции в структуре миграции региона

Источник: Число прибывших, 2022, ЕМИСС, URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/43514> (дата обращения: 12.11.2021); Число выбывших, 2022, ЕМИСС, URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/43513> (дата обращения: 12.11.2021).

Как показали А. Роджерс и Л. Кастро, миграционные процессы, так же как рождаемость и смертность, подчиняются возрастным закономерностям [55]. Возрастной профиль российских мигрантов в Калининградскую область подтверждает это правило: 52 % мигрантов, прибывших из других субъектов РФ в 2011—2020 годах, относилось к категории молодежи в возрасте 15—39 лет (рис. 2). Как следствие, медианный возраст межрегиональных мигрантов в Калининградской области (30—31 год в 2020 году) ниже, чем международных (34 года). Аналогичная картина наблюдается и в случае мигрантов, выбывающих из Калининградской области в другие регионы РФ: на долю лиц в возрасте 15—39 лет приходится 57 % оттока населения. Эти данные соответствуют общероссийской ситуации [49; 56]. Среди основных причин миграции лиц в молодом возрасте фигурируют поступление в калининградские вузы и прочие учебные заведения, а также трудовая деятельность.

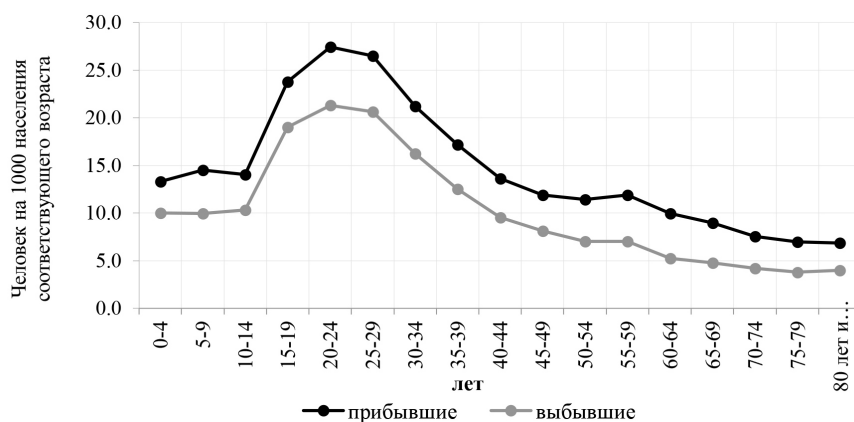


Рис. 2. Возрастной профиль межрегиональной миграции населения Калининградской области, в среднем за 2011—2020 годы

*Источник:* Число выбывших по полу, возрасту и потокам передвижения, 2022, *ЕМИСС*, URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58614> (дата обращения: 17.11.2021); Число прибывших по полу, возрасту и потокам передвижения, 2022, *ЕМИСС*, URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58613> (дата обращения: 17.11.2021); *Численность и миграция населения в Калининградской области: статистический сборник, 2011—2018*, Калининград, Калининградстат.

Второй, менее заметный подъем миграционной активности приходится на пенсионные и предпенсионные возраста (55—59 лет). Наиболее вероятными причинами миграции представителей этих возрастных категорий являются переезд по семейным обстоятельствам (смена места жительства вместе с детьми или воссоединение с родственниками, ранее прибывшими в регион) либо желание сменить регион с суровым климатом на регион с более комфортными природными условиями после завершения трудовой деятельности.

## Методы и материалы

Изучение трансформации восприятия российскими мигрантами Калининградской области до и после их переезда в регион, сравнение их ожиданий и разочарований представляет определенные трудности. Во-первых, известной проблемой является расхождение регистрационных данных ГУВМ МВД России о межрегиональных мигрантах со сведениями, публикуемыми Росстатом [57; 58]. Кроме того, в отношении граждан России не применяются требования обязательной регистрации по месту пребывания в пределах РФ, если этот срок составляет менее 90 дней

или же если они посещают место своей постоянной регистрации хотя бы один раз в три месяца<sup>2</sup>. Поэтому значительную долю межрегиональных мигрантов могут составлять граждане РФ, которые после кратковременного пребывания в регионе покидали его либо, напротив, оставались на более длительное время, не оформляя регистрации, или же она им не требовалась в связи с периодическими поездками домой. Подобные «сценарии» нередки, и на них справедливо указывает Н. В. Мкртчян [58]. Другими словами, из общего числа внутрироссийских мигрантов сложно выделить интересующую нас категорию лиц, выбирающих Калининградскую область в качестве потенциального места проживания.

Во-вторых, российские межрегиональные мигранты, в отличие от мигрантов международных, не формируют «свои» закрытые группы за исключением выходцев из республик РФ, опирающихся на этнокультурные и религиозные объединения. Хотя круг общения российских мигрантов также зачастую ограничивается родственными и земляческими связями, им не свойственно компактное расселение и нишевая трудовая деятельность, они достаточно равномерно распределяются по территории области и сферам занятости. Тем не менее люди довольно неохотно идут на контакт. Так, обращение авторов статьи к неформальным группам с просьбой принять участие в исследовании натолкнулось на недоверие людей, низкую заинтересованность в общении и оказалось безуспешным.

Названные причины обусловили методические особенности проведения исследования. В качестве методической основы была выбрана смешанная стратегия изучения мигрантов Калининградской области, включающая применение формализованных методов сбора данных в сочетании с методикой отбора респондентов. Выбор был сделан в пользу интернет-опроса с использованием методики отбора респондентов, свойственной качественным или экспертным методам. Задача репрезентативности выборки не ставилась. Результаты исследования могут распространяться только на выборочную совокупность и использоваться как справочные. В качестве интересующей нас целевой группы были выбраны мигранты, переехавшие в Калининградскую область на постоянное место жительства из других регионов России преимущественно после 2000 года. Выборка формировалась с применением метода «снежного кома» [59]. Контролировались следующие социально-демографические признаки: 1) соответствие возрастной структуры респондентов наиболее массовой возрастной группе мигрантов; 2) разнообразие сфер занятости — торговля, сфера обслуживания, образование, медицина, ИКТ, малый бизнес и др.; 3) полнота географического охвата регионов-доноров. Рекрутирование проводилось через распространение информации о проведении опроса в региональных тематических сообществах в социальной сети «ВКонтакте», переход от респондента к респонденту производился по линиям связей и отношений в кругах общения.

Анкета опроса разрабатывалась с учетом теоретических представлений о факторах миграционной привлекательности и включала в себя 38 вопросов, объединенных в пять тематических блоков. Использовались разные виды вопросов: шкальные, альтернативные и неальтернативные или «вопросы-меню». Первый блок вопросов анкеты был ориентирован на получение общих сведений о годе переезда и населенном пункте прибытия, степени продуманности / спонтанности принятого решения и первоначальных планах о переезде, составе семьи. Если респонденты ранее посещали регион, то выяснялись цели и частота таких поездок, наличие родственников и знакомых в Калининградской области, личных «исторических» корней и неформальных связей с регионом. Второй блок вопросов был посвящен факторам притяжения в регион и оценке их значимости в диапазоне от

<sup>2</sup> О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации, 1003, Закон РФ от 25.06.1993 № 5242-1 (ред. от 01.07.2021), доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

1 (не оказал влияния) до 5 (оказал сильное влияние). Факторы подразделялись на следующие группы: 1) индивидуальные экономические; 2) индивидуальные социальные; 3) факторы экономико-географического положения и истории Калининградской области; 4) административные; 5) общие факторы социально-экономического положения региона (табл. 1). Третий блок вопросов касался сравнения Калининградской области с другими регионами России или странами при принятии решения о переезде, четвертый — ограничений и сложностей, возникших при переезде, он был посвящен сбору данных о восприятии Калининградской области и разочарованиях, постигших респондентов после переезда. Пятый блок предназначался лицам, покинувшим регион, и касался выталкивающих факторов, оценки их значимости, потребности в сохранении связи с регионом и возможных планов по возвращению.

Таблица 1

### Факторы притяжения мигрантов в Калининградскую область

Группа факторов	Факторы
I. Индивидуальные экономические (ИЭФ)	ИЭФ.1 — возможности карьерного роста ИЭФ.2 — более высокий размер оплаты труда ИЭФ.3 — возможности предпринимательства ИЭФ.4 — перевод по работе
II. Индивидуальные социальные (ИСФ)	ИСФ.1 — возможности обучения детей ИСФ.2 — возможности самообразования ИСФ.3 — воссоединение с родственниками ИСФ.4 — близость к друзьям ИСФ.5 — земляческие связи
III. Факторы экономико-географического положения и истории региона (ЭГП)	ЭГП.1 — наличие моря ЭГП.2 — природно-климатические условия ЭГП.3 — благоприятная экологическая обстановка ЭГП.4 — близость к Европе ЭГП.5 — историко-культурное наследие ЭГП.6 — образ красивого и зеленого города ЭГП.7 — компактность области и транспортная связанность между населенными пунктами
IV. Административные (АДФ)	АДФ.1 — активная политика местных властей АДФ.2 — федеральный вуз (БФУ им. И. Канта) АДФ.3 — льготы для бизнеса (ОЭЗ, офшор и т.д.) АДФ.4 — федеральные меры поддержки («Земский доктор», «Земский фельдшер» и др.) АДФ.5 — военно-морская инфраструктура
V. Общие факторы социально-экономического положения (СЭП)	СЭП.1 — низкий уровень безработицы СЭП.2 — высокий уровень оплаты труда СЭП.3 — доступность жилья (покупка или аренда) СЭП.4 — высокая продолжительность жизни СЭП.5 — низкий уровень заболеваемости СЭП.6 — высокая доля малого и среднего бизнеса СЭП.7 — низкий уровень преступности СЭП.8 — низкий уровень бедности СЭП.9 — высокая обеспеченность врачами СЭП.10 — транспортная инфраструктура СЭП.11 — обеспеченность дошкольными и школьными учреждениями СЭП.12 — наличие крупных, в том числе отраслевых вузов СЭП.13 — активная внешнеэкономическая деятельность СЭП.14 — высокий инновационный потенциал

Завершал анкету блок вопросов, касающихся сведений о респонденте, таких как пол, возраст, уровень образования, место проживания, финансовое благополучие семьи, социальное положение, сфера занятости, соответствие текущей работы имеющейся квалификации. Было принято допущение о возможности заполнения анкеты одним представителем домохозяйства от лица всех его членов. Анкета была сформирована с использованием Google-форм (<https://forms.google.com>), анкетирование респондентов проводилось посредством онлайн-опроса.

Первичная обработка результатов социологического исследования осуществлялась средствами программы SPSS, а вторичная — с использованием системного, логико-структурного, а также общих методов и приемов научных исследований (анализ, синтез, аналогия, сравнение и др.). На основе оценки значимости и актуальности факторов притяжения Калининградской области опрошенными мигрантами были выявлены группы причин миграции в Калининградскую область.

В исследовании приняли участие 60 человек. Подавляющее большинство респондентов соответствовало характеристикам «целевой» группы мигрантов, людей активного трудоспособного возраста (25—44 года), имеющих высшее, неполное высшее или два и более высших образования. Среди них преобладали служащие, специалисты и квалифицированные рабочие. Доля предпринимателей и самозанятых, включая фрилансеров, оказалась незначительной. Пенсионеры составили около 10 %, а условно «безработные» немногим более 5 %. Представительность группы «безработных» среди мигрантов, как правило, активных и предприимчивых людей, объясняется нежеланием указывать сферу занятости, возможно, по причине теневого или полутеневого характера доходов, и выбором из меню ответов пункта «не работаю». Более половины опрошенных оценили свое материальное положение как «среднее», 20 % — как «хорошее» и «очень хорошее» и столько же — как «плохое» и «очень плохое». Подавляющая часть респондентов (80 %) проживала в Калининграде, также указывались Гурьевский, Зеленоградский и Багратионовский городские округа. Наименьшая — в Гусевском, Краснознаменском и Черняховском городских округах. Населенные пункты восточной части Калининградской области оказались менее привлекательными. Половина опрошенных переехала в регион в последние два года (2020—2021), еще четверть — в период с 2014 по 2019 год. Доля респондентов, переехавших в область до 2000 года, оказалась незначительной.

### **Анализ и интерпретация результатов социологического исследования**

Проведенный анализ показал, что опрошенные респонденты в своем большинстве переехали в Калининградскую область в составе семьи, вместе с родителями или прочими родственниками и сразу ориентировались на постоянное длительное проживание. Зачастую отмечалась и заинтересованность в переезде в регион остальных родных, друзей и знакомых. Почти три четверти опрошенных принимали решение о переезде осознанно, они ранее, хотя бы один раз, посещали область с туристическими целями или приезжали погостить. Большинство из них не имело никакой «биографической» привязки к региону.

При выборе территории вселения две трети респондентов сравнивали Калининградскую область с другими субъектами РФ. Список альтернатив был довольно велик, в нем фигурировали столичные регионы — Санкт-Петербург, Ленинградская область, Москва и Московская область; условно «богатые» нефтяные регионы с достаточно высоким уровнем жизни населения — Республика Татарстан и Тюменская область, Юг России — Краснодарский край, Крым, Ростовская область, Ставропольский край, а также наиболее населенные и экономически развитые районы

Хабаровского и Приморского края. Международные сравнения проводились респондентами в два раза реже. Чаще всего переезду в Калининградскую область противопоставлялась возможность эмиграции в Германию, Польшу, Чехию или Литву.

### Причины миграции в Калининградскую область

Особое внимание в исследовании уделялось причинам выбора мигрантами Калининградской области. Указанные респондентами приоритетные факторы притяжения из предложенного списка (табл. 1) были сгруппированы и на этой основе выделены причины переезда в Калининградскую область (рис. 3). Эти причины увязывались с причинами разочарований и возникшими ассоциациями от проживания в регионе.



Рис. 3. Группы причин миграции в Калининградскую область по степени актуальности для мигрантов

Ниже приводится описание наиболее важных причин миграции в Калининградскую область, которые рассматриваются в порядке убывания их актуальности для мигрантов при принятии решения о переезде.

*Экология и климат* выступали наиболее частыми причинами выбора Калининградской области. При этом сравнение региона при принятии решения о переезде проводилось с Краснодарским краем, Белгородской областью, Москвой, Хабаровским краем, Республикой Татарстан, Тюменской областью. Эти регионы значительно различаются по климатическим условиям и экологической ситуации. Существенные различия в ответах респондентов по причинам разочарований и ассоциациям проживания в регионе отсутствовали, что говорит о несформированности четких представлений о территории потенциального вселения.

*Историко-культурная и географическая уникальность.* Подавляющее число респондентов отметили причины данной группы. Мигранты обращали внимание на компактность области, близость к Европе, историко-культурное наследие. Отчасти это объясняется посещением области с туристическими или деловыми целями до переезда. Среди респондентов, не учитывающих историко-культурную и географическую уникальность, посещали регион меньше половины.

*Комфортные условия проживания* имели заметное влияние на решение о переезде. Наличие моря и компактность региона при доступности жилья были актуальны для лиц преимущественно в возрасте 35—44 лет. Однако при переезде также возникли одинаковые разочарования респондентов, причины которых, на наш взгляд, связаны с укоренившимися стереотипами восприятия Калининградской области. Это создает двойственную ситуацию. С одной стороны, прибывшие в регион испытывают сложности адаптации и самореализации, с другой — часть мигрантов не рассматривают Калининградскую область как территорию потенциального вселения и направляются в другие регионы.

*Уровень социально-экономического развития* региона в наименьшей степени учитывался мигрантами при переезде, среди них имелось достаточно фрагментарное представление о хозяйственной специфике региона. Это подтверждается причинами разочарований от переезда, которые связаны с особенностями рынка труда, ценами и тарифами, инфраструктурой. Отчасти это объясняется обращением мигрантов к широко распространенным, но не актуальным фактам и сведениям о регионе через открытые источники информации, которые в большинстве характеризуют его как туристическую область, а не территорию вселения. Также это подтверждается переездом подавляющей части мигрантов (больше, чем в среднем по выборке) в период пандемии COVID-19 (2020—2021), который характеризовался для региона снижением отдельных показателей социально-экономического развития относительно ситуации в целом по стране и субъектам СЗФО [60]. *Уровень жизни* в регионе также не оказался в числе наиболее важных причин миграции в Калининградскую область. Можно отметить, по ответам респондентов, и социально-психологическую неготовность мигрантов к переезду.

*Профессиональный рост и развитие* практически не рассматривались респондентами в качестве причин переезда, однако большинство из них планировало переехать в регион на постоянное длительное проживание. Кроме этого, для половины опрошенных решение о переезде было осознанным. Вследствие не учитываемой мигрантами ситуации на рынке труда (профессионально-квалификационная структура кадровой потребности, уровень безработицы, среднедушевые доходы и т. д.) большинство респондентов отметило, что текущая работа полностью не соответствует их квалификации и опыту. Несмотря на значительные трудности с поиском работы, респонденты высоко оценивают свое финансовое по-



ложение. При этом наиболее представительны (относительно выборки) в данной группе респондентов оказались работники торговли и сферы услуг, а также государственного управления.

*Развитие существующего или создание нового бизнеса.* Несмотря на то что эта группа причин характеризует только возможности предпринимательства, они актуальны для трети респондентов. Преимущественно это лица, которые в данный момент не имеют работы или заняты в сфере образования. Их возраст составляет преимущественно от 25 до 44 лет. Строгой связи с социальным положением не выявлено. Эта часть респондентов включает служащих, технических исполнителей, специалистов и руководителей подразделений, а также домохозяек. При этом практически все эти респонденты оценивают свое финансовое положение как среднее и больше половины из них переехали в Калининградскую область только в 2021 году. Это дает основание предположить, что у выявленной части респондентов еще сохраняется высокая мотивация для осуществления предпринимательской деятельности и реализации намеченных проектов.

*Неформальные связи и консолидированные группы.* Возможности воссоединения с родственниками и земляческие связи в целом оказывали значительное влияние на принятие решения небольшого числа респондентов. Однако их пребывание в регионе преимущественно связано с позитивными событиями и ассоциациями. За счет поддержки родственников или земляческих связей разочарование респондентов было незначительным из числа ответов по выборке. В то же время среди них более половины отметили, что столкнулись с рядом ограничений при переезде, важнейшими из которых стали трудоустройство и поиск жилья, отсутствие родных и близких. Обращает внимание, что данная группа респондентов чаще других характеризовала свое материальное положение как «плохое» или «очень плохое» (почти треть) и в 1,5 раза реже как «хорошее» или «очень хорошее». Это ставит важную проблему о степени положительного влияния неформальных связей на социально-экономическую адаптацию мигрантов при переезде, в частности в Калининградскую область.

Такие причины переезда, как социально-психологический комфорт проживания и геостратегическая привлекательность региона, выбирались респондентами крайне редко. Таким образом, из 10 групп причин миграции только 3 оказались актуальны для респондентов при выборе Калининградской области — историко-культурная и географическая уникальность, экология и климат, комфортные условия проживания.

В целом результаты проведенного социологического исследования не подтвердили наше предположение о присутствии причин миграции в Калининградскую область, отличных от тех, которые традиционно определяют для региона (благоприятный климат и экология, море, близость Европы и т. д.). С одной стороны, сложившаяся ситуация создает риски для самих мигрантов, когда они не располагают достаточной и полной информацией о ситуации и особенностях развития региона. Это разочарования, трудности адаптации и самореализации, в некоторых случаях и вынужденный отъезд. С другой стороны, возникают сложности и для самого региона, учитывая дополнительную социальную и трудовую нагрузку в результате притока кадров, имеющих низкую востребованность на рынке труда региона. В то же время полученные результаты объясняют причины повышенного интереса к Калининградской области, когда ее рассматривают как потенциальное место переезда наравне с такими субъектами РФ, как Москва, Санкт-Петербург, Краснодарский край и др.

С опорой на результаты исследования анализ причин миграции в регион был дополнен оценкой разочарований и ассоциаций мигрантов. Это позволило соотне-

сти ожидания и реальные условия пребывания в регионе, в результате были выявлены значительные расхождения, обусловленные, вероятно, ограниченными представлениями мигрантов о Калининградской области. Анализ ассоциаций позволил установить формирование новых представлений о регионе после переезда в Калининградскую область. Выявленные ограничения в миграции позволяют определить проблемы, на которые должна быть направлена первичная адаптация мигрантов в регионе. Трансформация представлений мигрантов о регионе после переезда позволила установить причины неполного соответствия их трудового потенциала задачам развития региона. С научной точки зрения это актуализирует разработку направлений и мер выделения наиболее востребованной в области части миграционного потока в интересах обеспечения сбалансированности регионального рынка труда с участием мигрантов.

### Обсуждение и рекомендации

Разочарования от переезда в регион высказали в среднем три четверти опрошенных. Они касались прежде всего цен и тарифов в регионе, связаны с местными жителями и их образом жизни, отсутствием подходящей работы, качеством социальной инфраструктуры. Причем наиболее часто разочарования отмечались мигрантами (девять из десяти человек), выбравшими регион исходя из его благоприятных экологических и климатических условий, комфорта проживания и богатого историко-культурного наследия, географической уникальности.

Анализируя разочарования, возникшие в результате переезда в регион, мы установили их соответствие причинам миграции. Причины миграции разделены на три группы в зависимости от их важности для респондентов и влияния на принятие решения о переезде: высокая (более 70 ответов), средняя (30—69 ответов), низкая (менее 29 ответов) (рис. 4—6). Размер круга соответствует частоте выбора причины среди респондентов: чем больше диаметр круга, тем чаще причина называлась респондентами.

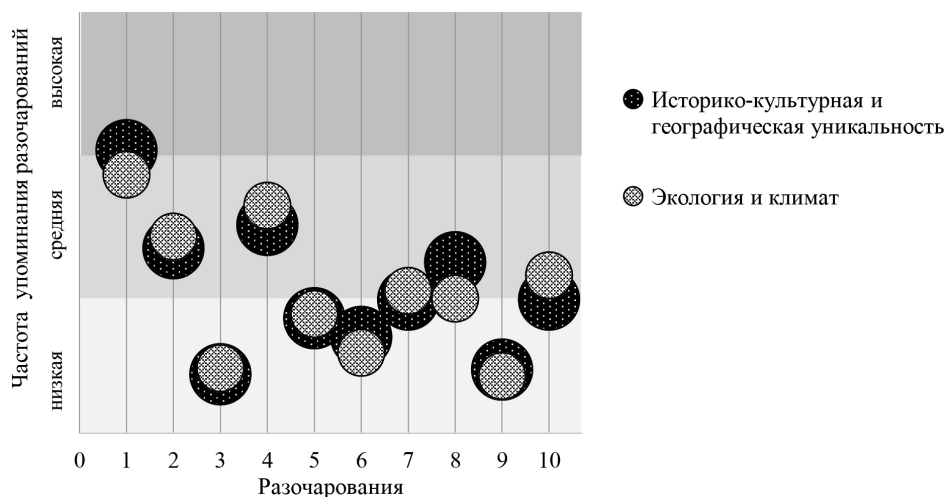


Рис. 4. Причины миграции, имеющие высокую важность и влияние на принятие решения о переезде

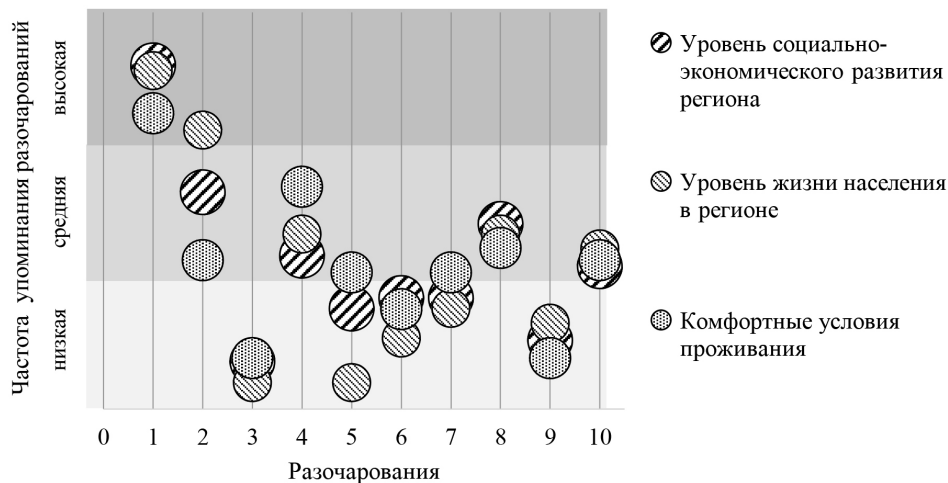


Рис. 5. Причины миграции, имеющие среднюю важность и влияние на принятие решения о переезде

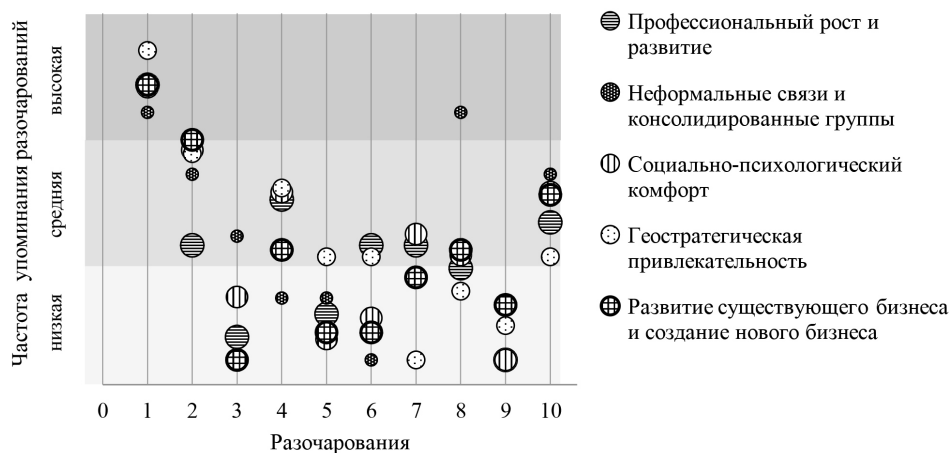


Рис. 6. Причины миграции, имеющие низкую важность и влияние на принятие решения о переезде

*Примечание:* 1 — цены и тарифы; 2 — отсутствие подходящей работы; 3 — погода и климатические условия; 4 — качество социальной инфраструктуры; 5 — транспорт (качество дорог и общественного транспорта, пробки на дорогах и др.); 6 — доступность и качество персональных и социальных услуг; 7 — отсутствие привычной продукции (виды, марки или бренды); 8 — местные жители, в том числе их образ жизни; 9 — ведение бизнеса; 10 — «оторванность» от основной территории России.

На этой основе выделены причины разочарований респондентов и обоснованы проблемы неэффективной адаптации мигрантов. Это позволило предложить меры, способствующие не только быстрому и комфортному приспособлению к новым условиям жизни, но и привлечению мигрантов, наиболее востребованных в Калининградской области.

Разочарование в ценах и тарифах возникло у респондентов, которые выбрали регион по причине поиска возможностей развития нового или существующего бизнеса или для которых были важны профессиональный рост и социально-эконо-

мическая ситуация в Калининградской области. Однако причины такого разочарования связаны именно с низкой осведомленностью мигрантов о регионе. В частности, треть разочаровавшихся мигрантов не посещала его ранее и / или принимала решение о переезде спонтанно.

Отсутствие подходящей работы в регионе стало вторым наиболее часто упоминаемым разочарованием респондентов. Причинами переезда здесь чаще всего выступали уровень социально-экономического развития и жизни населения в Калининградской области, ее геостратегическая привлекательность, возможности для развития бизнеса, а также наличие неформальных связей и поддержки консолидированных групп. При этом две трети таких респондентов ассоциировали проживание в регионе с упущенными возможностями, ухудшением финансового положения и нисходящей трудовой мобильностью. Низкий уровень адаптированности на рынке труда может быть обусловлен в части случаев тем, что более 40 % респондентов, указавших данное разочарование, не посещали Калининградскую область ранее.

Разочарование качеством социальной инфраструктуры (детскими садами, школами, больницами и др.) отмечали респонденты, для которых переезд был продиктован в первую очередь историко-культурной и географической уникальностью региона, благоприятными природно-климатическими и комфортными условиями проживания, перспективами профессионального роста и развития. Очевидно, что эта группа респондентов, стремящихся к лучшим условиям проживания, имела высокие требования к качеству социальной инфраструктуры, так как ее состояние в прежнем месте проживания могло значительно выигрывать против территории вселения. С другой стороны, это также может быть следствием недооценки важности социальных условий проживания или спонтанности решения о миграции: для четверти респондентов решение о переезде оказалось скорее спонтанным, чем осознанным.

Несколько удивительным выглядит разочарование от взаимодействия с местным сообществом, высказанное мигрантами, для которых выбор региона был обусловлен воссоединением с родственниками или земляческими связями. При этом более половины ответов респондентов, выбравших данное разочарование, пришлось на негативные ассоциации от проживания в регионе, связанные с карьерой и финансовым положением. Возможно, здесь имеют место проблемы относительной «закрытости» локальных групп мигрантов по признакам этнической, религиозной или профессиональной принадлежности, что требует дальнейшего изучения.

Достаточно часто респондентами указывалось и разочарование, обусловленное «оторванностью» региона от основной территории страны. Отношение респондентов к «оторванности» региона представляет глубочайший интерес, поскольку определяет геостратегическую значимость укрепления связанности области с другими регионами России. Несмотря на то что доля тех, кто бывал в регионе ранее, не отличается от средней по выборке (около двух третей), посещение региона зачастую было связано с туристическими целями, что не предполагает длительного проживания, а решение о переезде принималось спонтанно (в трети случаев). Примечательно, что более половины респондентов, разочарованных «оторванностью» региона от основной территории России, ассоциировали свое проживание в регионе с негативными изменениями в карьере и финансовом положении.

Помимо разочарований возникали ограничения и трудности при переезде в Калининградскую область. Смена места жительства респондентами ожидаемо была связана с утратой личных контактов с родными, друзьями и знакомыми и привычного образа жизни, транспортировкой личных вещей. Однако среди прочих важных ограничений с точки зрения мигрантов выступили трудоустройство в регионе, поиск места проживания и ограничения, обусловленные противодействием распространению пандемии COVID-19.

Интересным представляется распределение ответов респондентов на вопрос об ассоциациях проживания в регионе. В то время как треть ответов пришлось на позитивные изменения в личной жизни, здоровье и личностном развитии, другая треть была связана с негативными изменениями, среди которых отмечались упущенные возможности и время, ухудшение финансового положения, нисходящая трудовая мобильность. Рост уровня доходов и карьерный рост упоминались респондентами гораздо реже. Возникновение негативных ассоциаций, как можно заметить, в большей мере объясняется причинами разочарований в результате переезда в регион.

Выявленные разочарования мигрантов от переезда в Калининградскую область, выраженные в негативных ассоциациях от проживания в регионе, свидетельствуют о проблемах адаптации мигрантов из других регионов страны как в психолого-социальном плане (разочарование от взаимодействия с местными жителями, в качестве социальной инфраструктуры), так и экономическом (адаптация на региональном рынке труда). В качестве основных проблем выступают следующие. Во-первых, отсутствие полных и достоверных информационно-справочных материалов и ресурсов о проживании в Калининградской области, ориентированных на лиц, потенциально готовых или желающих переехать в регионе. Во-вторых, недостаточно активное использование механизмов в части привлечения мигрантов и их поддержки в регионе, в том числе по отдельным целевым группам. В-третьих, слабое взаимодействие с мигрантами в направлении наиболее полного задействования их трудового потенциала и недопущения роста безработицы и нисходящей трудовой мобильности. В-четвертых, отсутствие использования предпринимательского потенциала мигрантов, который по разным оценкам при определенных условиях оказывается выше в сравнении с потенциалом местных жителей. В-пятых, проблемы учета мигрантов из регионов России, отсутствие баз данных, позволяющих получать информацию об их социальном положении, профессионально-квалификационных характеристиках и др. Все указанные причины ведут к росту напряженности на рынке труда, а приток мигрантов на уровне региона позволяет решать ограниченный круг вопросов. Из наиболее очевидных и заметных — улучшение социально-демографической обстановки за счет компенсации естественной убыли населения. Это актуализирует несколько задач.

Во-первых, содействие адаптации мигрантов как в целом к новым условиям проживания, так и в части их вхождения на региональный рынок труда. Во-вторых, выявление мер поддержки трудовой миграции через изучение факторов профессиональной мобильности для профессионально-квалифицированной части миграционного потока, наиболее востребованной в регионе. В-третьих, усиление связанности Калининградской области с остальной территорией страны для решения проблемы «оторванности», в том числе в целях повышения уровня психолого-социальной адаптации мигрантов. Каждая из обозначенных задач требует дальнейшего самостоятельного изучения, глубокого теоретического осмысления и разработки практических механизмов, что невозможно сделать только в рамках настоящего исследования. Безусловно, специальная миграционная политика в отношении лиц, переезжающих из других регионов России, будет содействовать сбалансированности трудового потенциала мигрантов и снизит степень несоответствия миграционной ситуации приоритетным направлениям и задачам развития Калининградской области.

Теоретическая составляющая полученных результатов позволяет дополнить выводы предыдущих исследований о высокой обусловленности причин миграции экономико-географическим положением региона вселения мигрантов. На примере эксклавной Калининградской области доказано, что комфортные природно-климатические условия и благоприятная экологическая обстановка мотивировали переехать в Калининградскую область не только лиц старших возрастов, но и представителей других возрастных групп, что дополняет ранее полученные выводы для

России. Мигрантами, переехавшими в Калининградскую область из других регионов России, двигает вера в то, что смена места жительства приведет к лучшему или более полноценному образу жизни, а не оценка, где они могут найти лучшие экономические возможности. Решение о переезде, как правило, принимается на основе информации о туристической привлекательности региона. Данные выводы лежат в русле зарубежной концепции «миграции как образа жизни» (с англ. *lifestyle migration*), построенной, однако, на изучении международной миграции. Настоящее же исследование доказывает распространение современных форм миграции, описанных в концепции «миграции как образа жизни», на внутреннюю мобильность граждан, в частности в Калининградской области. Предполагаем, что опыт российского эксклава может быть применим для изучения причин миграции в регионах Юга России, миграционная привлекательность которых также в значительной степени опирается на благоприятные природно-климатические условия.

Полученные выводы о разочарованиях и негативных ассоциациях мигрантов, движимых стремлением улучшить качество жизни, в значительной степени дополняют современные представления о том, почему таким мигрантам не удается построить «свой идеальный дом». При этом исследование доказывает, что трудности могут возникать и в случае внутренней миграции, где, казалось бы, отсутствуют присущие международной миграции барьеры адаптации мигрантов (языковые и институциональные, этнические и конфессиональные и др.).

Воздействие экономико-географического положения на межрегиональную миграцию не ограничивается влиянием на причины миграции. Оно проявляется также в высказанных мигрантами разочарованиях. Полученные результаты демонстрируют, что «оторванность» Калининградской области от основной территории России обуславливает дополнительные риски для психолого-социальной адаптации мигрантов, связанные, например, с дополнительными издержками на визиты к родственникам в других регионах России. Это служит еще одним важным основанием для развития концептуальных основ теории пространственной связанности регионов и ее практической реализации.

В практическом плане устранение причин, вызывающих разочарование мигрантов и их негативные ассоциации, связано с формированием актуальных представлений о регионе, основных аспектах проживания в нем и с минимизацией рисков последующей неэффективной адаптации. Поэтому в качестве наиболее важных мер представляются следующие.

Во-первых, целесообразно осуществлять селекцию входящего миграционного потока, что предполагает выделение и включение в него востребованных в регионе специалистов определенного профессионально-квалификационного состава и создание условий для повышения эффективности интеграции на рынке труда лиц, которые потенциально могут испытывать трудности или разочарования по причине низкой осведомленности о регионе, возможностях трудоустройства или проживания. Для целевых групп мигрантов (врачи, педагоги, ИКТ-специалисты и др.) селективные меры позволяют более эффективно реализовывать программы релокации и привлечения кадров в регион. Целевые механизмы привлечения специалистов в регион (в рамках федеральных и региональных программ релокации) должны исходить из уровня миграционной связанности Калининградской области с другими регионами РФ, специфики факторов притяжения для отдельных специалистов и когорт мигрантов. Важно задействовать имеющийся потенциал федерального и отраслевых вузов в регионе, которые могут содействовать целевому перетоку абитуриентов и молодых специалистов в Калининградскую область из других вузов и регионов России. Однако это движение должно сопровождаться адекватными мерами поддержки закрепления выпускников вуза на региональном рынке труда.

Селекция миграционного потока напрямую относится к позиционированию региона и росту информированности мигрантов и не предполагает какого-либо внешнего или административного управления их поведением, тем более нарушения конституционных прав граждан на свободу перемещения. Поэтому, во-вторых, имеющийся опыт и практику продвижения Калининградской области как туристско-рекреационного центра в России необходимо применить и в отношении межрегиональной постоянной миграции. Большое значение имеет доступность информации о Калининградской области для целевой аудитории (возраст, профессионально-квалификационный состав, сферы занятости и т. д.).

В-третьих, предлагается разработать и внедрить механизмы адаптации мигрантов из других регионов России, включающие как минимум информационное сопровождение посредством создания специальных информационных ресурсов и платформ, раскрывающих такие проблемные вопросы, как трудоустройство, аренда и покупка недвижимости, доступ к образовательным и медицинским услугам. Отдельным блоком должна выступать информационно-аналитическая поддержка по вопросам ведения предпринимательской деятельности. Целесообразно расширить возможности анализа данных выборочных обследований населения России по проблемам занятости, проводимых Росстатом, в части оценки особенностей осуществления экономической деятельности межрегиональными постоянными мигрантами (уровень безработицы, отраслевая и профессионально-квалификационная структуры занятости и др.), а не только временными трудовыми мигрантами.

Адаптация механизма межрегиональных миграционных потоков в Калининградской области к концепции «миграции как образа жизни» позволит иначе посмотреть на вклад таких мигрантов в развитие региона, не предъявляя к ним завышенные требования в части реализации их трудового потенциала. В то же время сформулированные практические рекомендации, которые, безусловно, не являются исчерпывающими, могут содействовать повышению качества адаптации мигрантов в регионе и изменению русла стихийно формирующегося миграционного потока, сделать его более управляемым в интересах социально-экономического развития региона.

## **Заключение**

Оценка факторов, ограничений и разочарований мигрантов при переезде в Калининградскую область, а также восприятия ими региона по результатам социологического опроса позволила ответить на ряд поставленных в начале исследования вопросов.

Во-первых, предположение о влиянии экономических, социальных, административных и иных причин, мотивирующих к переезду в Калининградскую область, кроме традиционных и хорошо известных, не подтвердилось по результатам проведенного социологического исследования. Ключевыми причинами, мотивировавшими мигрантов к переезду, по-прежнему остаются благоприятные природно-климатические и комфортные условия проживания, историко-культурная и географическая уникальность региона. Актуальность указанных причин высока не только для категории пенсионеров, но и для мигрантов наиболее активного трудоспособного возраста — 25—44 года, что несколько противоречит результатам ранее проведенных исследований о приверженности данным факторам только мигрантов пенсионного возраста [48]. Таким образом, специфика причин миграции в область из других регионов РФ позволяет рассматривать ее механизм, особенности и последствия с позиций современной концепции «миграции как образа жизни». Сам феномен распространения данной концепции на межрегиональную миграцию заслуживает дальнейшего теоретического осмысления, в том числе на примере других миграционно-привлекательных регионов РФ.

Выбор более благоприятных природно-климатических условий и экологической обстановки в регионе был также продиктован выталкивающими факторами, о чем свидетельствует география миграционных связей Калининградской области с превалярованием регионов-доноров с более холодным климатом и / или экологическими проблемами.

Такое представление о регионе в большинстве случаев формируется на основе широко освещаемой туристической привлекательности области. Для трети респондентов, никогда ранее не посещавших Калининградскую область, источником информации о регионе, как правило, выступали родственники и знакомые, проживающие в регионе, а также Интернет, предлагающий широко распространенные сведения о регионе. При этом освещаются преимущественно положительные стороны пребывания в области или оценки зачастую чрезмерно субъективны. Происходит искажение фактов, наблюдается несистемное представление отдельных вопросов (возможности трудоустройства, жилье, цены, магазины и ассортимент продукции и др.) скорее с позиции не жителя, а туриста. Отсутствие объективного восприятия региона и имеющихся возможностей приводит к перемещению лиц, которые не могут реализовать имеющийся трудовой или предпринимательский потенциал в полной мере, испытывают трудности при смене места жительства. Если в случае переезда вследствие карьерного роста сложностей с трудовой адаптацией, вероятно, не возникает, то в иных случаях, по нашему мнению, это может стать одной из причин обозначенных респондентами разочарований и негативных ассоциаций от проживания в регионе.

Во-вторых, выявленный феномен несоответствия взглядов мигрантов до и после переезда в Калининградскую область, их ожиданий носит массовый характер, он затронул практически всех опрошенных респондентов. При этом сложности в адаптации имеют психолого-социальный и социально-экономический характер. Первый связан с отсутствием родных, друзей и знакомых, привычного образа жизни, что осложняется издержками (транспортными, временными) при посещении родственников за пределами региона вследствие территориальной «оторванности» области. Выражается это, как правило, в неудовлетворенности местными жителями и их образом жизни. Сложности адаптации социально-экономического характера проявляются в проблемах трудоустройства среди респондентов, по всей видимости, недооценивших возможности адаптации на региональном рынке труда, имеющих трудности с поиском жилья, неудовлетворенных ценами и тарифами, качеством социальной инфраструктуры. Отсюда возникают различия в высказанных респондентами ассоциациях, связанных с проживанием в регионе. На фоне позитивных изменений в личной жизни, здоровье и личностном развитии респонденты с той же частотой называли ассоциации, связанные с упущенными возможностями и временем, ухудшением финансового положения, нисходящей трудовой мобильностью.

В-третьих, для наиболее полного использования потенциала рабочей силы мигрантов предлагаются меры селекции миграционного потока. Они должны включать прежде всего информационную поддержку, меры в сфере содействия адаптации мигрантов и росту их предпринимательской активности. Особое значение имеют взаимодействие Калининградской области с регионами-донорами и ее целенаправленное продвижение не только с позиций туристической привлекательности, но и с точки зрения реализации трудового потенциала. Это обеспечит переток рабочей силы для сокращения нехватки кадров с определенными возрастными и профессионально-квалификационными характеристиками.



## Список литературы

1. Лялина, А. В. 2019, Роль миграции в демографическом развитии Калининградской области, *Региональные исследования*, № 4, с. 73—84. doi: <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2019-4-6>.
2. Деминцева, Е. Б., Мкртчян, Н. В., Флоринская, Ю. Ф. 2018, *Миграционная политика: диагностика, вызовы, предложения*, М., Центр стратегических разработок, 55 с.
3. Рыбаковский, Л. Л. 2017, Факторы и причины миграции населения, механизм их взаимосвязи, *Народонаселение*, № 2 (76), с. 51—61.
4. Переведенцев, В. И. 1975, *Методы изучения миграции населения*, М., Наука, 232 с.
5. Топилин, А. В. 1975, *Территориальное перераспределение трудовых ресурсов в СССР*, М., Экономика, 159 с.
6. Хомра, А. У. 1979, *Миграция населения: Вопросы теории, методики исследования*, Киев, Наукова думка, 112 с.
7. Petrov, M. V., Kurushina, E. V., Druzhinina, I. V. 2019, Attractiveness of the Russian Regional Space as a Living Environment: Aspect of the Migrants' Behavioural Rationality, *Ekonomika Regiona [Economy of Regions]*, vol. 15, № 2, p. 377—390. doi: <https://doi.org/10.17059/2019-2-6>.
8. Lee, E. 1966, A Theory of Migration, *Demography*, № 3, p. 47—57.
9. Parkins, N. C. 2010, Push and pull factors of migration, *American Review of Political Economy*, vol. 8, № 2, p. 6—23. doi: <https://doi.org/10.38024/arpe.119>.
10. Dorigo, G., Tobler, W. 1983, Push-Pull Migration Laws, *Annals of the Association of American Geographers*, vol. 73, № 1, p. 1—17.
11. Schoorl, J. J. 2000, *Push and Pull Factors of International Migration: A Comparative Report*, Luxembourg, Office for Official Publications of the European Communities, 161 p.
12. Abdou, L. H. 2020, 'Push or pull'? Framing immigration in times of crisis in the European Union and the United States, *Journal of European Integration*, vol. 42, № 5, p. 643—658. doi: <https://doi.org/10.1080/07036337.2020.1792468>.
13. Matsui, N., Raymer, J. 2020, The Push and Pull Factors Contributing Towards Asylum Migration from Developing Countries to Developed Countries Since 2000, *International Migration*, vol. 58, № 6, p. 210—231. doi: <https://doi.org/10.1111/imig.12708>.
14. Viñuela, A, Gutiérrez Posada, D, Rubiera Morollón, F. 2019, Determinants of immigrants' concentration at local level in Spain: Why size and position still matter, *Popul Space Place*, vol. 25, № 7, art. e2247. doi: <https://doi.org/10.1002/psp.2247>.
15. Economist Intelligence Unit, 2008, *Global migration barometer: methodology, results & findings*. Sponsored by Western Union, URL: [https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org/development/desa/pd/files/unpd-cm7-2008-11\\_gmb\\_execsumeu.pdf](https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org/development/desa/pd/files/unpd-cm7-2008-11_gmb_execsumeu.pdf) (дата обращения: 20.01.22).
16. Tuccio, M. 2019, *Measuring and assessing talent attractiveness in OECD countries*, *OECD Social, Employment and Migration Working Papers*, № 229, Paris, OECD Publishing, 58 p. doi: <https://doi.org/10.1787/b4e677ca-en>.
17. Земцов, С. П., Бабурин, В. Л. 2016, Оценка потенциала экономико-географического положения регионов России, *Экономика региона*, т. 12, № 1, с. 117—138. doi: <https://doi.org/10.17059/2016-1-9>.
18. Carson, D. B., Wenghofer, E., Timony, P. et al. 2016, Recruitment and retention of professional labour: The health workforce at settlement level. In: Taylor, A. et al. (eds.), *Settlements at the edge: Remote human settlements in developed nations*, Cheltenham (UK) and Northampton (USA), Edward Elgar, p. 320—336.
19. Harwood, S., Wensing, E., Ensign, P. C. 2016, Place-based planning in remote regions: Cape York Peninsula, Australia and Nunavut, Canada. In: Taylor, A. et al. (eds.), *Settlements at the edge: Remote human settlements in developed nations*, Cheltenham (UK) and Northampton (USA), Edward Elgar, p. 124—150.
20. Guimond, L, Desmeules, A. 2019, Choosing the northern periphery: Paradoxes in the ways of dwelling of new residents of Eastern Minganie (North Shore, Québec, Canada), *Popul Space Place*, vol. 25, № 6, art. e2226. doi: <https://doi.org/10.1002/psp.2226>.
21. Carson, D. B., Rasmussen, R., Ensign, P. et al. (eds.) 2011, *Demography at the edge: Remote human populations in developed nations*, Farnham (UK), Ashgate.

22. Simard, M. 2009, Retention and departure factors influencing highly skilled immigrants in rural areas: Medical professionals in Québec, Canada. In: Jentsch, B., Simard, M. (eds.), *International migration and rural areas—Cross national comparative perspectives*, Williston VT, Ashgate, p. 43—73.
23. Taylor, A., Carson, D. B., Ensign, P. C. et al. (eds.) 2016, *Settlements at the edge: Remote human settlements in developed nations. Cheltenham (UK) and Northampton (USA)*, Edward Elgar. doi: <https://doi.org/10.4337/9781784711962>.
24. Anastasiou, E., Duquenne, M.-N. 2020, Determinants and Spatial Patterns of Counterurbanization in Times of Crisis: Evidence from Greece, *Population Review*, vol. 59, № 2, p. 88—110. doi: <https://doi.org/10.1353/prv.2020.0004>.
25. Bilan, Yu. 2012, Specificity of border labour migration, *Transformations in Business & Economics*, vol. 11, № 2, p. 82—97.
26. Tsapenko, I. P. 2018, Cross-Border Mobility: Updating the Format, *Her. Russ. Acad. Sci.* № 88, p. 369—378. doi: <https://doi.org/10.1134/S1019331618050088>.
27. Möller, C., Alfredsson-Olsson, E., Ericsson, B., Overvåg, K. 2018, The border as an engine for mobility and spatial integration: A study of commuting in a Swedish—Norwegian context, *Norsk Geografisk Tidsskrift — Norwegian Journal of Geography*, vol. 72, № 4, p. 217—233. doi: <https://doi.org/10.1080/00291951.2018.1497698>.
28. Колосов, В. А., Вендина, О. И. 2011, Повседневная жизнь и миграции населения (на примере белгородско-харьковского участка границы). В: Колосов, В. А., Вендина, О. И. (ред.), *Российско-украинское пограничье: двадцать лет разделенного единства*, Новый Хронограф, с. 162—180.
29. Hrynevych, O. 2017, Cross-border factor of educational migration of Ukrainian youth to Poland: social-economic opportunities and threats, *Economic Annals-XXI*, vol. 163, № 1-2 (1), p. 26—30. doi: <https://doi.org/10.21003/ea.V163-05>.
30. Kiss, É., Jankó, F., Bertalan, L. és Mikó, E. 2018, Nyugat és Kelet határán: Sopron a belföldi migrációban, *Tér és Társadalom*, vol. 32, № 4, p. 151—166. doi: <https://doi.org/10.17649/TET.32.4.3070>.
31. Соколова, Ф. X., Лялина, А. В. 2021, Миграционная привлекательность приморской зоны Северо-Запада России: локальные градиенты, *Балтийский регион*, т. 13, № 4, с. 54—78. doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2021-4-4>.
32. Creel, L. 2003, *Ripple effects: population and coastal regions*, Washington, Population Reference Bureau.
33. Coldbach, C. 2017, Out-migration from Coastal Areas in Ghana and Indonesia—the Role of Environmental Factors, *CESifo Economic Studies*, vol. 63, № 4, p. 529—559. doi: <https://doi.org/10.1093/cesifo/ifx007>.
34. Zelinsky, W. 1971, The Hypothesis of the Mobility Transition, *Geographical Review*, vol. 61, № 2, p. 219—249.
35. Montanari, A., Staniscia, B. 2011, From global to local: Human mobility in the Rome coastal area in the context of the global economic crisis, *Volltextausgaben*, № 3-4, p. 127—200. doi: <https://doi.org/10.4000/belgeo.6300>.
36. Iden, G., Richter, C. 1971, Factors Associated with Population Mobility in the Atlantic Coastal Plains Region, *Land Economics*, vol. 47, № 2, p. 189—193.
37. Fulanda, B., Munga, C., Ohtomi, J. et al. 2009, The structure and evolution of the coastal migrant fishery of Kenya, *Ocean & Coastal Management*, vol. 52, № 9, p. 459—466. doi: <https://doi.org/10.1016/j.ocecoaman.2009.07.001>.
38. Merkens, J.-L., Reimann, L., Hinkel J., Vafeidis, A. T. 2016, Gridded population projections for the coastal zone under the Shared Socioeconomic Pathways, *Global and Planetary Change*, № 145, p. 57—66. doi: <https://doi.org/10.1016/j.gloplacha.2016.08.009>.
39. O'Reilly, K. 2000, *The British on the Costa del Sol*, London, Routledge, 198 p.
40. Janoschka, M., Haas, H. (eds.) 2013, *Contested Spatialities, Lifestyle Migration and Residential Tourism*, London, Routledge, 193 p.

41. Huber, A., O'Reilly, K. 2004, The construction of Heimat under conditions of individualised modernity: Swiss and British elderly migration in Spain, *Ageing and Society*, vol. 24, № 3, p. 327—351.
42. Casado-Díaz, M. 2006, Retiring to Spain: An Analysis of Difference among North European Nationals, *Journal of Ethnic and Migration Studies*, vol. 32, № 8, p. 1321—1339.
43. Benson, M., O'Reilly, K. 2009, Migration and the search for a better way of life: A critical exploration of lifestyle migration, *The Sociological Review*, vol. 57, № 4, p. 608—625.
44. Membrado, J. K. 2015, Pensioners' coast: migration of elderly north Europeans to the Costa Blanca, *MÉTODO Science Studies Journal*, № 5, p. 65—73. doi: <https://doi.org/10.7203/metode.81.3111>.
45. Laiz, I., Relvas, P., Plomaritis, T., Garel, E. 2016, Erasmus experience between the University of Cadiz (Spain) and the University of Algarve (Portugal). In: *EDULEARN16: proceedings of conference. Barcelona, 2016*, p. 4649—4653. doi: <https://doi.org/10.21125/edulearn.2016.2119>.
46. Ionov, V. V., Kaledin, N. V., Kakhro, N. M. et al. 2016, Forms of International cooperation in Environmental education: the experience of Saint Petersburg State University, *Baltic region*, vol. 8, № 4, p. 114—128. doi: <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2016-4-8>.
47. Burt, J., Killilea, M., Ciprut, S. 2019, Coastal urbanization and environmental change: Opportunities for collaborative education across a global network university, *Regional Studies in Marine Science*, № 26, art. 100501. doi: <https://doi.org/10.1016/j.rsma.2019.100501>.
48. Vakulenko, E. S., Mkrtychyan, N. V. 2020, Factors of Interregional Migration in Russia Disaggregated by Age, *Applied Spatial Analysis and Policy*, № 13, p. 609—630.
49. Mkrtychyan, N. V., Vakulenko, E. S. 2019, Interregional migration in Russia at different stages of the life cycle, *Geo Journal*, vol. 84, № 6, p. 1549—1565.
50. Вакуленко, Е. С. 2019, Мотивы внутренней миграции населения в России: что изменилось в последние годы? *Прикладная эконометрика*, № 3 (55), с. 113—138. doi: <https://doi.org/10.24411/1993-7601-2019-10013>.
51. Лисицын, П. П., Степанов, А. М. 2019, Переезд из Таджикистана в Россию: мифы и реальность, *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, № 2, с. 304—317. doi: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.14>.
52. Муращенкова, Н. В., Гриценко, В. В., Бражник, Ю. В. 2017, Психологический анализ миграционных ожиданий соотечественников, переселяющихся в Россию из Украины и других стран, *Психолог*, № 5, с. 77—91. doi: <https://doi.org/10.25136/2409-8701.2017.5.24294>.
53. Лялина, А. В. 2021, Миграционные процессы в приморских муниципалитетах Калининградской области: «агломерационные» эффекты или талассоаттрактивность? *Псковский регионологический журнал*, № 2 (46), с. 58—78.
54. Лялина, А. В. 2020, Миграционные процессы в Юго-Восточной Прибалтике. В: Тарасов, И. Н., Федоров, Г. М. (ред.), *Калининградская область в новых координатах балтийской геополитики*, Калининград, Изд-во БФУ им. И. Канта, с. 189—220.
55. Rogers, A., Castro, L. 1981, *Model migration schedules. Research report RR-81-30*, Laxenburg, IIASA. 153 p.
56. Карачурина, Л. Б., Мкртчян, Н. В. 2016, Межрегиональная миграция в России: возрастные особенности, *Демографическое обозрение*, т. 3, № 4, с. 47—65.
57. Чудиновских, О. С. 2021, К Вопросу о создании регистра населения и использовании административных данных для нужд государственной статистики, *Вопросы статистики*, т. 28, № 1, с. 5—17.
58. Мкртчян, Н. В. 2020, Проблемы в статистике внутрисоссийской миграции, порожденные изменением методики учета в 2011 г., *Демографическое обозрение*, т. 7, № 1, с. 83—99.
59. Штейнберг, И. Е. 2014, Логические схемы обоснования выборки для качественных интервью: «восьмиугольная» модель, *Социология: методология, методы, математическое моделирование*, № 38, с. 38—71.
60. Yemelyanova, L. L., Lyalina, A. V. 2020, The labour market of Russia's Kaliningrad exclave amid COVID-19, *Baltic region*, vol. 12, № 4, p. 61—82. doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-4-4>.

## Об авторах

**Ксения Юрьевна Волошенко**, кандидат экономических наук, директор Центра социально-экономических исследований региона, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: [mailto:mikhailov.andrey@yahoo.comkvoloshenko@kantiana.ru](mailto:mailto:mikhailov.andrey@yahoo.comkvoloshenko@kantiana.ru)

<https://orcid.org/0000-0002-2624-0155>

**Анна Валентиновна Лялина**, кандидат географических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: [anuta-mazova@mail.ru](mailto:anuta-mazova@mail.ru)

<https://orcid.org/0000-0002-8479-413X>



ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

# ATTRACTIVENESS OF THE KALININGRAD REGION: PULL FACTORS AND REASONS FOR DISAPPOINTMENT OF MIGRANTS FROM RUSSIAN REGIONS

**K. Yu. Voloshenko**

**A. V. Lialina**

Immanuel Kant Baltic Federal University,  
14 A. Nevskogo ul., Kaliningrad, 236016, Russia

Received 15.04.2022

doi: 10.5922/2079-8555-2022-3-6

© Voloshenko, K. Yu., Lialina, A. V., 2022

*The Kaliningrad region's attractiveness to migrants results in increasing external (international) and internal migration. The interregional flow is a major contributor, accounting for approximately 60 per cent of the net migration gain. However, the age composition and professional qualification of migrants from other regions of Russia do not fully agree with the specifics of the region's labour market and its strategic socio-economic development priorities. This lends urgency to a selective regional migration policy aimed at prospective internal migrants. Yet, the picture of pull, push and hindering factors remains incomplete, being limited to generally accepted drivers such as coastal location and proximity to EU countries. This article aims at a detailed analysis of reasons to migrate to the region, an assessment of the restrictions and difficulties faced by relocatees and migrants' satisfaction with the new place of residence. Methodologically, the study uses a mixed strategy: formal data collection methods are combined with respondent selection techniques peculiar to qualitative or expert methods. The authors draw on the results of an exploratory survey conducted in December 2021 with a view to analyse migrants' perception of the Kaliningrad region before and after their arrival and assess how their ideas change. The survey applied mixed research methods: respondents were recruited via social media and relocatee groups. The data analysis reveals a gap between migrant expectations and reality, identifying the causes of inconsistency between the incoming migration flow and the region's development objectives and labour market needs. Based on the findings, the authors provide recommendations for a migration policy based on an accurate picture of the region and aimed at attracting the required workforce, as well as at migrants' adaptation and support at the new place of residence.*

**To cite this article:** Voloshenko, K. Yu., Lialina, A. V. 2022, Attractiveness of the Kaliningrad region: pull factors and reasons for disappointments of migrants from Russian regions, *Balt. Reg.*, Vol. 14, no 3, p. 102–128.  
doi: 10.5922/2078-8555-2022-3-6.

**Keywords:**

attractiveness to migrants, interregional migration, pull factors, migration schedule, restrictions, associations and disappointments, Kaliningrad region

**References**

1. Lyalina, A. V. 2019, The role of migration in the demographic development of the Kaliningrad oblast, *Regional'nye issledovaniya* [Regional studies], №4, с. 73–84. doi: <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2019-4-6> (in Russ.).
2. Demintseva, E. B., Mkrtychyan, N. V., Florinskaya, Yu. F. 2018, *Migratsionnaya po-litika: diagnostika, vyzovy, predlozheniya* [Migration policy: diagnostics, challenges, suggestions], M., Center for Strategic Development, 55 p. (in Russ.).
3. Rybakovsky, L. L. 2017, Factors and causes of population migration, the mechanism of their relationship, *Narodonaselenie* [Population], №2 (76), p. 51–61 (in Russ.).
4. Perevedentsev, V. I. 1975, *Metody izucheniya migratsii naseleniya* [Methods for studying population migration], M., Nauka, 232 p. (in Russ.).
5. Topilin, A. V. 1975, Territorial'noe pereraspredelenie trudovykh resur-sov v SSSR [Territorial redistribution of labor resources in the USSR], M., Economics, 159 p. (in Russ.).
6. Khomra, A. U. 1979, *Migratsiya naseleniya: Voprosy teorii, metodiki issle-dovaniya* [Migration of the population: questions of theory, research methods], Kyiv, Naukova Dumka, 112 p. (in Russ.).
7. Petrov, M. B., Kurushina, E. V., Druzhinina, I. V. 2019, Attractiveness of the Russian Regional Space as a Living Environment: Aspect of the Migrants' Behavioural Rationality, *Ekonomika Regiona* [Economy of Regions], vol. 15, №2, p. 377–390. doi: <https://doi.org/10.17059/2019-2-6>.
8. Lee, E. 1966, A Theory of Migration, *Demography*, №3, p. 47–57.
9. Parkins, N. C. 2010, Push and pull factors of migration, *American Review of Political Economy*, vol. 8, №2, p. 6–23. doi: <https://doi.org/10.38024/arpe.119>.
10. Dorigo, G., Tobler, W. 1983, Push-Pull Migration Laws, *Annals of the Association of American Geographers*, vol. 73, №1, p. 1–17.
11. School, J. J. 2000, *Push and Pull Factors of International Migration: A Comparative Report*, Luxembourg, Office for Official Publications of the European Communities, 161 p.
12. Abdou, L. H. 2020, 'Push or pull'? Framing immigration in times of crisis in the European Union and the United States, *Journal of European Integration*, vol. 42, №5, p. 643–658. doi: <https://doi.org/10.1080/07036337.2020.1792468>.
13. Matsui, N., Raymer, J. 2020, The Push and Pull Factors Contributing Towards Asylum Migration from Developing Countries to Developed Countries Since 2000, *International Migration*, vol. 58, №6, p. 210–231. doi: <https://doi.org/10.1111/imig.12708>.
14. Viñuela, A., Gutiérrez Posada, D., Rubiera Morollón, F. 2019, Determinants of immigrants' concentration at local level in Spain: Why size and position still matter, *Popul Space Place*, vol. 25, №7, art. e2247. doi: <https://doi.org/10.1002/psp.2247>.
15. Economist Intelligence Unit, 2008, *Global migration barometer: methodology, results & findings*. Sponsored by Western Union, URL: [https://www.un.org/development/desa.pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/unpd-cm7-2008-11\\_gmb\\_execsumeu.pdf](https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/unpd-cm7-2008-11_gmb_execsumeu.pdf) (accessed 20.01.22).
16. Tuccio, M. 2019, *Measuring and assessing talent attractiveness in OECD countries*, *OECD Social, Employment and Migration Working Papers*, №229, Paris, OECD Publishing, 58 p. doi: <https://doi.org/10.1787/b4e677ca-en>.
17. Zemtsov, S. P. Baburin, V. L. 2016, Assessing the Potential of Economic-Geographical Position for Russian Regions, *Economy of Region*, vol. 12, №1, p. 117–138. doi: <https://doi.org/10.17059/2016-1-9> (in Russ.).
18. Carson, D. B., Wenghofer, E., Timony, P. et al. 2016, Recruitment and retention of professional labour: The health workforce at settlement level. In: Taylor, A. et al. (eds.), *Settlements at the edge: Remote human settlements in developed nations*, Cheltenham (UK) and Northampton (USA), Edward Elgar, p. 320–336.
19. Harwood, S., Wensing, E., Ensign, P. C. 2016, Place-based planning in remote regions: Cape York Peninsula, Australia and Nunavut, Canada. In: Taylor, A. et al. (eds.), *Settlements at the edge: Remote human settlements in developed nations*, Cheltenham (UK) and Northampton (USA), Edward Elgar, p. 124–150.

20. Guimond, L., Desmeules, A. 2019, Choosing the northern periphery: Paradoxes in the ways of dwelling of new residents of Eastern Minganie (North Shore, Québec, Canada), *Popul Space Place*, vol. 25, №6, art. e2226. doi: <https://doi.org/10.1002/psp.2226>.
21. Carson, D. B., Rasmussen, R., Ensign, P. et al. (eds.) 2011, *Demography at the edge: Remote human populations in developed nations*, Farnham (UK), Ashgate.
22. Simard, M. 2009, Retention and departure factors influencing highly skilled immigrants in rural areas: Medical professionals in Québec, Canada. In: Jentsch, B., Simard, M. (eds.), *International migration and rural areas—Cross national comparative perspectives*, Williston VT, Ashgate, p. 43—73.
23. Taylor, A., Carson, D. B., Ensign, P. C., et al. (eds.) 2016, *Settlements at the edge: Remote human settlements in developed nations. Cheltenham (UK) and Northampton (USA)*, Edward Elgar. doi: <https://doi.org/10.4337/9781784711962>.
24. Anastasiou, E., Duquenne, M.-N. 2020, Determinants and Spatial Patterns of Counterurbanization in Times of Crisis: Evidence from Greece, *Population Review*, vol. 59, №2, p. 88—110. doi: <https://doi.org/10.1353/prv.2020.0004>.
25. Bilan, Yu. 2012, Specificity of border labour migration, *Transformations in Business & Economics*, vol. 11, №2, p. 82—97.
26. Tsapenko, I. P. 2018, Cross-Border Mobility: Updating the Format, *Her. Russ. Acad. Sci*, №88, p. 369—378. doi: <https://doi.org/10.1134/S1019331618050088>.
27. Möller, C., Alfredsson-Olsson, E., Ericsson, B., Overvåg, K. 2018, The border as an engine for mobility and spatial integration: A study of commuting in a Swedish—Norwegian context, *Norsk Geografisk Tidsskrift — Norwegian Journal of Geography*, vol. 72, №4, p. 217—233. doi: <https://doi.org/10.1080/00291951.2018.1497698>.
28. Kolosov, V. A., Vendina, O. I. 2011, Daily life and migration of the population (on the example of the Belgorod-Kharkov section of the border). In: Kolosov, V. A., Vendina, O. I. (eds), *Rossiisko-Ukrainskoe pogranch' e: dva-dsat' let razdelennoogo edinstva* [Russian-Ukrainian borderland: twenty years of divided unity], Novyi Khronograf, p. 162—180 (in Russ.).
29. Hrynkevych, O. 2017, Cross-border factor of educational migration of Ukrainian youth to Poland: social-economic opportunities and threats, *Economic Annals-XXI*, vol. 163, № 1-2 (1), p. 26—30. doi: <https://doi.org/10.21003/ea.V163-05>.
30. Kiss, É., Jankó, F., Bertalan, L. és Mikó, E. 2018, Nyugat és Kelet határán: Sopron a belföldi migrációban, *Tér és Társadalom*, vol. 32, №4, p. 151—166. doi: <https://doi.org/10.17649/TET.32.4.3070>.
31. Sokolova, F. Kh., Lyalina, A. V. 2021, Migration attractiveness of the coastal zone of Russia's North-West: local gradients, *Balt. Reg.*, vol. 13, №4, p. 54—78. doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2021-4-4>.
32. Creel, L. 2003, *Ripple effects: population and coastal regions*, Washington, Population Reference Bureau.
33. Coldbach, C. 2017, Out-migration from Coastal Areas in Ghana and Indonesia—the Role of Environmental Factors, *CESifo Economic Studies*, vol. 63, №4, p. 529—559. doi: <https://doi.org/10.1093/cesifo/ifx007>.
34. Zelinsky, W. 1971, The Hypothesis of the Mobility Transition, *Geographical Review*, vol. 61, №2, p. 219—249.
35. Montanari, A., Staniscia, B. 2011, From global to local: Human mobility in the Rome coastal area in the context of the global economic crisis, *Volltextausgaben*, №3-4, p. 127—200. doi: <https://doi.org/10.4000/belgeo.6300>.
36. Iden, G., Richter, C. 1971, Factors Associated with Population Mobility in the Atlantic Coastal Plains Region, *Land Economics*, vol. 47, №2, p. 189—193.
37. Fulanda, B., Munga, C., Ohtomi, J. et al. 2009, The structure and evolution of the coastal migrant fishery of Kenya, *Ocean & Coastal Management*, vol. 52, №9, p. 459—466. doi: <https://doi.org/10.1016/j.ocecoaman.2009.07.001>.
38. Merkens, J.-L., Reimann, L., Hinkel J., Vafeidis, A. T. 2016, Gridded population projections for the coastal zone under the Shared Socioeconomic Pathways, *Global and Planetary Change*, №145, p. 57—66. doi: <https://doi.org/10.1016/j.gloplacha.2016.08.009>.
39. O'Reilly, K. 2000, *The British on the Costa del Sol*, London, Routledge, 198 p.

40. Janoschka, M., Haas, H. (eds.) 2013, *Contested Spatialities, Lifestyle Migration and Residential Tourism*, London, Routledge, 193 p.
41. Huber, A., O'Reilly, K. 2004, The construction of Heimat under conditions of individualised modernity: Swiss and British elderly migration in Spain, *Ageing and Society*, vol. 24, № 3, p. 327—351.
42. Casado-Díaz, M. 2006, Retiring to Spain: An Analysis of Difference among North European Nationals, *Journal of Ethnic and Migration Studies*, vol. 32, № 8, p. 1321—1339.
43. Benson, M., O'Reilly, K. 2009, Migration and the search for a better way of life: A critical exploration of lifestyle migration, *The Sociological Review*, vol. 57, № 4, p. 608—625.
44. Membrado, J. K. 2015, Pensioners' coast: migration of elderly north Europeans to the Costa Blanca, *MÉTODOE Science Studies Journal*, № 5, p. 65—73. doi: <https://doi.org/10.7203/metode.81.3111>.
45. Laiz, I., Relvas, P., Plomaritis, T., Garel, E. 2016, Erasmus experience between the University of Cadiz (Spain) and the University of Algarve (Portugal). In: *EDULEARN16: proceedings of conference. Barcelona, 2016*, p. 4649—4653. doi: <https://doi.org/10.21125/edulearn.2016.2119>.
46. Ionov, V. V., Kaledin, N. V., Kakhro, N. M. et al. 2016, Forms of International cooperation in Environmental education: the experience of Saint Petersburg State University, *Baltic region*, vol. 8, № 4, p. 114—128. doi: <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2016-4-8>.
47. Burt, J., Killilea, M., Ciprut, S. 2019, Coastal urbanization and environmental change: Opportunities for collaborative education across a global network university, *Regional Studies in Marine Science*, № 26, art. 100501. doi: <https://doi.org/10.1016/j.rsma.2019.100501>.
48. Vakulenko, E. S., Mkrtychyan, N. V. 2020, Factors of Interregional Migration in Russia Disaggregated by Age, *Applied Spatial Analysis and Policy*, № 13, p. 609—630.
49. Mkrtychyan, N. V., Vakulenko, E. S. 2019, Interregional migration in Russia at different stages of the life cycle, *Geo Journal*, vol. 84, № 6, p. 1549—1565.
50. Vakulenko, E. 2019, Motives for internal migration in Russia: What has changed in recent years? *Applied Econometrics*, vol. 55, p. 113—138. doi: <https://doi.org/10.24411/1993-7601-2019-10013>.
51. Lisitsyn, P. P., Stepanov, A. M. 2019, Moving from Tajikistan to Russia: myths and reality, *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal (Public Opinion Monitoring)*, № 2, p. 304—317. doi: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.14> (in Russ.).
52. Murashchenkova, N., Gritsenko, V., Brazhnik, I. 2017, Psychological Analysis of Expectations of Russians to Russia from the Ukraine and Other Countries, *Psychologist*, № 5, p. 77—91. doi: <https://doi.org/10.25136/2409-8701.2017.5.24294> (in Russ.).
53. Lyalina, A. V. 2021, Migration processes in the coastal municipalities of the Kaliningrad region: “agglomeration” effects or thalasso-attraction? *Pskovskii regionologicheskii zhurnal* [Pskov regional journal], № 2 (46), p. 58—78 (in Russ.).
54. Lyalina, A. V. 2020, Migration processes in the South-East Baltic. In: Tarasov, I. N., Fedorov, G. M. (eds), *Kaliningradskaya oblast' v novykh koordinatakh baltiiskoi geopolitiki* [Kaliningrad region in the new coordinates of the Baltic geopolitics], Kaliningrad, Izd. I. Kant, p. 189—220 (in Russ.).
55. Rogers, A., Castro, L. 1981, *Model migration schedules. Research report RR-81-30*, Laxenburg, IIASA. 153 p.
56. Karachurina, L. B., Mkrtychyan, N. V. 2016, Interregional migration in Russia: age characteristics *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic overview], vol. 3, № 4, p. 47—65 (in Russ.).
57. Chudinovskikh, O. S. 2021, On the issue of creating a population register and using administrative data for the needs of state statistics, *Voprosy statistiki* [Issues of statistics], vol. 28, № 1, p. 5—17 (in Russ.).
58. Mkrtychyan, N. V. 2020, Problems in the statistics of internal Russian migration, generated by a change in the accounting methodology in 2011, *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic overview], vol. 7, № 1, p. 83—99 (in Russ.).
59. Shteinberg, I. E. 2014, Sampling Logic Diagrams for Qualitative Interviews: “Eight-window” Model, *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie* [Sociology: methodology, methods, mathematical modeling], № 38, p. 38—71 (in Russ.).
60. Yemelyanova, L. L., Lyalina, A. V. 2020, The labour market of Russia's Kaliningrad enclave amid COVID-19, *Balt. Reg.*, vol. 12, № 4, p. 61—82. doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-4-4>.

## The authors

---

**Dr Ksenia Yu. Voloshenko**, Director, Centre for Regional Socio-Economic Research, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: [kvoloshenko@kantiana.ru](mailto:kvoloshenko@kantiana.ru)

<https://orcid.org/0000-0002-2624-0155>

**Dr Anna V. Lialina**, Research Associate, Centre for Regional Socio-Economic Research, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: [anuta-mazova@mail.ru](mailto:anuta-mazova@mail.ru)

<https://orcid.org/0000-0002-8479-413X>



SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))



# СТИЛИ ЖИЗНИ КАЛИНИНГРАДСКОЙ МОЛОДЕЖИ

**С. И. Поляков**

Национальный исследовательский университет  
«Высшая школа экономики, Санкт-Петербург»,  
190121, Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, 16

Поступила в редакцию 02.06.2022 г.  
doi: 10.5922/2079-8555-2022-3-7  
© Поляков С. И., 2022

*На основании количественного анализа досуговых и потребительских практик студентов двух ведущих вузов Калининграда предпринимается попытка выстроить актуальное пространство жизненных стилей калининградской молодежи, а также выявить и определить с точки зрения социально-экономических и демографических характеристик группы молодых людей и девушек, которые являются их носителями. Всего было выделено пять стилевых групп: «тусовщики», предпочитающие проводить свободное время в барах и клубах, хипстеры — завсегдатаи театров и лекториев, а также активные потребители коньюмеристской культуры, продвигаемой через социальные сети, «нормальная» молодежь, выбирающая физические активности и стандартный досуг выходного дня, «молодые взрослые», комбинирующие советское досуговое наследие с творческими и «сделай-сам»-практиками, и домоседы, которые реализуют свои досуговые потребности в домашнем пространстве. Опираясь на дискуссию о значении стиля жизни в контексте современного общества, автор приходит к выводу, что жизненные стили не заменяют собой привычные маркеры социально-экономической стратификации, однако и их способность дифференцировать различные с точки зрения доступа к экономическим и культурным ресурсам группы молодежи является ограниченной. Молодежные стили жизни в сфере досуга образуют самостоятельную систему стратификации, которая частично совпадает с существующими социальными границами, а частично пересекается с ними. Основная линия водораздела проходит между молодежью, которая может позволить себе выбирать в «супермаркете стилей», и теми, кто лишен такой возможности.*

## Ключевые слова:

калининградская молодежь, стили жизни, досуг, потребление

## Введение

Интуитивно понятно, что по тому, как одевается человек, какую еду и напитки предпочитает, какую музыку он слушает и какие фильмы смотрит, как проводит свободное время, можно многое сказать о его финансовых возможностях, уровне образования, позиции в социальной иерархии. Связь потребительских и досуговых практик с процессами социальной дифференциации схватывает концепция стиля жизни [1 — 3].

Молодежь всегда была проблематичным, ускользающим объектом как для классического, так и для статусного анализа. С одной стороны, очевидно, что стиль жизни молодых людей несет на себе отпечаток их происхождения и среды, в которой они сформировались как личности. С другой — молодость как определенный период

**Для цитирования:** Поляков С. И. Стили жизни калининградской молодежи // Балтийский регион. 2022. Т. 14, № 3. С. 129 — 144. doi: 10.5922/2079-8555-2022-3-7.

«моратория на взросление» если не упраздняет полностью, то значительно ослабляет влияние социально-экономических факторов на выбор стратегий потребления и досугового времяпрепровождения.

Социальная и культурная динамика постмодерна вносит в эту противоречивую картину еще больше полутонов. Распространение информационных и коммуникативных структур [4], возросшая в глобальном масштабе мобильность [5], доминирование неорганизованного капитализма с акцентом на сервисные и креативные отрасли экономики [6], рост влияния культурных индустрий [7], повсеместная эстетизация повседневности [6], увеличение рисков и растущая неопределенность на всех уровнях социального бытия [8; 9] ведут к тому, что жизненные стили становятся все более индивидуализированными, в меньшей степени привязанными к социальному классу, профессиональному статусу или соседству [8; 10]. Молодежь находится во главе этого процесса, поскольку современные юноши и девушки, как правило, раньше, чем их предшественники социализируются в обществе потребления и приобретают новые потребительские компетенции [11].

Цель данной статьи — описать пространство стилей жизни современной калининградской городской молодежи и понять, в какой мере стилевая дифференциация может быть объяснена их социально-демографическими характеристиками. Эмпирической базой исследования стали результаты опроса студентов старших курсов высших учебных заведений Калининграда, проведенного специалистами Центра молодежных исследований НИУ ВШЭ Санкт-Петербург в сентябре 2021 и марте 2022 года<sup>1</sup>.

### **Стиль жизни молодежи: теоретический аспект и эмпирическое измерение**

Макс Вебер связывал стиль жизни со статусным аспектом социальной стратификации: специфический стиль жизни поддерживается и ожидается от тех, кто желает принадлежать к определенной статусной группе и иметь доступ к статусным привилегиям [1]. Согласно Пьеру Бурдьё, стиль жизни формируется исходя из габитуса, отражающего позицию субъекта в социальном пространстве, и зависит от объема и структуры капиталов этого субъекта (экономического, культурного, социального, символического) [2]. Бурдьё определяет стиль жизни как «целостное множество отличительных предпочтений, выражающих... одну и ту же выразительную интенцию» [2, с. 28–29]. Социолог особо подчеркивает реляционный характер этой категории: «Любой стиль жизни может быть по-настоящему осмыслен лишь в его соотношении с другим стилем жизни, который является его отрицанием, объективным и субъективным» [2, с. 41]. Концепция Бурдьё претендует на понимание роли культуры и образования в воспроизводстве классовой структуры общества.

Важным дополнением к упомянутым выше концепциям становятся феминистские и постколониальные исследования, подчеркивающие значимость, наряду с социальным классом и статусом, гендера, расы и этничности для формирования жизненных стилей [12–17].

В контексте социологической рефлексии о постмодерне произошла ревизия понятия «стиль жизни». Оно стало означать материальное выражение индивидуальной идентичности, которая относительно свободно избирается в «супермаркете стилей», и может быть противопоставлено традиционному «образу жизни», укорененному в классовых / профессиональных / территориальных структурах [10].

<sup>1</sup> Анкетирование проводили младший научный сотрудник ЦМИ НИУ ВШЭ Евгения Кузнер, аналитик ЦМИ НИУ ВШЭ Дмитрий Омельченко, научный сотрудник ЦМИ НИУ ВШЭ Святослав Поляков.

Согласно Этнони Гидденсу, «стиль жизни можно определить как более или менее целостный набор практик, к которым индивид прибегает не только потому, что они удовлетворяют его утилитарные нужды, но и потому, что они материализуют определенный нарратив самоидентификации [9, р. 81]. Как пишет Дэвид Чейни, «социальный феномен стиля жизни стал неотъемлемой чертой развития современности не в последнюю очередь благодаря идее о том, что стиль жизни является особенно значимым представлением поиска индивидуальной идентичности, которая также выступает определяющей характеристикой современности» [10, р. 158]. Отличительными чертами постмодернистских стилей жизни считается фрагментированность, бриколажность, сочетание прежде не сочетаемого, смешение эстетических принципов и вкусов, стирание границ между массовой и элитарной культурой [18–20].

Для изучения культурных практик молодежи категория «стиля жизни» была предложена представителями постсубкультурного подхода в качестве альтернативы понятию «субкультуры», тесно связанному со структурными неомарксистскими парадигмами культурных исследований [11; 21; 22]. По их мнению, эта категория отражает гибкую, флюидную, нестабильную индивидуалистическую природу актуальных молодежных идентичностей, основанных на потреблении и досуге, лучше, чем теоретические конструкты, которые предполагают строгую детерминированность социальной структурой. Как отмечает У. Бек, молодые люди в условиях общества риска относительно самостоятельно конструируют свои жизненные стили, приобретая навыки самообеспечения и организуя жизнь как «открытый процесс» [23]. Согласно Д. Чейни, молодежь сама создает идентичности, не опираясь на «реальные» сообщества (которые основываются на классе, соседстве, этничности или расе), а присоединяясь к стилевым сообществам, дисплеям членства в которых является чувствительное к внутренним контекстам и разделяемым смыслам использование культурных ресурсов [10]. Стивен Майлз подчеркивает, что категория стиля жизни более предпочтительна, чем категория субкультуры еще и потому, что «молодые люди используют свой стиль жизни, чтобы ориентироваться в структурно-культурных дилеммах социальных изменений» [11, р. 159].

Впрочем, идея о том, что приверженность индивидуализированным жизненным стилям постепенно превращается в универсальный принцип социальной дифференциации, подвергается обоснованной критике [24; 25]. Так, К. Робертс, рассматривая выделенные в исследованиях стилевые группы, отмечает, что все они существуют внутри традиционных социальных классов и неизменно включают представителей лишь двух классов — среднего и высшего [24]. Таким образом, признавая возможность существования феномена стиля жизни, Робертс заключает, что он ограничивается кругом относительно обеспеченных и высокообразованных людей, обладающих для его поддержания культурными и экономическими ресурсами [24].

Особенность российского академического дискурса о молодежных стилях жизни заключается в расширительном понимании этого термина. «Стиль жизни» не ограничивается исключительно практиками потребления и досуга, а представляет собой некую тотальность, отражающую взгляд на жизнь в целом [26] и проявляющую себя в самых разных ее сферах: например, при стратегиях занятости и карьерных траекториях [27–29], в выборе сексуальных и брачных сценариев [30], в планировании финансов и времени [31], в отношении к здоровью [32] и окружающей среде [33].

Эмпирические исследования повседневности российской молодежи высветили ряд важных тенденций, которые я обозначу пунктиром. Во-первых, важную роль в структурировании пространства молодежных жизненных стилей играют территориальные неравенства. Широкая дифференциация жизненных стилей наблюдается в городах с развитой потребительской и культурной инфраструктурой, которые

играют роль очагов потребления. В небольших городах и селах сильна социальная инерция: молодежь по потребительскому поведению и способу проведения досуга больше похожа на своих родителей, чем на городских сверстников, элементы городских жизненных стилей осваиваются выборочно [34—36]. Важную роль играет и региональная специфика. Например, от молодежи Калининградской области как эксклавного региона, расположенного вблизи от крупных европейских культурных и потребительских центров и к тому же обладающего собственным портом, логично ожидать более тесной интеграции в глобальную (западную) потребительскую культуру, чем от их сверстников из российской глубинки. Во-вторых, выбор стиля жизни зависит от предпочитаемой культурной стратегии, основанной на коммуникативных практиках («прогрессивные, продвинутые» / «нормальные, обычные») [26; 37]. В-третьих, гендер является не менее (а иногда и более) значимой осью формирования актуальных молодежных стилей, чем социальный класс [38; 39]. Выбор стиля происходит в тесной связи с конструированием гендерных идентичностей. Наконец, включенность молодых людей и девушек в различные культурные сцены и солидарности сама по себе может выступать важным предиктором их культурного потребления [40—42].

### **Дизайн и методы исследования**

В основу исследования лег анкетный опрос студентов высших учебных заведений Калининграда. Выборочная совокупность составила 707 респондентов. Поскольку объектом исследования в рамках проекта выступала определенная социальная группа (студенты старших курсов бакалавриата / специалитета и учащиеся магистратуры), для изучения ее особенностей в статистических показателях репрезентативная выборка в отношении генеральной совокупности была заменена целевой. В Калининграде участие в опросе приняли Балтийский федеральный университет им. И. Канта и Калининградский государственный технический университет. Случайным образом было отобрано необходимое и достаточное число студенческих групп в рамках пяти укрупненных направлений подготовки: 1) математические и естественные науки; 2) инженерное дело, технологические и технические науки; 3) науки об обществе; 4) образование и педагогические науки; 5) гуманитарные науки; 6) здравоохранение и медицинские науки. В этих группах был проведен сплошной опрос. Расчет необходимого и достаточного числа наблюдений (квот) по каждой группе производится на основе статистических данных вузов о количестве студентов бакалавриата, специалитета и магистратуры по разным направлениям. Таким образом выборка в большей степени отражает региональную специфику. Итоговое распределение респондентов по квотам представлено в таблицах 1, 2. В сравнении с запланированным в нем наблюдается перекося в сторону инженерно-технических специальностей, поэтому выборка была взвешена.

Таблица 1

**Распределение выборочной совокупности по направлениям обучения (N = 707)**

Направление обучения	По выборке	
	Чел.	%
Математика и естественно-технические науки	81	11,4
Инженерное дело, технологии и технические науки	335	47,4
Здравоохранение и медицинские науки	55	7,8
Науки об обществе	134	18,9
Образование и педагогические науки	48	6,8
Гуманитарные науки	54	7,6

Таблица 2

**Распределение выборочной совокупности  
по уровням подготовки (N = 707)**

Уровень подготовки	По выборке	
	Чел.	%
Бакалавриат	484	68,5
Магистратура	108	15,2
Специалитет	115	16,3

Из опрошенных 404 респондента (56,7 %) родом из Калининграда и Калининградской области, остальные приехали из других российских регионов, стран СНГ и дальнего зарубежья. Доля мужчин и женщин — соответственно 55,5 и 44,55 %, 531 респондент учится на бюджетном отделении, 159 получают образование на контрактной основе, 13 проходят обучение по целевому набору. У более чем половины респондентов (64,4 %) по крайней мере у одного из родителей есть высшее образование, а доля опрошенных, у которых оба родителя с высшим образованием, составляет приблизительно 35 %. Около 45 % респондентов не женаты и не замужем, но состоят в партнерских отношениях, около 39 % не состоят ни в каких отношениях, еще 6 % женаты или замужем.

Оценивая материальное положение (собственное и семейное), 38,5 % респондентов выбрали ответ «Можем(-гу) покупать новую одежду и обувь, но не всегда хватает денег на нужную бытовую технику», а 22,7 % опрошенных ответили, что могут изредка покупать одежду и обувь, но не всегда хватает денег на нужную бытовую технику. Примерно 14 % респондентов указали, что могут изредка покупать одежду и обувь, а 7,5 % отметили, что деньги уходят только на питание и предметы первой необходимости. Экстремальные значения шкалы («Денег не хватает даже на продукты питания» и «Можем(-гу) покупать все, что захочется») выбрали соответственно 2,2 и 5,4 % опрошенных. При этом 9 % затруднились дать ответ.

Общая логика исследования соответствует дизайну исследовательского проекта Я. М. Рошиной [43]: 1) конструирование пространства молодежных стилей путем выделения устойчивых комплексов досуговых и потребительских практик; 2) выделение групп молодежи, которые являются носителями этих стилей; 3) выявление социально-экономических детерминант выбора конкретного стиля жизни.

Для конструирования пространства молодежных стилей использовалась 71 переменная<sup>2</sup> о частоте посещения досуговых учреждений, регулярности и интенсивности занятий спортом, выборе хобби, пищевых привычках, предпочитаемом стиле одежды, потреблении алкогольных напитков и табачных изделий. На этом этапе моей задачей было выделение комплексов связанных между собой досуговых и потребительских практик, каждый из которых характеризует некий целостный принцип организации повседневности, взгляд на жизнь в целом. Эта задача была реализована методом факторного анализа (вращение варимакс)<sup>3</sup>, позволившим выделить латентные переменные, соответствующие жизненным стилям. Поскольку часть данных была представлена дихотомическими переменными, а другая часть порядковыми, для построения факторной модели была рассчитана полихорическая

<sup>2</sup> Мне пришлось отказаться от трех переменных: «ширпортреб» и «гламурный стиль», а также «просмотр телевизора» как предпочитаемого хобби. «Ширпортреб» и «просмотр телевизора» слишком сильно коррелировали с остальными переменными, тогда как переменная «гламурный стиль» имела уникальность, близкую к единице.

<sup>3</sup> Факторный анализ проведен в программной оболочке R. Статистические пакеты “psych”, “corrplot”, “ggplot2”.

матрица корреляции<sup>4</sup>. Содержательная интерпретация факторов была дана с опорой как на исследовательскую интуицию, так и на представленные в академической литературе данные об устойчивых жизнестилевых трендах российской молодежи.

Значения факторов были использованы в кластерном анализе (метод *k*-средних)<sup>5</sup> для выявления кластеров (групп) носителей жизненных стилей. Атрибуция стилей жизни производилась на основании максимальных значений центроид-полученных кластеров. Далее я построил таблицы сопряженности и провел серию тестов хи-квадрат и точных тестов Фишера для выявления связи членства в стилевой группе с социально-демографическими характеристиками респондентов, к которым я отнес пол, образование родителей (наличие / отсутствие высшего образования у отца и матери), резидентный статус (проживание в одиночку, с родителями, с партнером), брачный статус (в браке / в отношениях / не в браке и не в отношениях), субъективную оценку благосостояния. Значимость этих факторов для конкретных стилевых групп анализировалась путем изучения стандартизированных остатков. Чтобы выявить детерминанты, влияющие на принадлежность к стилевой группе, использовался метод регрессионного анализа. Поскольку зависимая переменная была категориальной, с пятью градациями, была применена мультиномиальная регрессия<sup>6</sup>.

## Результаты

### Стили жизни

Факторный анализ позволил выделить 10 латентных переменных, в совокупности объясняющих 38,8% дисперсии (см. приложение 1 «Модель факторных нагрузок»).

Первый фактор (спортивный) объединил пятнадцать переменных, которые характеризуют молодых людей с точки зрения частоты занятия различными видами спорта. Речь идет как о соревновательном спорте (зимний спорт, водный спорт, плавание, бег, футбол, спортивные танцы, гимнастика, авто- и мотоспорт), так и о пост-спортивных практиках (скейтинг, уличный воркаут, паркур, велосипедизм). Также в этот фактор была включена переменная «посещение сауны и бани», что является типичной рекреационной практикой для спортсменов.

Второй фактор («тусовочный») отражает интенсивность потребления алкогольных напитков и табачных изделий, а также частоту посещения пабов и дискотек. Примечательно, что фактор совместил друг с другом практически все наиболее распространенные виды алкоголя — как молодежные, вроде пива и слабоалкогольных коктейлей, так и те, которые характеризуют потребление более старших возрастных групп (водка, коньяк) [44; 45]. При этом молодые люди и девушки, которые курят сигареты, не пренебрегают кальянами и вейпами.

Третий фактор (культурно-образовательный) связан с посещением театров, библиотек, лекториев, концертов классической и популярной музыки, стендапов, креативных пространств, а также с занятиями йогой.

Четвертый фактор («домашний») объединяет различные досуговые практики, которые реализуются в пространстве дома / квартиры. Основная нагрузка здесь приходится на компьютерные игры, прослушивание музыки, просмотр сериалов и серфинг в интернете. Наряду с этим фактор включает переменные «настольные игры», «аниме», «чтение», «изучение иностранных языков» и «кодинг».

<sup>4</sup> Матрица рассчитана в программной оболочке R. Статистический пакет "polycorr".

<sup>5</sup> Кластерный анализ реализован в программной оболочке R. Статистические пакеты "cluster", "ClusterR".

<sup>6</sup> Мультиномиальная регрессия реализована в программной оболочке R. Статистический пакет "nnet".

Пятый фактор составил некоторую проблему для интерпретации. Большинство практик, которые он объединяет, в массовой культуре маркировано как женские (шопинг, бьюти-практики, кулинария). Кроме того, фактор включает путешествия и увлечения фотографией. По нашему предположению, латентная переменная характеризует приверженность стилю жизни, который популяризируется через социальную сеть «Инстаграм»\* и ее аналоги.

Шестой фактор включает стандартизированный набор наиболее распространенных практик досугового времяпрепровождения (посещение кафе, торговых центров и кинотеатров, походы на спортивные матчи), которые ассоциируются с образом жизни «нормальной» молодежи. Предпочтения в одежде (casual) также указывают на то, что мы имеем дело с неким выражением «нормальности».

Седьмой фактор («креативный») объединяет досуговые практики, связанные с творчеством, и «сделай-сам»-практиками (DIY, do it yourself) (хендмейд, дизайн, искусство, рисование, создание и ведение блогов). Все это производительный серьезный досуг [46], который требует значительных временных затрат и обладает большим потенциалом с точки зрения профессионализации.

Восьмой фактор я назвал «советским». Он выражает ориентацию на формы досугового времяпрепровождения, унаследованные от советской (доинтернетной) эпохи: военно-тактические игры, туризм, коллекционирование, садоводство и огородничество.

Девятый фактор (фитнес) очень похож на первый. Он связан с практиками поддержания себя в форме, включающими посещение фитнес-клубов, спортивных залов, с приверженностью фитнес-диете.

Десятый фактор включает всего три переменные, обозначающие следование экзотическим гастрономическим паттернам поведения: веганство, индийская кухня, халяль или кашрут. Я исключил этот фактор из дальнейшего анализа, поскольку он вносит крайне незначительный вклад в дисперсию (около 1,5 %) и характеризует очень узкий аспект стиля жизни.

## Стилевые группы

Путем кластерного анализа (метод К-средних) мы соотнесли обозначенные стили с группами молодежи, которые являются их носителями. Получилось шесть кластеров (табл. 3).

Таблица 3

Значения центроид-кластеров стилиевых групп молодежи

Фактор	Кластер					
	Нет стиля	«Тусовщики»	Хипстеры	«Молодые взрослые»	«Нормальные»	Домоседы
Спортивный	-0,1002	-0,2043	-0,3063	-0,0603	0,4095	0,1402
«Тусовочный»	-0,4917	1,3246	0,2428	-0,2859	-0,4908	0,0650
Культурно-образовательный	-0,0552	0,2233	0,4005	0,1702	-0,1843	-0,3595
«Домашний»	-0,5810	-0,4309	0,2406	0,2245	-0,3165	1,5753
«Инстаграмный»	-0,2149	-0,5149	1,6110	0,3512	-0,1073	-0,5642
«Casual»	-0,3984	-0,0637	0,2340	0,1051	0,3644	-0,0163
«Креативный»	-0,2584	0,2474	-0,6509	2,0606	-0,2918	-0,2092
Фитнес	-0,7580	0,2392	0,0274	-0,4119	1,1511	-0,2906
«Советский»	0,0108	-0,3088	0,0895	0,4441	0,0046	-0,0602

\*ПРИНАДЛЕЖИТ МЕТА–КОМПАНИИ, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОТОРОЙ ЗАПРЕЩЕНА НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.

Как и в исследовании Рощиной, самым многочисленным (25,8 %) оказался кластер, который показывает крайне низкие значения почти по всем факторам. Речь идет о молодежи, которая слабо включена в обозначенные досуговые и потребительские активности и не является носителем какого-либо стиля жизни<sup>7</sup>.

Второй кластер (16,2 %) — «тусовщики» — характеризуется частым посещением баров, клубов и дискотек (несколько раз в неделю и чаще), а также высокой интенсивностью потребления алкогольных напитков (несколько раз в месяц и чаще) и табачных изделий (несколько раз в неделю и чаще).

Третья стилевая группа демонстрирует максимальные значения сразу по двум факторам: культурно-образовательному и «инстаграмному». Возникший на их пересечении мозаичный и эклектичный стиль жизни является очень постмодернистским по своему характеру. Молодежь, включенная в эту группу, активна в потреблении продуктов как условно «высокой», так и массовой культуры, как в посещении репертуарных театров и концертов классической музыки, так и в шопинге, уходе за внешностью, путешествиях, кулинарии и фотографии. Я обозначил эту группу как хипстеров. Их доля составляет около 13 %.

Четвертый кластер характеризуется, с одной стороны, преемственностью по отношению к «родительской» досуговой культуре, а с другой — интересом к творческим и DIY-практикам<sup>8</sup>. Можно предположить, что здесь мы имеем дело с символической эмансипацией от «молодости» как периода некоей праздности и безответственности и желанием ассоциироваться со «зрелыми» формами досугового времяпрепровождения. Я назвал эту группу молодыми взрослыми. Это самая малочисленная группа, которая включает всего 10 % опрошенных.

Пятая стилевая группа (20,8 %) включает молодых людей, показавших максимальную приверженность «нормальному» стилю жизни, которую органично дополняет ориентация на спортивные и фитнес-практики, выступающие средством построения «нормальной», здоровой телесности. Молодые люди, входящие в эту группу, занимаются спортом и / или посещают объекты спортивной инфраструктуры по меньшей мере несколько раз в неделю. Обозначим их как «нормальную» молодежь. Примечательно, что в реляционном пространстве жизненных стилей группой-антагонистом для «нормальных» являются не «продвинутые» хипстеры, а «тусовщики» (минимальное значение по фактору «тусовочный стиль жизни»). Очевидно, основное различие здесь идет по принципу приверженности так называемому здоровому образу жизни или отвержению его.

Наконец, шестой кластер — «домоседы» — объединяет любителей домашнего досуга. Их доля составляет 14,7 %. При этом «домоседы» максимально дистанцируются от экстравертных форм досугового времяпрепровождения, связанных с культурно-образовательным и «инстаграмным» стилями жизни. Они демонстрируют низкую частоту посещения культурных и образовательных мероприятий, а также отсутствие интереса к путешествиям.

## **Социально-экономические и демографические характеристики**

Таблицы сопряженности переменной членства в стилевых группах с переменными пола, материального положения, брачного статуса, проживания, образования обоих родителей и происхождения показывают различия выделенных

<sup>7</sup> Я не использую предложенный Рощиной ярлык «пассивная молодежь» ввиду его отрицательной коннотации.

<sup>8</sup> Сочетание DIY-этоса и советской риторики можно встретить в реально существующих молодежных сообществах, например среди некоторых политических активистов [48] и мастеров исторической реконструкции [49].



групп по социально-экономическим и демографическим параметрам (см. приложение 2 «Социально-демографические характеристики стилевых групп»). Переменная пола релевантна для хипстеров и «домоседов». Среди хипстеров значимо преобладают женщины, что просто объяснить. Многие активности, собранные в «инстаграмном» кластере, маркированы в массовой культуре как специфически женские. Кроме того, женщины, как показывают другие исследования, наиболее активны в посещении культурных мероприятий, имеющих наибольшие нагрузки в культурно-образовательном факторе [47]. Среди приверженцев домашнего досуга, напротив, заметно доминирование мужчин. При более внимательном рассмотрении видно, что это преимущество обеспечивается за счет виртуальных активностей — компьютерных игр, серфинга в интернете и кодинга, а также чтения. Ожидаемым стало и то, что доля молодежи, оценившей свое материальное благополучие ниже всего, больше среди тех, кто не придерживается никакого стиля жизни. Среди «молодых взрослых» значимо меньше доля тех, кто продолжает жить с родителями, и это интересный результат, позволяющий предположить желание эмансипироваться от родительского контроля, и как следствие, стремление проводить как можно больше времени вне дома. Кроме того, наличие отношений / партнера / брака также отрицательно сказывается на вовлеченности в практики домашнего досуга.

В регрессионную модель были включены переменные пола, материального благосостояния, образования родителей, происхождения. Из двух сильно коррелирующих между собой переменных «С кем вы проживаете?» (один, одна / с родителями / с партнером) и «Ваше семейное положение?» (женат, замужем / неженат, не замужем, но есть партнер / неженат, не замужем и нет партнера) был выбран наиболее сильный предиктор — проживание. Доля женатых в выборке незначительна, а для выбора стиля жизни более важным является факт совместного проживания и ведения хозяйства, чем просто наличие партнера или партнерши. При этом и здесь проверяется совместное влияние предикторов проживания и пола на зависимую переменную. Исследования подтверждают, что в условиях совместного ведения домашнего хозяйства часто активизируются паттерны традиционного гендерного разделения труда. В качестве базовой группы была выбрана молодежь, которая не придерживается никакого стиля жизни; коэффициенты регрессионной модели при этом будут показывать влияние параметра на вероятность принадлежать к любой из обозначенных стилевых групп.

Результаты регрессионного анализа представлены в таблице 4. Как видно, самым сильным предиктором оказывается уровень материального благосостояния, однако его дифференцирующая функция проявляется с разной силой. У «тусовщиков», «молодых взрослых» и «нормальной молодежи» значимы все уровни по сравнению с базовым («Денег не хватает даже на продукты питания»). При этом для «молодых взрослых» значения стандартизированных коэффициентов приблизительно равны у молодежи с любым достатком, кроме базового, а в случае с «тусовщиками» и «нормальными» коэффициенты выше всего для молодых людей, которые могут покупать себе все, что захочется. Если говорить о хипстерах, то шансы попасть в эту стилевую группу выше для молодежи с максимальным уровнем благосостояния. Для «домоседов» фактор благосостояния оказался незначим. Переменная «образование родителей» не резонировала ни с одной из стилевых групп. Можно предположить, что родительская семья, оставаясь важным источником материальной поддержки, уже не является приоритетной средой формирования культурных вкусов и потребительских компетенций.

Таблица 4

**Стандартизированные коэффициенты мультиномиальной регрессии  
(псевдо-R квадрат = 0,1125,  $p < 0,05$ )**

Детерминанта	«Тусовщики»	Хипстеры	«Молодые взрослые»	«Нормальная молодежь»	«Домоседы»
(Intercept)	-13,717**	-2,325**	-14,264**	-17,850**	-1,019
Пол мужской	-1,001	-1,023	0,094	1,434**	0,703
Живу с родителями	-0,953	-0,028	0,423	0,553	-0,732
Живу с партнером	-1,114	-0,314	-0,367	0,8021	-2,038**
Все деньги уходят только на питание и предметы первой необходимости	12,248**	-0,503	13,025**	16,198**	-1,702
Можем(-гу) изредка покупать одежду и обувь	13,315**	0,608	12,616**	15,557**	0,048
Можем(-гу) покупать новую одежду и обувь, но не всегда хватает денег на нужную бытовую технику	13,449**	0,807	13,326**	16,3**	0,285
Доходов хватает на все, кроме таких крупных покупок, как автомобиль, квартира и т.п.	13,999**	1,299	13,464**	16,998*	0,716
Можем(-гу) покупать все, что захочется	15,717**	2,763**	13,726**	18,1803**	1,830
Образование одного из родителей высшее	0,087	0,717	-0,068	0,546	-0,031
Родом из Калининграда	0,716	0,943	0,669	0,0944	-0,032
Пол мужской, живу с родителями	1,175	-0,799	-1,576	-1,089	1,307
Пол мужской, живу с партнером	1,680	-15,040**	-0,034	-0,714	1,810

Примечание: \* — 5 %-ный уровень значимости, \*\* — 1 %-ный уровень значимости.

Если таблица сопряженности переменной членства в стилевых группах с переменной пола указала на значимую взаимосвязь с переменной «пол» по меньше мере двух стилевых групп — хипстеров и «домоседов», то в регрессионной модели можно наблюдать только интерактивный эффект взаимосвязи пола с проживанием: проживающие с партнерами женщины с большей вероятностью окажутся хипстерами, чем мужчины с таким же резидентным статусом. Проживание с партнером или без него стало единственным значимым фактором для «домоседов». У «одиночек» больше шансов попасть в эту стилевую группу.

### **Заключение и основные выводы**

Таким образом, пространство жизненных стилей калининградской молодежи достаточно диверсифицировано, что соответствует культурной и потребительской динамике больших городов и мегаполисов. Были выделены девять основных жизненных стилей, объясняющих около 40 % досугового и потребительского разнообразия: спортивный, «тусовочный», культурно-образовательный, «домашний», «советский», «креативный», фитнес, «инстаграмный», «casual». Также были определены группы молодежи, которые являются носителями одного или нескольких

стилей: «тусовщики» — «тусовочный», «молодые взрослые» — «советский» и «креативный», «нормальная молодежь» — «casual», спортивный, фитнес, хипстеры — культурно-образовательный и «инстаграмный». Значимыми для дифференциации жизненных стилей оказались факторы материального благосостояния и совместного проживания, в то время как фактор родительского образования в построенной модели оказался нерелевантным. Четверть молодежи не придерживается определенного стиля жизни и демонстрирует низкую активность и в потреблении, и в досуговом времяпрепровождении. Ядро этой группы — молодые люди и девушки, живущие за чертой бедности.

Также удалось выделить две важных оси, структурирующих реляционное пространство молодежных жизненных стилей. Во-первых, это приверженность здоровому образу жизни, которая служит линией водораздела между «нормальной молодежью» и «тусовщиками» — двумя стилями, которые слабо дифференцированы с точки зрения дохода. Во-вторых, это различие между теми формами досуга, которые реализуются в публичном пространстве, и «домашним» времяпрепровождением. На одном полюсе оказываются хипстеры и «тусовщики», на другом — «домоседы».

В случае с «домоседами» интересен эффект пересечения различных социальных и демографических категорий. С одной стороны, «домашний» досуг самый экономичный, не требующий значительных финансовых вложений и поэтому открытый для молодежи с любым достатком. Необходимый ресурс — наличие свободного времени как такового. Очевидно, что в ситуации совместного проживания (и ведения общего хозяйства) свободного времени у молодых людей становится меньше. В то же время, как показывают описательные статистики, этот стиль характеризует потребительское и досуговое поведение мужчин. Можно осторожно предположить, что это свидетельствует о гендерной диспропорции в распределении домашних обязанностей, что является нормой для российских домохозяйств [50].

*Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта Центра молодежных исследований НИУ ВШЭ Санкт-Петербург «Выбор жизненных стратегий талантливой молодежью и ее роль в повышении конкурентоспособности российских регионов как ответ на глобальные вызовы “утечки мозгов”» (грант № 21-18-00122).*

## **Список литературы**

1. Вебер, М. 1994, Основные понятия стратификации, *Социологические исследования*, № 5, с. 147—157.
2. Бурдые, П. 2005, Различение: социальная критика суждения, *Экономическая социология*, т. 6, №3, с. 25—48.
3. Веблен, Т. 2016, *Теория праздного класса*, М., Либроком.
4. Кастельс, М. 2000, *Информационная эпоха: экономика, общество и культура*, М., Издательский дом ГУ ВШЭ.
5. Урри, Дж. 2012, *Мобильности*, М., Праксис.
6. Lash, S., Urry, J. 1994, *Economies of Signs and Space*, London, Sage. doi: <https://dx.doi.org/10.4135/9781446280539>.
7. Хезмондалш, Д. 2014, *Культурные индустрии*, М., Издательский дом ГУ ВШЭ.
8. Бек, У. 2000, *Общество риска: На пути к другому модерну*, М., Прогресс-Традиция.
9. Giddens, A. 1991, *Modernity and self-identity: Self and society in the late modern age*, Stanford university press.
10. Chaney, D. 1996, *Lifestyles*, London, Routledge. doi: <https://doi.org/10.4324/9780203137468>.

11. Miles, S. 2000, *Youth Lifestyles in a Changing World*, Open University Press.
12. McRobbie, A. 2004, Post-feminism and popular culture, *Feminist media studies*, vol. 4, №3, p. 255—264. doi: <https://doi.org/10.1080/1468077042000309937>.
13. Клепп, И., Сторм-Матисен, А. 2011, Мода сквозь призму возраста. Взгляд девочек-подростков и взрослых женщин на то, как одежда отражает их статус, *Теория моды. Одежда. Тело. Культура*, №20, с. 31—61.
14. Lincoln, S. 2013, Media and bedroom culture. In: *The Routledge international handbook of children, adolescents and media*, Routledge, p. 341—347.
15. Nayak, A. 2016, *Race, place and globalization: Youth cultures in a changing world*, Bloomsbury Publishing.
16. Nayak, A., Kehily, M. J. 2013, *Gender, youth and culture: Young masculinities and femininities*, Macmillan International Higher Education.
17. Hollingworth, S. 2015, Performances of social class, race and gender through youth subculture: Putting structure back in to youth subcultural studies, *Journal of Youth Studies*, vol. 18, №10, p. 1237—1256. doi: <https://doi.org/10.1080/13676261.2015.1039968>.
18. Featherstone, M. 2007, *Consumer culture and postmodernism*, London, Sage. doi: <https://dx.doi.org/10.4135/9781446212424>.
19. Seabrook, J. 2000, *Nobrow: The culture of marketing, the marketing of culture*, Vintage.
20. Guțu, D. 2017, ‘Casuals’ culture. Bricolage and consumerism in football supporters’ culture. Case study—Dinamo Bucharest Ultras, *Soccer & Society*, vol. 18, №7, p. 914—936. doi: <https://doi.org/10.1080/14660970.2015.1067794>.
21. Bennett, A. 1999, Subcultures or neo-tribes? Rethinking the relationship between youth, style and musical taste, *Sociology*, vol. 33, №3, p. 599—617. doi: <https://doi.org/10.1177/S0038038599000371>.
22. Shields, R. 2003, *Lifestyle Shopping: The Subject of Consumption*, London, Routledge.
23. Beck, U. 1994, *Reflexive modernization: Politics, tradition and aesthetics in the modern social order*, Stanford University Press.
24. Roberts, K. 2006, *Leisure in contemporary society*, Wallingford, Oxon, CABI Publishing.
25. Shildrick, T., MacDonald, R. 2006, In defence of subculture: young people, leisure and social divisions, *Journal of youth studies*, vol. 9, №2, p. 125—140. doi: <https://doi.org/10.1080/13676260600635599>.
26. Омельченко, Е.Л. 2013, Солидарности и культурные практики российской молодежи начала XXI века: теоретический контекст, *Социологические исследования*, №10, с. 52—61.
27. Омельченко, Е.Л. 2002, Стилевые стратегии занятости и их гендерные особенности, *Социологические исследования*, №11, с. 36—47.
28. Харченко, В.С. 2014, Образ жизни российских фрилансеров: социологический анализ, *Социологические исследования*, №4, с. 54—63.
29. Poliakov, S. 2021, Careers and lifestyles of young cultural entrepreneurs in St. Petersburg, *Creative Industries Journal*, vol. 14, №3, p. 269—282. doi: <https://doi.org/10.1080/17510694.2020.1848267>.
30. Ильин, В.И. 2007, *Быт и бытие молодежи российского мегаполиса. Социальная структура повседневности общества потребления*, СПб, Интерсоцис.
31. Omelchenko, E., Andreeva, Y., Arif, E., Polyakov, S. 2016, Where Do Time and all of the Money go? Consumer Strategies of Urban Youth in Modern Russia, *Economics & Sociology*, vol. 9, №4, p. 176—190. doi: <https://doi.org/10.14254/2071-789X.2016/9-4/11>.
32. Рощина, Я.М. 2016, Стиль жизни в отношении здоровья: имеет ли значение социальное неравенство? *Экономическая социология*, т. 17, №3, с. 13—36. doi: <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2016-3-13-36>.
33. Журавлева, Л.А., Зарубина, Е.В., Кружкова, Т.И., Фатеева, Н.Б. 2019, Экологическое поведение как стиль жизни, *Образование и право*, №2, с. 281—286.
34. Omelchenko, E., Poliakov, S. 2018, Everyday consumption of Russian youth in small towns and villages, *Sociologia Ruralis*, vol. 58, №3, p. 644—664. doi: <https://doi.org/10.1111/soru.12197>.
35. Радаев, В.В. 2019, Городские и сельские миллениалы: неоднородность нового поколения, *Вопросы экономики*, №7, с. 5—28. doi: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-7-5-28>.

36. Трофимова, И. Н. 2019, Культурно-образовательный досуг как форма социального участия населения малых городов России. В: Маркин, В. В., Черныш, М. Ф. (ред.), *Малые города в социальном пространстве России*, с. 156—173. doi:10.19181/monogr.978-5-89697-323-2.2019.
37. Pilkington, H., Omelchenko, E., Flynn, M. et al. 2002, *Looking West? Cultural Globalization and Russian Youth Cultures*, University Park Pennsylvania, The Pennsylvania State University Press.
38. Костерина, И. В. 2008, Конструкты и практики маскулинности в провинциальном городе: габитус нормальных пацанов, *Журнал социологии и социальной антропологии*, т. 11, № 4, с. 122—140.
39. Poliakov, S., Maiboroda, A. 2021, Understanding the Gender Dimensions of Youth Cultural Scenes: A Youth Ethnography. In: Omelchenko, E. (ed.), *Youth in Putin's Russia*, Palgrave Macmillan, Cham, p. 91—136. doi: [https://doi.org/10.1007/978-3-030-82954-4\\_3](https://doi.org/10.1007/978-3-030-82954-4_3).
40. Omelchenko, E. 2021, Twenty Five Years of Youth Studies: Global Names—Local Trends. In: Omelchenko, E. (ed.), *Youth in Putin's Russia*, Palgrave Macmillan, Cham, p. 1—65. doi: [https://doi.org/10.1007/978-3-030-82954-4\\_1](https://doi.org/10.1007/978-3-030-82954-4_1).
41. Кулева, М., Субботина, Ю. 2020, Культурные предпочтения современной российской молодежи (на примере городов: Санкт-Петербург, Ульяновск, Казань, Махачкала). В: Омелченко, Е. (ред.), *Молодежь в городе: культуры, сцены и солидарности*, М., Издательский дом Высшей школы экономики, с. 198—226. doi: [https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2128-1\\_198-226](https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2128-1_198-226).
42. Ариф, Э. М. 2019, Потребление в среде молодых активистов, *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, № 1, с. 66—83. doi: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.1.04>.
43. Рощина, Я. М. 2007, Дифференциация стилей жизни россиян в поле досуга, *Экономическая социология*, т. 8, № 4, с. 23—42.
44. Рощина, Я. М., Мартыненко, П. А. 2014, Структура потребления алкоголя как индикатор социальной группы в современных российских городах, *Экономическая социология*, т. 15, № 1, с. 20—42.
45. Радаев, В. В., Котельникова, З. В. 2016, Изменение структуры потребления алкоголя в контексте государственной алкогольной политики в России, *Экономическая политика*, т. 11, № 5, с. 92—117. doi: <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2016-5-05>.
46. Stebbins, R. A. 1982, Serious leisure: A conceptual statement, *Pacific sociological review*, vol. 25, № 2, p. 251—272. doi: <https://doi.org/10.2307/1388726>.
47. Скокова, Л. Г. 2014, Современные исследования культурных практик в контексте социальной и культурной стратификации, *Социологический альманах*, № 5, с. 232—243.
48. Ариф, Э. М. 2019, Культурные репертуары питания в молодежном вег-сообществе (кейс Санкт-Петербурга), *Социологические исследования*, № 10, с. 119—126. doi: <https://doi.org/10.31857/S013216250007096-8>.
49. Поляков, С. И. 2017, Мастер исторической реконструкции на сцене и в жизни, *Этнографическое обозрение*, № 4, с. 174—189.
50. Калабихина, И. Е., Шайкенова, Ж. К. 2019, Затраты времени на домашнюю работу: детерминанты гендерного неравенства, *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, № 3, с. 261—285. doi: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.3.15>.

## Об авторе

**Святослав Игоревич Поляков**, научный сотрудник, Центр молодежных исследований, НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: [spoliakov@hse.ru](mailto:spoliakov@hse.ru)

<https://orcid.org/0000-0003-0652-6364>



## LIFESTYLES OF KALININGRAD YOUTH

S. I. Poliakov

National Research University  
Higher School of Economics, St. Petersburg  
16 Soyuz Pechatnikov ul., St. Petersburg, 190121, Russia

Received 02.06.2022  
doi: 10.5922/2079-8555-2022-3-7  
© Poliakov, S. I., 2022

*Based on an analysis of leisure and consumer practices of students of two leading Kaliningrad universities, this paper attempts to reconstruct the actual space of Kaliningrad youth lifestyles, as well as to identify and describe groups following these lifestyles in socio-economic and demographic terms. Five style groups are identified: the party people who prefer to spend their free time in bars and clubs; the hipsters who frequent theatres and lecture halls, whilst being staunch upholders of the consumerist culture promoted via social media; the 'normal' young people choosing physical exercise and standard weekend leisure activities; the young adults combining Soviet leisure heritage with creative and do-it-yourself practices; the homebodies opting for stay-at-home entertainment. Drawing on the discussion about the significance of lifestyle for modern society, the author concludes that lifestyles do not replace the usual socio-economic stratification markers, and their capacity to differentiate youth groups with unequal access to economic and cultural resources of youth is also limited. Youth leisure lifestyles form an independent system of stratification, which partially coincides with existing social boundaries and partially overlaps with them. The main dividing line runs between the young people who can afford to choose from a 'supermarket of styles' and those deprived of such an opportunity.*

### Keywords:

Kaliningrad youth, lifestyles, leisure, consumption

### References

1. Weber, M. 1994, Basic concepts of stratification, *Sotsiologicheskie Issledovaniia*, № 5, p. 147—157 (in Russ.).
2. Bourdieu, P. 2005, Discrimination: A Social Critique of Judgment, *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic sociology], vol. 6, № 3, p. 25—48 (in Russ.).
3. Veblen, T. 2016, *The Theory of the Leisure Class*.
4. Castells, M. 2000, *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [The Information Age: Economics, Society and Culture], Moscow (in Russ.).
5. Urry, J. 2007, *Mobilities*.
6. Lash, S., Urry, J. 1994, *Economies of Signes and Space*, London, Sage. doi: <https://dx.doi.org/10.4135/9781446280539> (in Russ.).
7. Hesmondhalgh, D. 2018, *Hesmondhalgh*, SAGE Publications Ltd.
8. Beck, U. 1992, *Risk Society: Towards a New Modernity (Published in association with Theory, Culture & Society)*, 1st Ed.
9. Giddens, A. 1991, *Modernity and self-identity: Self and society in the late modern age*, Stanford university press.
10. Chaney, D. 1996, *Lifestyles*, London, Routledge. doi: <https://doi.org/10.4324/9780203137468>.
11. Miles, S. 2000, *Youth Lifestyles in a Changing World*, Open University Press.
12. McRobbie, A. 2004, Post-feminism and popular culture, *Feminist media studies*, vol. 4, № 3, p. 255—264. doi: <https://doi.org/10.1080/1468077042000309937>.

13. Klepp, I., Storm-Mathisen, A. 2011, Fashion through the lens of age. Adolescent and adult women's perspective on how clothing reflects their status, *Teoriya mody. Odezhda. Telo. Kul'tura* [Fashion theory. Clothing. Body. Culture], № 20, p. 31—61 (in Russ.).
14. Lincoln, S. 2013, Media and bedroom culture. In: *The Routledge international handbook of children, adolescents and media*, Routledge, p. 341—347.
15. Nayak, A. 2016, *Race, place and globalization: Youth cultures in a changing world*, Bloomsbury Publishing.
16. Nayak, A., Kehily, M. J. 2013, *Gender, youth and culture: Young masculinities and femininities*, Macmillan International Higher Education.
17. Hollingworth, S. 2015, Performances of social class, race and gender through youth subculture: Putting structure back in to youth subcultural studies, *Journal of Youth Studies*, vol. 18, № 10, p. 1237—1256. doi: <https://doi.org/10.1080/13676261.2015.1039968>.
18. Featherstone, M. 2007, *Consumer culture and postmodernism*, London, Sage. doi:<https://dx.doi.org/10.4135/9781446212424>.
19. Seabrook, J. 2000, *Nobrow: The culture of marketing, the marketing of culture*, Vintage.
20. Guțu, D. 2017, 'Casuals' culture. Bricolage and consumerism in football supporters' culture. Case study—Dinamo Bucharest Ultras, *Soccer & Society*, vol. 18, № 7, p. 914—936. doi: <https://doi.org/10.1080/14660970.2015.1067794>.
21. Bennett, A. 1999, Subcultures or neo-tribes? Rethinking the relationship between youth, style and musical taste, *Sociology*, vol. 33, № 3, p. 599—617. doi: <https://doi.org/10.1177/S0038038599000371>.
22. Shields, R. 2003, *Lifestyle Shopping: The Subject of Consumption*, London, Routledge.
23. Beck, U. 1994, *Reflexive modernization: Politics, tradition and aesthetics in the modern social order*, Stanford University Press.
24. Roberts, K. 2006, *Leisure in contemporary society*, Wallingford, Oxon, CABI Publishing.
25. Shildrick, T., MacDonald, R. 2006, In defence of subculture: young people, leisure and social divisions, *Journal of youth studies*, vol. 9, № 2, p. 125—140. doi: <https://doi.org/10.1080/13676260600635599>.
26. Omelchenko, E. L. 2013, Solidarity and Cultural Practices of Russian Youth at the Beginning of the 21st Century: Theoretical Context, *Sotsiologicheskie issled.*, № 10, p. 52—61 (in Russ.).
27. Omelchenko, E. L. 2002, Employment Style Strategies and Their Gender Features, *Sotsiologicheskie Issled*, № 11, p. 36—47 (in Russ.).
28. Kharchenko, V. S. 2014, The Lifestyle of Russian Freelancers: A Sociological Analysis, *Sotsiologicheskie Issled*, № 4, p. 54—63 (in Russ.).
29. Poliakov, S. 2021, Careers and lifestyles of young cultural entrepreneurs in St. Petersburg, *Creative Industries Journal*, vol. 14, № 3, p. 269—282. doi: <https://doi.org/10.1080/17510694.2020.1848267>.
30. Il'in, V. I. 2007, *Byt i bytie molodezhi rossiiskogo megapolisa. Sotsial'naya strukturatsiya povsednevnosti obshchestva potrebleniya* [Life and being of the youth of the Russian metropolis. Social structuring of everyday consumer society], St. Petersburg, Intersocis, (in Russ.).
31. Omelchenko, E., Andreeva, Y., Arif, E., Polyakov, S. 2016, Where Do Time and all of the Money go? Consumer Strategies of Urban Youth in Modern Russia, *Economics & Sociology*, vol. 9, № 4, p. 176—190. doi: <https://doi.org/10.14254/2071-789X.2016/9-4/11>.
32. Roshchina, Ya. M. 2016, Healthy Lifestyle: Does Social Inequality Matter? *Ekonomicheskaya Sotsiologiya = Journal of Economic Sociology*, vol. 17, № 3, p. 13—36. doi: <https://doi.org/10.17523/1726-3247-2016-3-13-36> (in Russ.).
33. Zhuravleva, L. A., Zarubina, E. V., Kruzhkova, T. I., Fateeva, N. B. 2019, Environmental behavior as a lifestyle, *Obrazovanie i pravo* [Education and Law], № 2, p. 281—286 (in Russ.).
34. Omelchenko, E., Poliakov, S. 2018, Everyday consumption of Russian youth in small towns and villages, *Sociologia Ruralis*, vol. 58, № 3, p. 644—664. doi: <https://doi.org/10.1111/soru.12197>.
35. Radaev, V. V. 2019, Urban and rural millennials: Heterogeneity of the young adult generation, *Voprosy Ekonomiki*, № 7, p. 5—28. doi: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-7-5-28> (in Russ.).

36. Trofimova, I. N. 2019, Cultural and educational leisure as a form of social participation of the population of small towns in Russia. In: Markin, V. V., Chernysh, M. F. (ed.), *Malye goroda v sotsial'nom prostranstve Rossii* [Small towns in the social space of Russia], p. 156–173. doi: 10.19181/monogr.978-5-89697-323-2.2019 (in Russ.).
37. Pilkington, H., Omelchenko, E., Flynn, M. et al. 2002, *Looking West? Cultural Globalization and Russian Youth Cultures*, University Park Pennsylvania, The Pennsylvania State University Press.
38. Kosterina, I. V. 2008, Constructs and practices of masculinity in a provincial town: the habitus of normal boys, *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [THE JOURNAL OF SOCIOLOGY AND SOCIAL ANTHROPOLOGY], vol. 11, № 4, p. 122–140 (in Russ.).
39. Poliakov, S., Maiboroda, A. 2021, Understanding the Gender Dimensions of Youth Cultural Scenes: A Youth Ethnography. In: Omelchenko, E. (ed.), *Youth in Putin's Russia*, Palgrave Macmillan, Cham, p. 91–136. doi: [https://doi.org/10.1007/978-3-030-82954-4\\_3](https://doi.org/10.1007/978-3-030-82954-4_3).
40. Omelchenko, E. 2021, Twenty Five Years of Youth Studies: Global Names—Local Trends. In: Omelchenko E. (ed.), *Youth in Putin's Russia*, Palgrave Macmillan, Cham, p. 1–65. doi: [https://doi.org/10.1007/978-3-030-82954-4\\_1](https://doi.org/10.1007/978-3-030-82954-4_1).
41. Kuleva, M., Subbotina, Y. 2020, Cultural preferences of modern Russian youth (on the example of cities: St. Petersburg, Ulyanovsk, Kazan, Makhachkala). In: Omelchenko, E. (red.), *Molodezh' v gorode: kul'tury, stseny i solidarnosti* [Youth in the city: cultures, scenes and solidarity], M., Higher School of Economics Publishing House, p. 198–226. doi: [https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2128-1\\_198-226](https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2128-1_198-226) (in Russ.).
42. Arif, E. M. 2019, Consumption among young activists, *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal (Public Opinion Monitoring)*, № 1, p. 66–83. doi: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.1.04> (in Russ.).
43. Roshchina, Ya. M. 2007, Differentiation of lifestyles of Russians in the field of leisure, *Ekonomicheskaya Sotsiologiya = Journal of Economic Sociology*, vol. 8, № 4, p. 23–42 (in Russ.).
44. Roshchina, Ya. M., Martynenko, P. A. 2014, The structure of alcohol consumption as an indicator of a social group in modern Russian cities, *Ekonomicheskaya Sotsiologiya = Journal of Economic Sociology*, vol. 15, № 1, p. 20–42 (in Russ.).
45. Radaev, V., Kotelnikova, Z. 2016, Changes in alcohol Consumption and Governmental alcohol Policy in Russia, *Economic policy*, vol. 11, № 5, p. 92–117. doi: <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2016-5-05> (in Russ.).
46. Stebbins, R. A. 1982, Serious leisure: A conceptual statement, *Pacific sociological review*, vol. 25, № 2, p. 251–272. doi: <https://doi.org/10.2307/1388726>.
47. Skokova, L. G. 2014, Modern studies of cultural practices in the context of social and cultural stratification, *Sotsiologicheskii al'manakh* [Sociological almanac], № 5, p. 232–243 (in Russ.).
48. Arif, E. M. 2019, Cultural food repertoires in the youth veg community (the case of St. Petersburg), *Sotsiologicheskie issled.*, № 10, p. 119–126. doi: <https://doi.org/10.31857/S013216250007096-8> (in Russ.).
49. Polyakov, S. I. 2017, Master of historical reconstruction on stage and in life, *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], № 4, p. 174–189 (in Russ.).
50. Kalabikhina, I. Ye., Shaikenova, Zh. K. 2019, Time spent on household work: the determinants of gender inequality, *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal (Public Opinion Monitoring)*, № 3, p. 261–285. doi: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.3.15> (in Russ.).

## The author

**Sviatoslav I. Poliakov**, M.A., Research Fellow, Center for Youth Research, National Research University Higher School of Economics, St Petersburg, Russia.

E-mail: [spoliakov@hse.ru](mailto:spoliakov@hse.ru)

<https://orcid.org/0000-0003-0652-6364>





# ПРОЦЕССЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В ИСТОРИИ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ: ОБЩЕРОССИЙСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ И РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА

**Д. В. Манкевич**

Балтийский федеральный университет им. И. Канта,  
236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

Поступила в редакцию: 10.09.2021 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2022-3-8

© Манкевич Д. В., 2022

*Цель статьи — выявить основные тенденции и особенности демографического развития в Калининградской области в исторической ретроспективе, оценить степень соответствия его регионального варианта ключевым положениям общероссийской модели, сложившейся в современной историографии. Эмпирическую базу исследования составили комплекс демографической статистики, представленный как опубликованными, так и архивными материалами, теоретической основой стали концепции демографического и эпидемиологического переходов. В качестве основных методов использовались анализ статистики и историографии, сравнительно-исторический метод. Ведущую роль в возникновении региональной специфики демографического развития сыграл миграционный фактор. Основу постоянного населения Калининградской области составили переселенцы из регионов СССР, еще в довоенный период глубоко вовлеченных в процессы демографической модернизации. Половозрастные характеристики переселенцев способствовали длительному протеканию в области послевоенной демографической компенсации, сохранению более высоких в сравнении со средними для РСФСР показателей рождаемости и брачности. Во второй половине 1950-х годов региональные показатели рождаемости сблизились со среднероссийскими, с конца 1970-х годов в области установился более низкий, чем в среднем по стране, уровень рождаемости. Общие коэффициенты смертности оставались значительно ниже среднероссийских вплоть до середины 1990-х годов. Главные направления трансформации региональной модели воспроизводства населения как в советский период, так и на рубеже XX—XXI веков в целом соответствовали общенациональным тенденциям, что позволяет признать предложенную отечественными исследователями концепцию демографического развития в России актуальной и для эксклавной Калининградской области.*

## **Ключевые слова:**

демографический переход, Калининградская область, эпидемиологический переход, рождаемость, смертность

## **Введение**

За 75 лет истории Калининградской области население региона преодолело путь, определивший его современный облик. Основное содержание этого пути составили процессы развития, затронувшие сферу воспроизводства населения, связанные с ней структуры и типы социального поведения. Демографическое развитие сохраняет устойчивую привлекательность как объект научного исследования. Свя-

**Для цитирования:** Манкевич Д. В. Процессы демографического развития в истории Калининградской области: общероссийские тенденции и региональная специфика // Балтийский регион. 2022. Т. 14, № 3. С. 145—164. doi: 10.5922/2079-8555-2022-3-8.

занные с ним явления и тенденции изучаются (реконструируются) на глобальном, региональном и локальном уровнях, с привлечением методического арсенала целого комплекса социальных и гуманитарных наук, в том числе исторической.

В отечественной историографии и демографии повышенное внимание уделяется определению особенностей эволюции демографических структур и процессов в пореформенный и советский периоды, а также изучению социальной политики советской власти и демографических катастроф первой половины XX века. Наряду с обобщающими, концептуальными работами, одним из факторов появления которых стала «архивная революция» 1990-х годов [1—4], за последние десятилетия было подготовлено немало интересных исследований, посвященных истории населения отдельных макрорегионов или административных субъектов России [5—9]. Выявление особенностей трансформации процессов воспроизводства и изменений миграционного движения населения на уровне отдельных регионов страны, с учетом обширности российской территории, сложности ее социально-культурного и экономического пространства, исторического пути, имеет несомненное научное значение и непреходящую актуальность.

Демографическая история Калининградской области на сегодняшний день исследована весьма неравномерно. Формированию населения региона в первые послевоенные годы посвящен целый ряд научных работ, в которых реконструированы процессы заселения области советскими людьми, депортации немцев, а также основные тенденции социального развития второй половины 1940—1950-х годов. Несмотря на безусловное сохранение перспектив для дальнейших исследований именно данный период изучен наиболее полно [10—14]. За истекшие десять лет была создана основа для дальнейшей разработки истории социально-демографических процессов 1960—1980-х годов, обладающих устойчивой репутацией наименее изученного этапа областной истории [15; 16]. Миграционные и демографические процессы постсоветского периода, особенно первых десятилетий XXI века, неоднократно становились предметом внимания исследователей, преимущественно географов и социологов [17—20]. Для историков данная проблематика, как и «современная» история области в целом, всегда находилась на периферии научного поиска.

Анализ историко-демографической литературы свидетельствует о слабой включенности, а в большинстве случаев — о фактическом отсутствии материалов по истории населения Калининградской области в обобщающих и специальных работах, посвященных общегосударственным демографическим процессам XX века: регион обычно кратко упоминается только в контексте рассмотрения миграций второй половины 1940-х — начала 1950-х годов. Комплексная реконструкция социально-демографического прошлого самой западной из российских областей пока остается уделом будущего, полноценная история населения региона еще не написана.

Выполнение этой важной задачи возможно только в рамках междисциплинарного подхода. Формат статьи позволяет лишь наметить некоторые возможные контуры обобщенной исторической концепции одного из аспектов демографического прошлого области — трансформации процессов воспроизводства.

Цель статьи — выявить основные тенденции и специфику протекания процессов воспроизводства населения на территории области во второй половине XX — начале XXI века, определить возможность применения общероссийской модели демографического развития, сложившейся в современной историографии, для характеристики его регионального (калининградского) варианта. Статья основана на использовании как опубликованных статистических данных, так и архивных материалов, на применении элементов статистического анализа и историографического метода. Задача выявления тенденций демографического развития в регионе в исторической ретроспективе предполагает установление динамики основных со-

ставляющих воспроизводства населения — рождаемости и смертности, а также их структуры, использования соответствующих относительных показателей. Определение региональной специфики требует применения сравнительно-исторического подхода, сопоставления областных показателей и тенденций с общероссийскими, а также с показателями других, типологически близких регионов страны.

### **Теоретические аспекты исследования**

При анализе и объяснении демографических процессов Новейшего времени широко применяется концепция демографического перехода (революции). Начало ее формирования обычно связывают с обобщениями А. Ландри и У. Томпсона, а решающий этап — с деятельностью Ф. Ноутстайна<sup>1</sup> и К. Дэвиса, впервые использовавшего в названии одной из своих статей термин «мировой демографический переход» [21; 22, с. 4—5]. Концепция, рождение которой пришлось на 1940-е годы, была нацелена на объяснение изменений в демографической динамике западных стран. В своем «классическом» виде она описывала процесс трансформации воспроизводства как последовательную смену четырех стадий: высоких рождаемости и смертности, резкого сокращения смертности при сохранении высокой рождаемости (и, соответственно, ускоренного роста численности населения), стабилизации показателей смертности и медленного сокращения рождаемости и, наконец, установления нового равновесия низкой смертности и сократившейся рождаемости. Позднее широкое распространение получила схема Д. Блэйкера, включавшая пять этапов, в том числе «фазу упадка» — переход к естественной убыли населения [22, с. 8]. Во второй половине 1960-х — 1970-е годы теоретический арсенал демографии был дополнен концепцией «эпидемиологического перехода» А. Омрана, направленной на объяснение процесса эволюции (модернизации) смертности. В рамках нового подхода движение к современной модели смертности рассматривалось как следствие перестройки системы причин смерти, патологической системы и возрастной структуры смертности [23, с. 177—179]. Анализу исторической роли миграционного фактора в глобальных процессах демографической трансформации были посвящены работы американского географа В. Зелинского, предложившего концепцию «перехода в мобильности» [24, р. 232—246]. Во второй половине 1980-х годов состоялась рождение концепции «второго демографического перехода», авторы которой (Р. Лестег и Д. Ван де Каа) объясняли падение уровня рождаемости ниже порога простого воспроизводства, наблюдавшееся в некоторых развитых странах, перестройкой системы ценностей, развитием толерантности к индивидуальному выбору жизненной стратегии, ослаблением связи между браком и деторождением [25, р. 4—8, 32—41; 26]. Оживленные дискуссии породила концепция «третьего демографического перехода» Д. Коулмена, сконцентрированная на процессе замещения коренного населения ряда европейских стран мигрантами с иным господствующим типом духовной культуры [27, с. 78; 28].

### **Особенности российского варианта демографического перехода в современной историографии**

Концепция демографического перехода (революции), в разработку которой внесли свой вклад и отечественные исследователи [3; 29], активно используется в российской историографии при характеристике процессов социальной модернизации российского общества [2; 4; 30]. К особенностям процессов демографической трансформации российского общества обычно относят их более позднее, в сравнении со

<sup>1</sup> К 30-летию со дня смерти Фрэнка Ноутстайна, 2013, *Демоскоп Weekly*, № 575, URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0575/nauka01.php> (дата обращения: 15.07.2021).

странами Западной Европы, начало (рубеж XIX—XX веков), прерывной характер (следствие социальных катастроф первой половины XX века), ускоренное развитие в условиях деформации возрастно-половой структуры, длительное преобладание внешних (экзогенных) факторов эволюции демографических процессов. Специфика отечественного варианта заключалась также в большой длительности первой фазы «демографической революции» (снижение смертности при сохранении высокой рождаемости) вследствие «запаздывания» эпидемиологического перехода, начало которого неоднократно «срывалось» из-за разрушительных последствий мировых и гражданской войн, голода 1932—1933 годов и 1946—1947 годов, а также в ускоренном снижении рождаемости, которое разворачивалось «досрочно» и сокращало масштабы демографических компенсаций после очередной социальной катастрофы [6, с. 140—43; 30, с. 287—306]. Ускорение процесса перехода к новому относительному равновесию смертности и рождаемости исследователи относят к послевоенному периоду, а его завершение — к середине — второй половине 1970-х годов. К этому времени показатели рождаемости в России (РСФСР) приблизились к уровню простого воспроизводства населения, завершилась трансформация структуры смертности, произошел переход к преобладанию нуклеарной семьи с 1—2 детьми. Социально-культурная модернизация советского общества и ослабление государственного контроля над сферой воспроизводства создавали предпосылки для дальнейших изменений, попытка объяснения которых была предпринята авторами концепции «второго демографического перехода». Старт нового этапа интенсивной эволюции системы воспроизводства, по мнению ряда исследователей, был прерван кризисом 1990-х годов [3, с. 539—541; 4, с. 219—223]. Наряду с процессами депопуляции и началом «контрацептивной революции» [31] последнее десятилетие XX века ознаменовалось превращением иммиграции в заметный фактор, противодействующий естественной убыли населения. По мере преодоления наиболее острых кризисных явлений в экономике, смены поколений, изменений в социальной политике и половозрастной структуре населения наметилось нарастание признаков перестройки процессов воспроизводства населения, некоторые из которых близки к описываемым концепцией второго демографического перехода [32; 33].

Имеющиеся в нашем распоряжении статистические данные и результаты проведенных ранее исследований позволяют предложить предварительное решение вопроса о соответствии калининградского регионального варианта демографического развития представленной выше историографической концепции.

### **Региональные факторы демографического развития Калининградской области в период ее становления**

Демографическая ситуация на территории молодой российской области в первые послевоенные годы определялась интенсивными миграционными процессами и последствиями недавней войны. В результате массового переселения советских граждан и депортации оставшихся в регионе немцев здесь произошла полная смена населения, началось формирование нового социума с иной моделью репродуктивного и матримониального поведения.

Переселенческие потоки направлялись в область преимущественно из регионов российского Центра и Северо-Запада, а также Белорусской ССР [33, с. 133—140; 34]. Наличие несомненной специфики, связанной с культурными традициями и социально-экономической историей каждого из регионов выхода переселенцев, нивелировалось на новой земле смешанным расселением (несмотря на соблюдение в ряде случаев принципа землячества), интенсивными бытовыми контактами, институтами и механизмами советской государственно-политической системы и соответ-

ствующей экономической модели [35, с. 70—78]. Значительная часть переселенцев прибыла в край из регионов, сильно пострадавших от последствий боевых действий и оккупации в годы Великой Отечественной войны. Большинство прибывших происходило из областей и национальных автономий, глубоко вовлеченных в процессы демографической модернизации.

Миграционный прирост до середины 1950-х годов оставался основным фактором увеличения численности населения области, постепенно уступив первенство естественному [33, с. 90]<sup>2</sup>, однако высокая подвижность населения была характерна для региона и в дальнейшем [36].

Важным последствием интенсивного заселения области стало формирование половозрастной структуры населения, которая, с одной стороны, несла в себе тяжелое наследие демографических катастроф первой половины XX века, обладала выраженными диспропорциями в наиболее пострадавших возрастных группах, с другой — отличалась от аналогичных структур регионов российского Центра и Северо-Запада значительно большей долей молодых поколений [37, с. 62, 63, 86, 87, 96, 97; 38, с. 233—245]. Кроме того, на территории области располагались многочисленные военные контингенты, временно находились десятки тысяч военнослужащих срочной службы из других регионов страны. Это создавало благоприятные условия для послевоенной демографической компенсации, замедляло старение населения и, при сохранении прежней модели воспроизводства, должно было способствовать сохранению высоких показателей рождаемости. Вместе с тем урбанизированный характер региона, высокая подвижность населения, интенсивные миграционные контакты города и села, значительная доля переселенцев из городов в структуре сельского населения края [33, с. 85—90], как и более высокий удельный вес молодежи, содействовали ускорению социокультурной модернизации и демографических перемен. Важным фактором этого процесса было становление в регионе системы советского здравоохранения, которое в условиях прогресса медицинской науки и практики середины XX века и курса на развитие массовой медицинской помощи и профилактики оказывало несомненное воздействие на процесс эпидемиологического перехода. К концу 1950-х годов область была одним из лидеров в РСФСР по показателям медицинского обеспечения населения [39, с. 32—35]<sup>3</sup>.

### **От послевоенной компенсации к демографической стабилизации**

В период интенсивного заселения в области, как и по всей стране, наблюдалась демографическая компенсация — массовая реализация отложенных в военные годы рождений детей. Во второй половине 1940-х годов общие коэффициенты рождаемости (ОКР), несмотря на тяжелые последствия голода 1947 года, оставались высокими и значительно превышали как средние для РСФСР (рис. 1), так и характерные для регионов — доноров заселения края. Значительно выше среднероссийских были и общие коэффициенты брачности (20—24 заключения браков на 1000 человек населения)<sup>4</sup>. Компенсационный период в области, в силу относительно благоприятной возрастной структуры ее населения, оказался более длительным, чем в большинстве регионов страны, а его результаты — более заметными.

<sup>2</sup> Государственный архив Калининградской области (далее — ГАКО). Ф. 181. Оп. 15. Д. 487, Л. 1.

<sup>3</sup> ГАКО. Ф. 233. Оп. 6. Д. 33, Л. 1—8; Ф. 233. Оп. 6. Д. 119. Л. 54—65.

<sup>4</sup> Рассчитано по данным Областного управления статистики: ГАКО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 11. Л. 4; Оп. 3. Д. 3. Л. 65—67; Оп. 5. Д. 1, 2 об.; Д. 8. Л. 3, 3 об., 22, 22 об., 33, 33 об.; Оп. 7. Д. 3. Л. 4, 4 об.; Оп. 9. Д. 3. Л. 3 об.

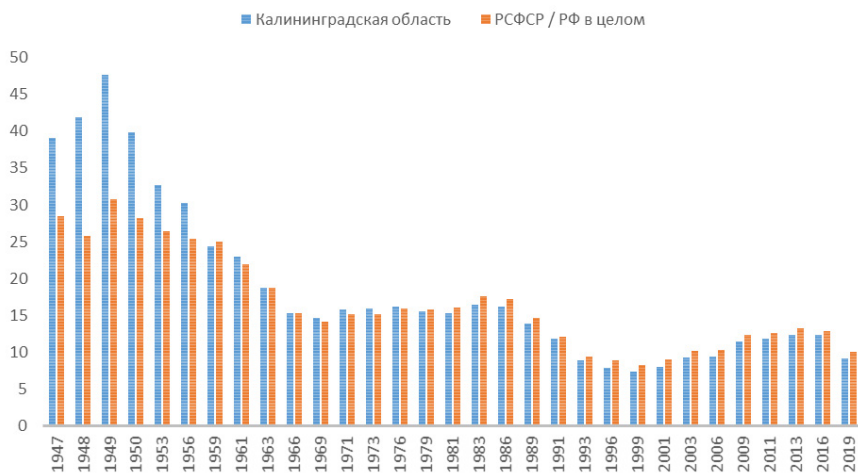


Рис. 1. Общие коэффициенты рождаемости в Калининградской области и РСФСР / Российской Федерации в 1947—2019 годах (родившихся на 1000 человек населения)

*Источники:* рассчитано по данным Областного управления статистики Калининградской области<sup>5</sup>, официальных статистических изданий<sup>6</sup>, материалов портала demoscope.ru<sup>7</sup>.

Однако в следующем десятилетии брачная активность населения области снизилась почти на 40 %, быстро сокращались и общие коэффициенты рождаемости (до 32 в 1955 году и до 22—23 в 1960—1961 годах). Специальный коэффициент рождаемости, рассчитанный для сельского населения, в 1958 году составлял всего 105 по сравнению с 172 в 1949 году<sup>8</sup>. Основными факторами этого процесса были завершение компенсационного периода и преобладание «городской» модели репродуктивного поведения в урбанизированной области. При этом как брачность, так и рождаемость сокращались быстрее, чем в среднем по РСФСР [40, с. 57—61; 41, с. 254]. Это могло быть следствием специфики возрастной структуры областного населения, которое во второй половине 1940-х — начале 1950-х годов пополнялось в основном молодыми людьми, пик брачной и репродуктивной активности которых (рождение первых и вторых детей) как раз и пришелся на период демографической компенсации [38, с. 241—245].

Значительно изменилась возрастная структура рождаемости. В 1950 году около 40 % всех рождений было зафиксировано у женщин в возрасте 20—24 лет, в том числе 52 % рождений первого ребенка (в 1959 году — 35 и 56,5 %); возрастной категории «25—29 лет» приписывалось 37,6 % рождений, в том числе 34,2 % — первого ребенка (в 1959 году — 28,8 и 23 %). Две категории женского населения, возрастные границы которых (20—29 лет) практически идентичны рубежам возраста максимальной плодовитости (20—30 лет), в сумме давали 78,6 % всех рождений в

<sup>5</sup> Государственный архив Калининградской области. Ф. 181.

<sup>6</sup> *Калининградская область в цифрах. 2015, 2016*, Калининград, т. 1, с. 42—45; *Калининградская область в цифрах. 2020, 2021*, Калининград, т. 1, с. 44—47.

<sup>7</sup> Рождаемость, смертность и естественный прирост населения по субъектам Российской Федерации, 1970—2011, 2011—2018, 2018, *Демоскоп Weekly*, URL: [http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus\\_reg\\_nat.php](http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_reg_nat.php) (дата обращения: 12.12.2021).

<sup>8</sup> Расчеты выполнены по данным Областного управления статистики: ГАКО. Ф. 181. Оп. 12. Д. 281. Л. 2 об.; Оп. 15. Д. 59. Л. 1; Д. 145. Л. 1 об.; Д. 241. Л. 7; Д. 353. Л. 3; Оп. 3. Д. 2. Л. 3; Оп. 7. Д. 4. Л. 20; Оп. 15. Д. 242. Л. 2.

1950 году и 63,8 % — в 1959-м<sup>9</sup>. За десятилетие существенно возросла доля старших возрастных категорий (особенно 30—34-летних) в общей массе рождений. Одновременно рождаемость несколько «помолодела» — возросла доля первых детей, рождающихся у женщин в возрасте 16—24 лет, с одновременным уменьшением ее у 25—29-летних. Эти процессы вполне соответствовали как общероссийским тенденциям развития структуры рождаемости, так и тенденциям, характерным для средней полосы РСФСР.

В 1960-е годы, на фоне роста общей численности населения области уровень рождаемости продолжил снижение (ОКР сократился с 22 до 14,7 к концу десятилетия). Отчасти этот тренд объясняется сокращением доли населения в возрасте 20—35 лет, вносящей наибольший вклад в статистику рождаемости<sup>10</sup>. Однако низкий ОКР сохранился и в 1970-е годы, когда на демографическую «сцену» выступило многочисленное поколение периода послевоенной компенсации. Небольшой рост рождаемости в середине 1980-х (до 16,2 в 1986—1987 годах) уже в 1988 году сменился сокращением соответствующих показателей (12,6 в 1990 году)<sup>11</sup>.

Свидетельством глубоких изменений в репродуктивном поведении жителей области является распространение практики регулирования рождаемости, которая в советский период отечественной истории выражалась преимущественно в виде искусственных абортов, стремительный рост числа которых отмечался после легализации аборта в 1955 году. Во второй половине 1950-х годов, когда в области родилось 83624 ребенка, медицинская статистика зафиксировала 166194 искусственных аборта, в том числе 41837 внебольничных<sup>12</sup>. В контексте проблемы эволюции демографического поведения несомненный интерес представляют данные о внебрачной рождаемости. Если показатели второй половины 1940-х — начала 1950-х годов (свыше 20 % всех рождений) еще можно объяснить наличием половозрастных диспропорций, их снижение в 1950-е годы — преодолением диспропорций, то постепенный рост внебрачных рождений с конца 1950-х годов (до 20—23 % в 1970-е годы)<sup>13</sup>, происходивший на фоне быстрого увеличения числа зафиксированных прерываний беременности, скорее всего, свидетельствует о распространении неофициальных (фактических) браков среди представителей молодых поколений.

Наиболее отчетливо признаки демографического перехода проявились в снижении уровня смертности, общие коэффициенты которой (ОКС) в 1949—1960 годах сократились с 9,5 до 4,6 на 1000 человек населения. В городах, несмотря на непростую санитарную обстановку, этот процесс разворачивался быстрее. К началу 1960-х годов в регионе установился самый низкий уровень смертности за всю его послевоенную историю (рис. 2).

Наибольшее воздействие на прогрессивную динамику средних показателей оказало значительное снижение младенческой смертности — с 90—108 на 1000 новорожденных в первые годы истории области до 44—46 во второй половине 1950-х годов. Радикально изменилась возрастная структура смертности: доля детской сократилась с 58 до 25 %, возрастной категории «50 лет и старше» возросла с 15 до 44 %<sup>14</sup>. В 1950-е годы произошел переход к преобладанию эндогенных причин

<sup>9</sup> Расчеты выполнены по данным Областного управления статистики: ГАКО. Ф. 181. Оп. 5. Д. 8. Л. 5, 7; Оп. 15. Д. 353. Л. 48.

<sup>10</sup> Расчеты выполнены по данным Областного управления статистики: ГАКО. Ф. 181. Оп. 13. Д. 633. Л. 1, 2.

<sup>11</sup> Расчеты выполнены по данным Областного управления статистики: ГАКО. Ф. 181. Оп. 20. Д. 670. Л. 1—3; Д. 869. Л. 5, 6; Д. 1109. Л. 8; Д. 1703. Л. 9—12.

<sup>12</sup> ГАКО. Ф. 233. Оп. 6. Д. 7. Л. 24; Д. 14, Л. 15; Д. 119, Л. 54—60; Д. 165а, Л. 14; Д. 197, Л. 21.

<sup>13</sup> ГАКО, Ф. 181. Оп. 3. Д. 3. Л. 7, 17; Оп. 5. Д. 1. Л. 7, 36, 59; Д. 8. Л. 6; Д. 241. Л. 4—16.

<sup>14</sup> Расчеты выполнены по данным Областного управления статистики: ГАКО, Ф. 181. Оп. 7. Д. 3. Л. 4, 4 об.; Оп. 9. Д. 3. 3 об.; Д. 59. Л. 1; Д. 353. Л. 3.

общей смертности: наиболее распространенными причинами смерти стали заболевания системы кровообращения и новообразования. Кроме этого высокими оставались доли смертности от инфекционных заболеваний, травматизма и отравлений [42, с. 89—95]. Все эти изменения, соответствующие признакам эпидемиологического перехода, выделенным А. Омраном [22, с. 180—203], стали возможны благодаря фармакологическим прорывам в практической медицине, развертыванию на территории края полноценной системы медицинской помощи и профилактической работы, позитивным сдвигам в снабжении области медикаментами, успешному решению ряда актуальных санитарных задач. Вместе с тем темпы снижения заболеваемости и смертности по некоторым группам причин (например, от инфекционных заболеваний) в регионе отставали от показателей регионов российского Центра и Северо-Запада (Владимирской, Брянской, Новгородской и ряда других областей), что вызывало достаточно резкую реакцию республиканского Министерства здравоохранения.



Рис. 2. Общие коэффициенты смертности в Калининградской области и РСФСР / Российской Федерации в 1947—2019 годах (умерших на 1000 человек населения)

*Источники:* данные Областного управления статистики Калининградской области, официальные статистические издания<sup>15</sup>, материалы портала [demoscop.ru](http://demoscop.ru)<sup>16</sup>.

В следующем десятилетии общие показатели смертности в регионе, вследствие изменений в возрастной структуре (демографического старения) несколько выросли (с 4,5 в 1961 году до 5,8 в 1970 году), «травматизм и несчастные случаи» переместились на второе место в рейтинге причин смерти, произошло значительное снижение младенческой смертности<sup>17</sup>.

Таким образом, в 1960-е годы в регионе завершился переход к новому равновесию относительно низкой смертности и низкой рождаемости, при этом ключевые, во многом радикальные перемены произошли в предыдущем десятилетии. Изме-

<sup>15</sup> Калининградская область в цифрах. 2015, 2016, Калининград, 2016, т. 1, с. 42—45; Калининградская область в цифрах. 2020, 2021, Калининград, т. 1, с. 44—47.

<sup>16</sup> Рождаемость, смертность и естественный прирост населения по субъектам Российской Федерации, 1970—2011, 2011—2018, 2018, *Демоскоп Weekly*, URL: [http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus\\_reg\\_nat.php](http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_reg_nat.php) (дата обращения: 12.12.2021).

<sup>17</sup> ГАКО. Оп. 13. Д. 633. Л. 1—3; Ф. 639. Оп. 1. Д. 40. Л. 32.



нилась возрастная структура смертности, в иерархии ее причин преобладание перешло к эндогенным факторам. Возобладал тренд на малодетность, широкое распространение получила практика внутрисемейного регулирования рождаемости. Наряду с заметным увеличением средней ожидаемой продолжительности жизни наметилось постепенное старение населения. Население края вступило в период непродолжительной демографической стабильности.

Сопоставление региональных процессов второй половины 1940—1960-х годов с общероссийскими демонстрирует наличие выраженной специфики самой западной российской области. Здесь более интенсивно и длительно протекали процессы послевоенной компенсации: показатели рождаемости на протяжении первого десятилетия существования Калининградской области существенно превосходили средние для РСФСР, общие коэффициенты рождаемости 1948—1950 годов были выше соответствующих показателей, характерных для регионов выхода переселенцев в довоенный период (нетипичное для российских областей и автономных республик явление). К концу 1950-х годов ОКР вплотную приблизились к среднероссийским, в то время как относительные показатели смертности в регионе с более благоприятной возрастной структурой населения сохранили своеобразие надолго. В рассматриваемый период в области, как и в других регионах РСФСР, произошли радикальные перемены в возрастной структуре смертности, изменилась иерархия ее причин. В то же время основные направления эволюции модели воспроизводства населения были аналогичны происходившим в тот же период в регионах средней полосы России.

### **Миграционный фактор и процессы демографического развития на рубеже веков**

В 1970-е — первой половине 1980-х годов в области сохранялось относительное демографическое равновесие. Показатели рождаемости (ОКР) оставались в пределах 15—16, наблюдался медленный рост уровня смертности взрослого населения (ОКС, до 8,9 в 1985 года) при продолжении снижения детской смертности (рис. 1, 2). Среди причин смерти еще более возросла доля заболеваний системы кровообращения (преимущественно сердечных патологий) и новообразований<sup>18</sup>. В регионе сохранялся небольшой естественный прирост.

С конца 1980-х годов область вместе со всей страной вступает в преддверие демографического кризиса, активная фаза которого пришлась на 1990-е — начало 2000-х годов. В 1988—1991 годы ОКР в регионе сократился до 11,8, а в последующие пять лет — до 8,0, одновременно возросли общие коэффициенты смертности — с 8,7 (1987) до 10 (1991) и до 13,6 в 1995 году, с 1992 года в регионе фиксировался отрицательный естественный прирост населения (рис. 3)<sup>19</sup>. В иерархии причин смертности на второе место вновь выдвинулись «внешние» факторы — дорожно-транспортный и бытовой травматизм, убийства, отравления, суицид<sup>20</sup>. Медленный рост относительных показателей рождаемости начался только с 2000—2002 годов, снижение смертности было зафиксировано статистикой только в 2006 году (рис. 2).

<sup>18</sup> Расчеты выполнены по данным Областного управления статистики: ГАКО. Ф. 181. Оп. 20. Д. 670. Л. 1—3; Д. 869. Л. 5, 6; Д. 1703. Л. 9—12.

<sup>19</sup> Расчеты выполнены по данным Областного управления статистики: ГАКО. Ф. 181. Оп. 20. Д. 670. Л. 1—3; Д. 869. Л. 5, 6; Д. 1703. Л. 9—12; *Демографический ежегодник Калининградской области*, 1998, Калининград, с. 8—14.

<sup>20</sup> *Демографический ежегодник Калининградской области*, 1998, Калининград, с. 45—48.

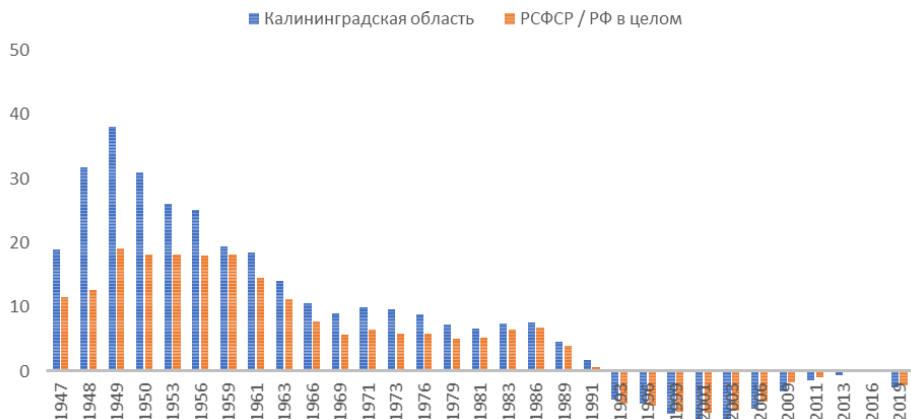


Рис. 3. Коэффициенты естественного прироста в Калининградской области и РСФСР / Российской Федерации в 1947—2019 годах

*Источники:* расчеты выполнены по данным Областного управления статистики Калининградской области<sup>21</sup>, материалам портала [demoscop.ru](http://demoscop.ru)<sup>22</sup>.

Ситуация 1990-х — начала 2000-х годов демонстрировала явные проявления демографического кризиса: суженное воспроизводство, временная перестройка ведущих причин смерти и заметный рост ее показателей дополнялись нарастанием кризиса официального брака, дестабилизацией семьи. Рассматривать региональную демографическую динамику этого периода как проявление «второго демографического перехода» (концепция Р. Лестега и Д. Ван де Каа), на наш взгляд, неправомерно: слишком значительным было воздействие неблагоприятных экономических факторов и противоречивой социально-культурной атмосферы первого десятилетия «новой российской истории» с его сложными процессами постсоветской трансформации, а также интенсивными иммиграционными процессами [43, с. 37—39].

В постсоветский период в условиях перехода к суженному воспроизводству населения значение притока мигрантов в сохранении и увеличении численности областного населения существенно возросло. В 1992—1999 годах на фоне роста смертности и естественной убыли население области росло за счет значительного притока мигрантов, преимущественно из ближнего зарубежья. В 1999—2009 годах миграционный прирост сократился, что вызвало снижение общей численности постоянного населения Калининградской области. С 2010 года регион вновь вступил в период демографического роста, важным фактором которого вновь стал приток иммигрантов. Самая западная область России во втором десятилетии XXI века превратилась в один из наиболее привлекательных для мигрантов регионов страны. С 2007 по 2018 год в область прибыло около 43 тыс. участников программы «Соотечественники» и членов их семей, миграционный прирост за тот же период составил около 82 тыс. человек: реализация программы позволила привлечь в регион около половины всех иммигрантов. Большинство соотечественников прибыли в область из Казахстана, Украины, Узбекистана и Киргизии, среди участников программы были жители Белоруссии, Литвы, Латвии, Эстонии, ФРГ и Израиля. Заметным явлением 2010-х годов стала студенческая иммиграция.

<sup>21</sup> Государственный архив Калининградской области. Ф. 181.

<sup>22</sup> Рождаемость, смертность и естественный прирост населения по субъектам Российской Федерации, 1970—2011, 2011—2018, 2018, *Демоскоп Weekly*, URL: [http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus\\_reg\\_nat.php](http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_reg_nat.php) (дата обращения: 12.12.2021).

Интенсивный приток мигрантов совпал с позитивной тенденцией к увеличению рождаемости и, вероятно, придал ей дополнительный импульс. В 2001—2015 годах региональный ОКР возрос с 8 до 12,7 (рис. 1), после 2006 года наметился рост суммарного коэффициента рождаемости (рис. 4). В 2000-е и начале 2010-х годов естественный прирост в области был выше средних для страны показателей (рис. 3). Однако уровень рубежа 1980-х — 1990-х годов так и не был достигнут. С 2016 года возобладал тренд на сокращение рождаемости (ОКР снизился с 12,4 до 9,2 к 2019 году), значительно увеличился разрыв между областным и средним для России суммарным коэффициентом рождаемости.

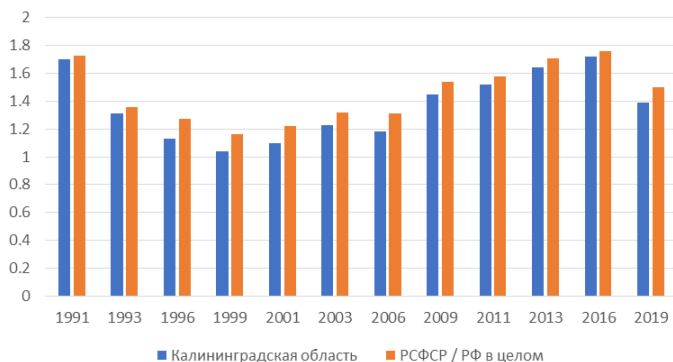


Рис. 4. Суммарные коэффициенты рождаемости в Калининградской области и РСФСР / Российской Федерации в 1991—2019 годах

Источники: материалы официальных статистических изданий<sup>25</sup>, портала demoscop.ru<sup>24</sup>.

В постсоветский период существенно изменились возрастные коэффициенты рождаемости: увеличился репродуктивный вклад женщин более старших возрастов, что соответствовало общероссийской тенденции (табл.).

#### Возрастные коэффициенты рождаемости населения Калининградской области / Российской Федерации (в целом) в 1991, 1999, 2006 и 2016 годах

Год	Число родившихся в среднем за год на 1000 женщин в возрасте						
	15—19	20—24	25—29	30—34	35—39	40—44	45—49
1991	57,1/54,2	144,7/145,9	75,7/82,7	43,7/41,5	16,5/16,5	3,7/3,7	0,3/0,2
1999	28,6/28,9	83,9/91,8	56,2/63,7	26,8/32,2	9,9/11,1	1,8/2,2	0,1/0,1
2006	25,8/28,6	75,5/85,8	71,3/78,2	43,3/46,8	17,5/18,7	3,1/3,1	0,2/0,1
2016	17,6/21,5	80,6/87,2	110,9/111,5	86,3/84,4	43,4/41,0	8,8/8,8	0,5/0,5

Источники: составлено на основе статистических данных официальных изданий<sup>25</sup>, портала demoscop.ru<sup>26</sup>.

<sup>25</sup> Калининградская область в цифрах. 2015, 2016, Калининград, т. 1, с. 42—45; Калининградская область в цифрах. 2020, 2021, Калининград, т. 1, с. 44—47.

<sup>24</sup> Рождаемость, смертность и естественный прирост населения по субъектам Российской Федерации, 1970—2011, 2011—2018, 2018, Демоскоп Weekly, URL: [http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus\\_reg\\_nat.php](http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_reg_nat.php) (дата обращения: 12.12.2021).

<sup>25</sup> Демографический ежегодник России, 2008, М., с. 95—97; Калининградская область в цифрах. 2015, 2016, Калининград, т. 1, с. 42—45; Калининградская область в цифрах. 2020, 2021, Калининград, т. 1, с. 44—47.

<sup>26</sup> Рождаемость, смертность и естественный прирост населения по субъектам Российской Федерации, 1970—2011, 2011—2018, 2018, Демоскоп Weekly, URL: [http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus\\_reg\\_nat.php](http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_reg_nat.php) (дата обращения: 12.12.2021).

При постепенном снижении уровня брачности средний возраст вступления в брак также имел выраженную тенденцию к повышению. Доля внебрачной рождаемости в данный период стабилизировалась до 18—19,5 % от общего числа рождений. В постсоветский период значительно сократилось количество прерываний беременности (абортов), до 50—57 на 100 рождений, что свидетельствует о произошедшей в регионе «контрацептивной революции».

Смертность в 2006—2018 годах на фоне продолжения процесса старения областного населения, социально-экономической стабилизации, реализации мер социальной поддержки снизилась с 16,5 до 11,8%<sup>27</sup>. Вероятно, не последнюю роль в этом позитивном процессе сыграли половозрастные характеристики «новых переселенцев» в Калининградскую область, в том числе участников программы «Соотечественники».

### **Процессы демографического развития в Калининградской и Сахалинской областях: к постановке проблемы**

Всестороннее исследование демографической истории самой западной российской области предполагает сопоставление региональных тенденций и показателей не только с общегосударственными (общенациональными), но и с характерными для других, типологически близких Калининградской области регионов. Среди последних нередко фигурирует Сахалинская область, в формировании населения которой важную роль сыграли переселенческие кампании и стихийная миграция послевоенных десятилетий. В то время как на территории молодой Калининградской области во второй половине 1940-х — начале 1950-х годов складывался новый социум, в Сахалинской области переселенцы интегрировались в уже существовавшую социально-демографическую среду (Северный Сахалин и до 1945 года принадлежал СССР). Власти Сахалинской области, как и Калининградской, столкнулись с проблемой массового оттока переселенцев («обратничества»), однако «на крайнем западе» страны он носил более интенсивный характер — вероятно, в силу наличия больших возможностей добраться до «малой родины» или переехать в более благоустроенный край [46, с. 98—101].

Значительные различия наблюдались в природно-географических условиях, экономической специализации областей, что оказывало заметное влияние на демографические характеристики населения. Например, сопоставление половозрастных структур, отраженных в материалах Всесоюзной переписи 1959 года, демонстрирует значительную близость Калининградской и Брянской областей (и вообще регионов российского Центра — доноров послевоенной миграции) и специфику Сахалинской. В последней численное соотношение мужчин и женщин даже в наиболее пострадавших в период войны возрастных группах было более благоприятным. При заселении дальневосточной области сельскохозяйственная миграция играла подчиненную роль в сравнении с переселением рыбаков и промышленных рабочих, что обусловило преимущественную вербовку мужчин в качестве переселенцев [39, с. 240—246]. Как и Калининградская область, Сахалинская относилась к весьма урбанизированным регионам РСФСР, причем снижение численности сельского населения в советский период здесь происходило более быстрыми темпами. Оба региона прошли через постепенное сокращение рождаемости. В постсоветский период численность населения Калининградской области за счет положительного сальдо миграции значительно увеличилась: с 881 тыс. человек в 1990 году до более чем 1 млн в 2019-м. К особенностям демографической ситуации в регионе

<sup>27</sup> Калининградская область в цифрах, 2016, Краткий статистический сборник, Калининград, с. 25—27; Калининградская область в цифрах, 2020, Статистический сборник. Калининград, т. 1, с. 39, 41, 128.

можно отнести рост численности сельского населения. Население Сахалинской области неуклонно сокращалась: за 1992—2018 годы регион потерял почти 230 тыс. жителей, почти треть постоянного населения. Примечательно, что в регионе в 2015—2017 годах был зафиксирован небольшой естественный прирост. Продолжительность жизни населения Сахалинской области, для которой характерен феномен преждевременного старения, является одной из самых низких в Российской Федерации, Калининградская область по данному показателю значительно опережает ее [47, с. 6—12; 48, с. 78—82].

Приведенные примеры показывают, что в демографической истории как Сахалинской, так и Калининградской областей в послевоенные десятилетия наблюдались признаки реализации общенациональных трендов смены типов воспроизводства населения, при этом каждый из регионов обладал значительной спецификой. Полноценное сравнение траекторий демографического развития двух «переселенческих» областей России требует специального комплексного исследования.

## **Выводы**

Проведенное исследование позволяет выделить в демографической истории Калининградской области пять этапов. На первом (вторая половина 1940-х — начало 1950-х годов) в регионе произошла тотальная смена населения, развернулись мощные миграционные процессы, связанные как с переходом страны «на мирные рельсы» (демобилизация, репатриация), так и с интеграцией новой территории в социально-экономическое пространство СССР (плановое заселение края, миграция в города). Значительное воздействие на процессы воспроизводства в этот период оказывали половозрастные особенности переселенческих контингентов, высокая подвижность населения (стихийная миграция, «обратничество»), более продолжительная, чем в большинстве других регионов страны, послевоенная демографическая компенсация. Население края преимущественно формировалась за счет мигрантов из регионов российского Центра, Северо-Запада, а также Белорусской ССР, важным фактором социального развития области стал «трансфер» моделей демографического развития из регионов — доноров переселения. Для демографической ситуации в молодой области в данный период были характерны очень высокие показатели брачности, высокие — рождаемости и смертности, в структуре причин смерти доминировали инфекционные заболевания, травмы и другие экзогенные причины.

В середине 1950—1960-х годов значение миграционного фактора постепенно падало. Формирование населения региона в целом завершилось, однако миграционное взаимодействие Калининградской области с союзными республиками и другими регионами РСФСР, разумеется, сохранялось. Главное содержание второго этапа — глубокие изменения в модели воспроизводства населения. На фоне завершения послевоенной компенсации произошло значительное снижение рождаемости. Радикально сократились показатели детской (особенно младенческой) смертности. Существенно изменилась возрастная структура смертности, среди причин которой преобладание перешло к эндогенным факторам, выросла ожидаемая продолжительность жизни калининградцев, но одновременно стала заметной и тенденция к старению населения. Новое равновесие рождаемости и смертности установилось здесь раньше, чем в среднем по РСФСР. После выхода страны и области из «чрезвычайного режима» первых послевоенных лет демографическое развитие региона все больше напоминало картину, характерную для средней полосы РСФСР, с поправкой на более молодой средний возраст его населения и связанные с этим позитивные последствия (например, замедленное старение).

В 1970-е и большую часть 1980-х годов было время относительной стабильности в демографической истории области, своеобразное «затишье» как на фоне бурных

изменений предшествующего периода, так и по сравнению с кризисной ситуацией последующих лет. Несмотря на происходившее вследствие старения населения и накопления проблем в социальной сфере постепенное увеличение смертности, в регионе сохранялся устойчивый естественный прирост, главной предпосылкой которого были стабильные показатели рождаемости (постепенно все более уступающие средним для РСФСР). При этом уровень смертности в силу значительно более молодого среднего возраста населения здесь был заметно ниже средних как для РСФСР в целом, так и для российских регионов, сыгравших не так давно ведущую роль в заселении области (Брянской, Смоленской, Ленинградской и других).

С последних лет Перестройки (1989—1991) стартовал четвертый этап развития населения края, важнейшей чертой которого стал глубокий демографический кризис, проявившийся в быстром сокращении рождаемости, увеличении смертности как пожилых, так и молодежи, нарастании тенденций к депопуляции, которая в Калининградской области на рубеже веков была выражена сильнее, чем в большинстве российских регионов. В то же время российский эксклав на Балтике в «лихие девяностые» оказался привлекательным для мигрантов регионом: в условиях резкого «проседания» естественного прироста, выезда за пределы края части его жителей численность населения заметно выросла, что создавало определенные предпосылки для «выравнивания» ситуации в условиях более благоприятной экономической конъюнктуры и политической стабильности.

Постепенное преодоление наиболее явных проявлений демографического кризиса в 2000-е годы знаменовало собой начало следующего — пятого — этапа демографического развития края. Раньше всего обозначила себя тенденция к медленному росту рождаемости, тренд на повышение уровня смертности сменился ее медленным сокращением, после 2010 года область вновь стала одним из наиболее привлекательных для мигрантов регионов в России. В 2019 году коэффициент миграционного прироста (в расчете на 1000 жителей) достиг здесь 12,9 (при среднем по стране показателе 1,9). Однако преодолеть депопуляцию не удалось: естественный прирост в регионе оставался отрицательным. В преддверии начала пандемии COVID-19, в 2019 году, для области был характерен более низкий суммарный коэффициент рождаемости в сравнении со средним по стране (1,392 против 1,504), более высокая ожидаемая продолжительность жизни при рождении (73,56 против 73,34) и более низкий общий коэффициент смертности (11,8 против 12,3).

Таким образом, как было показано выше, процессы демографического развития в Калининградской области имели аналогичную направленность и разворачивались почти синхронно с изменениями общероссийского масштаба как в первые послевоенные десятилетия, так и в последующем. Следовательно, разработанная отечественными исследователями «идеальная модель» особенностей демографического развития России [2—4; 30] в целом применима для концептуализации фактического материала о развитии населения Калининградской области до конца XX века. При этом, за исключением начального этапа и с поправкой на более заметную роль миграционного фактора, траектория развития населения региона была наиболее близка к другим российским регионам «средней полосы».

Изложенные в статье наблюдения могут быть использованы при создании концепции социальной истории Калининградской области, а также при разработке проекта обширной программы компаративных исследований, целью которой будет выявление специфики демографического развития края в сравнении с типологически близкими (переселенческими) регионами, с регионами выхода переселенцев.

*Работа выполнена с использованием средств государственного бюджета по госзадачу на 2021 год № 2249-21 «Реализация научно-исследовательских мероприятий по проблемам геополитики и исторической памяти на калининградском направлении».*

## Список литературы

1. Андреев, Е. М., Дарский, Л. Е., Харькова, Т. Л. 1998, *Демографическая история России: 1927—1959 гг.* М., Изд-во «Информатика».
2. Ю. А. Поляков (отв. ред.), 2000—2012, *Население России в XX в. Исторические очерки*, т. 1-3, М., Изд-во «Российская политическая энциклопедия».
3. Вишнеvский, А. Г. (ред.) 2006, *Демографическая модернизация России, 1900—2000*, М., Новое издательство.
4. Жиромская, В. Б. 2012, *Основные тенденции демографического развития России в XX веке*, М., Изд-во «Кучково поле».
5. *Демографическая история Западной Сибири (конец XIX—XX в.)*, 2017, Новосибирск, Изд-во НИЦ «Апостроф».
6. Исупов, В. А. 2020, История Западной Сибири в контексте демографической модернизации (1900—1950-е годы), *Исторический курьер*, № 1 (9), с. 140—153.
7. Канищев, В. В. 2020, Особенности миграционного движения сельского населения Тамбовской области в XX в. на личностном уровне, *Социально-экономические явления и процессы*, № 2 (109), с. 17—25.
8. Жуков, Д. С., Канищев, В. В., Лямин, С. К. 2020, Факторы демографических процессов в российском аграрном обществе второй половины XIX — конца XX в. (на материалах Тамбовского региона), *Историческая информатика*, № 3 (33), с. 89—102.
9. Жуков, Д. С., Канищев, В. В. 2019, “Если бы не было войны”: моделирование демографических процессов в российской деревне 1930—1950-х годов (по материалам Тамбовской области), *Вестник Пермского университета. История*, № 3 (46), с. 118—136.
10. Костяшов, Ю. В. 1996, Заселение Калининградской области после второй мировой войны, *Гуманитарная наука в России*, т. 2, М., с. 82—88.
11. Костяшов, Ю. В. 2005, Обратничество в процессе заселения Калининградской области в послевоенные годы, *Балтийский регион в истории России и Европы*, Калининград, с. 211—219.
12. Маслов, Е. А. 2002, Заселение Калининградской области и формирование религиозной структуры ее населения, *Балтийские исследования*, Калининград, с. 17—33.
13. Манкевич, Д. В. 2014, Смертность населения Калининградской области во второй половине 1940—1950-х годах, *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки*, № 6, с. 153—158.
14. Манкевич, Д. В. 2019, 1950-е годы в демографической истории Калининградской области, *Известия Смоленского государственного университета*, № 1 (45), с. 398—413.
15. Зимовина, Е. П. 2018, Калининградская область в 60—80-е годы XX века: особенности социально-демографического развития, *Калининградские архивы*, № 15, с. 93—107.
16. Манкевич, Д. В. 2017, О некоторых тенденциях демографического развития Калининградской области в период Перестройки, *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки*, № 1, Калининград, с. 23—28.
17. Емельянова, Л. Л. 2008, Место Калининградской области в миграционных процессах России и стран региона Балтийского моря, *Миграции и социально-экономическое развитие стран региона Балтийского моря*, материалы международной конференции, Калининград, с. 56—75.
18. Зимовина, Е. П. 2016, Демографические процессы в Калининградской области в постсоветский период, *Власть*, т. 24, № 10, с. 33—41.
19. Федоров, Г. М. 2017, О сценариях демографического развития Калининградской области, *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Естественные и медицинские науки*, № 3, с. 5—21.
20. Федоров, Г. М. 2018, Демографическая обстановка и демографическая безопасность в регионах западного побережья России, *Балтийский регион*, т. 10, № 3, с. 119—135. doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2018-3-7>.
21. Notestein, F. W. 1945, *Population. The Long View. Food for the World*, Chicago Press, p. 35—57.
22. Вишнеvский, А. Г. 2017, Нерешенные вопросы теории демографической революции, *Население и экономика*, т. 1, № 1, с. 3—21.

23. Омран, А. Р. 2019, Теория эпидемиологического перехода: взгляд 30 лет спустя, *Демографическое обозрение*, т. 6, № 1, с. 177—216.
24. Zelinsky, W. 1971, The hypothesis of the mobility transition, *Geographical Review*, vol. 61, № 2, p. 219—249.
25. Van de Kaa, D. J. 1987, Europe's second demographic transition, *Population Bulletin*, vol. 42, № 1, p. 1—59.
26. Zaidi, B., Morgan, P. 2017, The second demographic Transition theory: A Review and Appraisal, *Annu Rev Sociol*, № 43, p. 473—492.
27. Ионцев, В. А., Прохорова, Ю. А. 2012, Формирование «нового населения» в свете концепции четвертого демографического перехода, *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, № 4, с. 75—87.
28. Коулмен, Д. 2007, Третий демографический переход, *Демоскоп Weekly*, URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0299/tema05.php> (дата обращения: 15.07.2021).
29. Вишневский, А. Г. 1976, *Демографическая революция*. М., Изд-во «Наука».
30. Жиромская, В. Б. 2009, *Жизненный потенциал послевоенных поколений в России. Историко-демографический аспект. 1946—1969*, М., Изд-во РГГУ.
31. Вишневский, А. Г., Денисов, Б. П., Сакевич, В. И. 2017, Контрацептивная революция в России, *Демографическое обозрение*, т. 4, № 1, с. 6—34.
32. Вишневский, А. Г. 2017, Великая малонаселенная держава, *Россия в глобальной политике*, т. 15, № 6, с. 30—49.
33. Ракша, А. И. 2016, Тенденции изменения рождаемости в Российской Федерации, *Аист на крыше. Демографический журнал*, № 1, с. 28—35.
34. Костяшов, Ю. В. 2009, *Секретная история Калининградской области. Очерки 1945—1956 гг.* Калининград, Изд-во «Терра Балтика».
35. Баранова, Е. В., Маслов, В. Н., 2021, Проблемы послевоенной крестьянской миграции в актах о прибытии переселенческих эшелонов в Калининградскую область, *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*, т. 26, № 190, с. 200—211.
36. Костяшов, Ю. В. 2000, О национальной структуре, этнографическом облике и социокультурной адаптации советских переселенцев в Калининградской области (1945—1950-гг.), *Национальные отношения в Новое и Новейшее время*, Калининград, с. 66—79.
37. Зимовина, Е. П. 2016, Миграционные процессы на территории Калининградской области в 1960—1980-е годы, *Калининградские архивы*, № 13, с. 111—124.
38. *Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР*, 1963, М., Госстатиздат.
39. Манкевич, Д. В. 2013, О численности и половозрастной структуре населения Калининградской области во второй половине 1940-х — 1950-х годах, *Калининградские архивы*, № 10, с. 233—247.
40. Манкевич, Д. В. 2016, Заболеваемость малярией в Калининградской области в первые послевоенные годы, *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки*, № 2, с. 32—36.
41. Араловец, Н. А. 2010, Брак и семья в РСФСР в послевоенные годы, *Российская история*, № 4, с. 55—62.
42. *Население России в XX в.: Исторические очерки. 1940—1959*, 2001, т. 2, М., Изд-во «Российская политическая энциклопедия».
43. Манкевич, Д. В. 2020, Признаки эпидемиологического перехода в демографической истории Калининградской области (вторая половина 1940-х — 1950-е годы), *Калининградские архивы*, № 17, с. 86—97.
44. Абылкаликов, С. И., Сазин, В. С. 2019, Основные итоги миграционных процессов в Калининградской области по данным переписей и микропереписей 1989—2015 годов, *Балтийский регион*, т. 11, № 2, с. 32—50. doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2019-2-3>.
45. Захаров, С. В. 2012, Какой будет рождаемость в России? *«Демоскоп Weekly»*, URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0495/tema05.php> (дата обращения: 15.07.2021).
46. Крушанова, Л. А. 2014, *Миграционная политика СССР на Дальнем Востоке (середина 1940—1970-е годы)*, Владивосток, ИИАЭ ДВО РАН (ЗАМЕНИЛА)



47. Щеглов, В.В. 2019, *Опыт сахалинских переселений (1853–2002 гг.)*, Южно-Сахалинск, Сахалинский областной краеведческий музей.

48. Ворошилова, И.И., Сидоренко, М.А. 2011, Медико-демографические особенности старения населения Сахалинской области, *Тихоокеанский медицинский журнал*, № 2, с. 78–82.

## Об авторе

**Дмитрий Владимирович Манкевич**, кандидат исторических наук, ведущий сотрудник Центра исследований исторической памяти, Балтийский федеральный университет, Калининград, Россия.

E-mail: DMankevich@kantiana.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2983-1962>



ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

# DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT PROCESSES IN THE HISTORY OF THE KALININGRAD REGION: NATIONAL TRENDS AND REGIONAL SPECIFICS

**D. V. Mankevic**

Immanuel Kant Baltic Federal University  
14 A. Nevski St., Kaliningrad, 236016, Russia

Received 10.09.2021  
doi: 10.5922/2079-8555-2022-3-8  
© Mankevic, D. V., 2022

*This article aims to identify the main demographic development trends and features observed in the Kaliningrad region from a historical perspective and assess the extent to which the region's demographic development corresponds to the national model accepted in contemporary historiography. The empirical sources used in this study include demographic statistics from published and archival materials; theoretically, it draws on the concepts of demographic and epidemiological transitions. Analysis of statistics and historiography is employed along with the comparative historical method. The migration factor had the leading role in the emergence of the regional specifics of demographic development. Migrants from the regions of the USSR that were deeply involved in demographic modernisation before the war formed the resident population of the Kaliningrad region. The gender and age profile of the migrants ensured the prolonged post-war demographic compensation and secured fertility and marriage rates above the RSFSR average. The regional fertility rates converged towards the national average in the second half of the 1950s; from the late 1970s, the region had a fertility rate below the national average. Overall mortality rates remained significantly lower than the RSFSR average until the mid-1990s. The changes in the regional population replacement model that took place in the region during the Soviet period and at the turn of the 21st century generally corresponded to national trends. Therefore, the concept of Russian demographic development proposed by Russian researchers is directly applicable to the exclave of Kaliningrad.*

## Keywords:

demographic transition, Kaliningrad region, epidemiological transition, birth rate, mortality

**To cite this article:** Mankevic, D.V. 2022, Demographic development processes in the history of the Kaliningrad region: national trends and regional specifics, *Balt. Reg.*, Vol. 14, no 3, p. 145–164.  
doi: 10.5922/2078-8555-2022-3-8.

## References

1. Andreev, E. M., Darsky, L. E., Kharkova, T. L. 1998, *Demograficheskaya istoriya Rossii: 1927—1959 gg.* [Demographic history of Russia: 1927—1959], M., Publishing house “Informat-ics” (in Russ.).
2. Polyakov, Yu. A. (ed.) 2000—2012, *Naselenie Rossii v XX v. Istoricheskie ocherki* [Population of Russia in the XX century. Historical essays], vol. 1-3, M., Publishing House “Russian Political Encyclopedia” (in Russ.).
3. Vishnevskii, A. G. (ed.) 2006, *Demograficheskaya modernizatsiya Rossii, 1900—2000* [Demographic modernization of Russia, 1900—2000], M., New publishing house (in Russ.).
4. Zhyromskaya, V. B. 2012, *Osnovnye tendentsii demograficheskogo razvitiya Rossii v XX veke* [The main trends in the demographic development of Russia in the 20<sup>th</sup> century], M., Publishing house “Kuchkovo field” (in Russ.).
5. *Demograficheskaya istoriya Zapadnoi Sibiri (konets XIX—XX v.)* [Demographic history of Western Siberia (late XIX—XX centuries)] 2017, Novosibirsk, Publishing House of the Research Center “Apostrophe” (in Russ.).
6. Isupov, V. A. 2020, History of Western Siberia in the context of demographic modernization (1900—1950s), *Istoricheskii kur'er* [Historical courier], № 1 (9), p. 140—153 (in Russ.).
7. Kanishchev, V. V. 2020, Features of the migration movement of the rural population of the Tambov region in the XX century. on a personal level, *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy* [Socio-economic phenomena and processes], № 2 (109), p. 17—25 (in Russ.).
8. Zhukov, D. S., Kanishchev, V. V., Lyamin, S. K. 2020, Factors of demographic processes in the Russian agrarian society in the second half of the 19<sup>th</sup> — late 20<sup>th</sup> centuries. (on the materials of the Tambov region), *Istoricheskaya informatika* [Historical Informatics], № 3 (33), p. 89—102 (in Russ.).
9. Zhukov, D. S., Kanishchev, V. V. 2019, “If there were no war”: modeling of demographic processes in the Russian village in the 1930—1950s (based on the materials of the Tambov region), *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of the Perm University. History], № 3 (46), p. 118—136 (in Russ.).
10. Kostyashov, Yu. V. 1996, Settlement of the Kaliningrad region after the Second World War, *Gumanitarnaya nauka v Rossii* [Humanities in Russia], vol. 2, M., p. 82—88 (in Russ.).
11. Kostyashov, Yu. V. 2005, Returning in the process of settling the Kaliningrad region in the post-war years, *Baltiiskii region v istorii Rossii i Evropy* [The Baltic region in the history of Russia and Europe], Kaliningrad, p. 211—219 (in Russ.).
12. Maslov, E. A. 2002, Settlement of the Kaliningrad region and the formation of the religious structure of its population, *Baltiiskie issledovaniya* [Baltic Studies], Kaliningrad, p. 17—33 (in Russ.).
13. Mankevich, D. V. 2014, The mortality rate in the Kaliningrad region in the second half of the 1940s—1950s, *Vestnik IKBFU. Humanities and Social science*, № 6, p. 153—158 (in Russ.).
14. Mankevich, D. V. 2019, 1950s in the demographic history of the Kaliningrad region, *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of the Smolensk State University], № 1 (45), p. 398—413 (in Russ.).
15. Zimovina, E. P. 2018, Kaliningrad region in the 60s—80s of the XX century: features of socio-demographic development, *Kaliningradskie arkhivy* [Kaliningrad archives], № 15, p. 93—107 (in Russ.).
16. Mankevich, D. V. 2017, On demographic development trends in the Kaliningrad region during Perestroika, *Vestnik IKBFU. Humanities and Social science*, № 1, Калининград, p. 23—28 (in Russ.).
17. Emelyanova, L. L. 2008, Place of the Kaliningrad region in the migration processes of Russia and the countries of the Baltic Sea region, *Migratsii i sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie stran regiona Baltii-skogo morya* [Migration and socio-economic development of the countries of the Baltic Sea region], materials of the international conference, Kaliningrad, p. 56—75 (in Russ.).
18. Zimovina, E. P. 2016, Demographic processes in the Kaliningrad region in the post-Soviet period, *Vlast'* [Power], vol. 24, № 10, p. 33—41 (in Russ.).
19. Fedorov, G. M. 2017, On scenarios for the demographic development of the Kaliningrad region, *Vestnik IKBFU. Natural and Medical sciences*, № 3, p. 5—21 (in Russ.).

20. Fedorov, G.M. 2018, Demographic Situation and Demographic Security in the Regions of Russia's Western Borderlands, *Balt. Reg.*, vol. 10, №3, p. 119–135. doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2018-3-7>.
21. Notestein, F.W. 1945, *Population. The Long View. Food for the World*, Chicago Press, p. 35–57.
22. Vishnevsky, A.G. 2017, Unresolved issues in the theory of the demographic revolution, *Naselenie i ekonomika* [Population and economy], vol. 1, №1, p. 3–21 (in Russ.).
23. Omran, A.R. 2019, Epidemiological Transition Theory: A View 30 Years Later, *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic overview], vol. 6, №1, p. 177–216 (in Russ.).
24. Zelinsky, W. 1971, The hypothesis of the mobility transition, *Geographical Review*, vol. 61, №2, p. 219–249.
25. Van de Kaa, D.J. 1987, Europe's second demographic transition, *Population Bulletin*, vol. 42, №1, p. 1–59.
26. Zaidi, B., Morgan, P. 2017, The second demographic Transition theory: A Review and Appraisal, *Annu Rev Sociol*, №43, p. 473–492.
27. Iontsev, V.A., Prokhorova, Yu. A. 2012, Formation of the “new population” in the light of the concept of the fourth demographic transition, *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6. Ekonomika* [Bulletin of Moscow University. Series 6. Economy], №4, p. 75–87 (in Russ.).
28. Coleman, D. 2007, The Third Demographic Transition, *Demoscope Weekly*, URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0299/tema05.php> (accessed 15.07.2021) (in Russ.).
29. Vishnevsky, A.G. 1976, *Demograficheskaya revolyutsiya* [Demographic revolution]. M., Publishing house “Science” (in Russ.).
30. Zhiromskaya, V.B. 2009, *Zhiznennyi potentsial poslevoennykh pokolenii v Rossii. Istoriiko-demograficheskii aspekt. 1946–1969* [Life potential of post-war generations in Russia. Historical and demographic aspect. 1946–1969], M., Publishing house of the Russian State University for the Humanities.
31. Vishnevsky, A.G., Denisov, B.P., Sakevich, V.I. 2017, Contraceptive revolution in Russia, *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic overview], vol. 4, №1, p. 6–34 (in Russ.).
32. Vishnevsky, A.G. 2017, Great Small Power, *Rossiia v global'noi politike* [Russia in global politics], vol. 15, №6, p. 30–49 (in Russ.).
- Raksha, A.I. 2016, Trends in fertility in the Russian Federation, *Aist na kryshe. Demograficheskii zhurnal* [Stork on the roof. demographic journal], №1, p. 28–35 (in Russ.).
33. Kostyashov, Yu.V. 2009, *Sekretnaya istoriya Kaliningradskoi oblasti. Ocherki 1945–1956 gg.* [Secret history of the Kaliningrad region. Essays 1945–1956], Kaliningrad, Publishing House “Terra Baltica” (in Russ.).
34. Baranova, E.V., Maslov, V.N. 2021, Problems of post-war peasant migration in acts on the arrival of resettlement echelons in the Kaliningrad region, *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities], vol. 26, №190, p. 200–211 (in Russ.).
35. Kostyashov, Yu. V. 2000, On the national structure, ethnographic appearance and socio-cultural adaptation of Soviet settlers in the Kaliningrad region (1945–1950), *Natsional'nye otnosheniya v Novoe i Noveishee vremya* [National relations in modern and modern times], Kaliningrad, p. 66–79 (in Russ.).
36. Zimovina, E.P. 2016, Migration processes on the territory of the Kaliningrad region in the 1960s–1980s, *Kaliningradskie arkhivy* [Kaliningrad archives], №13, p. 111–124 (in Russ.).
37. Results of the All-Union Population Census of 1959, RSFSR, 1963, M., Gosstatizdat (in Russ.).
38. Mankevich, D.V. 2013, On the size and age and sex structure of the population of the Kaliningrad region in the second half of the 1940s–1950s, *Kaliningradskie arkhivy* [Kaliningrad archives], №10, p. 233–247 (in Russ.).
39. Mankevich, D.V. 2016, The incidence of malaria in the Kaliningrad region in the first post-war years, *Vestnik IKBFU. Humanities and Social science*, №2, p. 32–36 (in Russ.).

40. Aralovets, N. A. 2010, Marriage and family in the RSFSR in the post-war years, *Rossiiskaya istoriya* [Russian history], № 4, p. 55—62 (in Russ.).
41. *Naselenie Rossii v XX v.: Istoricheskie ocherki. 1940—1959* [The population of Russia in the XX century: Historical essays. 1940—1959], 2001, vol. 2, M., Publishing house “Russian political encyclopedia” (in Russ.).
42. Mankevich, D. V. 2020, Signs of the epidemiological transition in the demographic history of the Kaliningrad region (second half of the 1940s—1950s), *Kaliningradskie arkhivy* [Kaliningrad archives], № 17, p. 86—97 (in Russ.).
43. Abylkalikov, S. I., Sazin, V. S. 2019, Migration in the Kaliningrad region reflected in the 1989—2015 censuses and microcensuses, *Balt. Reg.*, vol. 11, № 2, p. 32—50. doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2019-2-3>.
44. Zakharov, S. V. 2012, What will be the birth rate in Russia? *Demoscope Weekly*, URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0495/tema05.php> (accessed 15.07.2021) (in Russ.).
45. Krushanova, L. A. 2007, *Migration Policy in the Far East of the USSR (mid-1940s—1970s)*, Vladivostok, IHAЕ FEBRAS (in Russ.).
46. Shcheglov, V. V. 2019, *Opyt sakhalinskikh pereselenii (1853—2002 gg.)* [Experience of Sakhalin resettlements (1853—2002)], Yuzhno-Sakhalinsk, Sakhalin Regional Museum of Local Lore (in Russ.).
47. Voroshilova, I. I., Sidorenko, M. A. 2011, Medical and demographic features of the aging population of the Sakhalin region, *Tikhookeanskii meditsinskii zhurnal*, [Pacific Medical Journal], № 2, p. 78—82 (in Russ.).

## **The author**

**Dr. Dmitrii V. Mankevich**, Senior Research Fellow, Centre for the Study of Historical Memory, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: [DMankevich@kantiana.ru](mailto:DMankevich@kantiana.ru)

<https://orcid.org/0000-0002-2983-1962>



SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

## ДИНАМИКА ЗНАЧЕНИЙ КОМПОНЕНТОВ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

---

**И. Ю. Пекер**

---

Балтийский федеральный университет им. И. Канта,  
236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

Поступила в редакцию: 11.05.2022 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2022-3-9

© Пекер И. Ю., 2022

*Представлены данные, которые могут быть использованы для сравнительных исследований научно-технического потенциала на уровне регионов Российской Федерации. Базу данных составляют шесть показателей, которые характеризуют развитие кадровых и финансовых компонентов национальной научно-технической системы, а также результаты научной деятельности, выраженные в форме научных публикаций и используемых передовых производственных технологий за период 2010–2020 годов. Такой набор взаимосвязанных индикаторов позволяет оценить научно-технический потенциал и результативность научных исследований регионов Российской Федерации, что в значительной степени влияет на уровень развития инновационной среды. Помимо этого собранные данные о научной продуктивности регионов могут быть использованы для проведения ряда других региональных исследований социально-экономической направленности. Набор данных включает в себя статистические показатели для 85 регионов России за период 2010–2020 годов, которые были взяты из опубликованных материалов Федеральной службы государственной статистики (Росстат). Данные о количестве и динамике научных публикаций были извлечены из Scopus (Ское пус), которая является крупнейшей единой курируемой мультидисциплинарной библиографической и реферативной базой данных. Результаты представлены в виде таблиц и картографических материалов (3 таблицы, 6 картосхем).*

### Ключевые слова

научно-технический потенциал, география науки, наукометрия, научные кадры, финансирование НИОКР

### Технические характеристики данных

---

Предметная область	Geography, Planning and Development
Тип данных	Таблицы Рисунки
Как были получены данные	Статистические данные были получены из сборников с официальной статистической информацией, составленных Федеральной службой государственной статистики Российской Федерации: «Регионы России. Социально-экономические показатели» и Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС). Данные о количестве научных публикаций были экспортированы из библиографической и реферативной базы данных рецензируемой научной литературы Scopus с последующим экспортом в аналитическую систему SciVal

**Для цитирования:** Пекер И. Ю. Динамика значений компонентов научно-технического потенциала регионов Российской Федерации // Балтийский регион. 2022. Т. 14, № 3. С. 165–176. doi: 10.5922/2079-8555-2022-3-9.

Формат данных	Сырые данные Сгруппированные данные
Описание процесса сбора данных	Собранные данные включают в себя ряд ключевых показателей кадровой и финансовой обеспеченности, а также результатов научной деятельности на уровне регионов России, используемых при оценке научно-технического потенциала территорий. Данные были структурированы путем объединения информации из источников статистической информации и базы данных Scopus с последующим нормированием всех показателей на 1000 жителей
Местоположение источника данных	Центральный федеральный округ — 18 регионов: Белгородская область, Брянская область, Владимирская область, Воронежская область, Ивановская область, Калужская область, Костромская область, Курская область, Липецкая область, Московская область, Орловская область, Рязанская область, Смоленская область, Тамбовская область, Тверская область, Тульская область, Ярославская область, г. Москва; Южный федеральный округ — 8 регионов: Республика Адыгея, Республика Калмыкия, Республика Крым, Краснодарский край, Астраханская область, Волгоградская область, Ростовская область, г. Севастополь; Северо-Западный федеральный округ — 11 регионов: Республика Карелия, Республика Коми, Архангельская область, Вологодская область, Калининградская область, Ленинградская область, Мурманская область, Новгородская область, Псковская область, Ненецкий автономный округ, г. Санкт-Петербург; Дальневосточный федеральный округ — 9 регионов: Республика Саха (Якутия), Камчатский край, Приморский край, Хабаровский край, Амурская область, Магаданская область, Сахалинская область, Еврейская автономная область, Чукотский автономный округ; Сибирский федеральный округ — 12 регионов: Республика Алтай, Республика Бурятия, Республика Тыва, Республика Хакасия, Алтайский край, Забайкальский край, Красноярский край, Иркутская область, Кемеровская область, Новосибирская область, Омская область, Томская область; Уральский федеральный округ — 6 регионов: Курганская область, Свердловская область, Тюменская область, Челябинская область, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, Ямало-Ненецкий автономный округ; Приволжский федеральный округ — 14 регионов: Республика Башкортостан, Республика Марий Эл, Республика Мордовия, Республика Татарстан, Удмуртская Республика, Чувашская Республика, Кировская область, Нижегородская область, Оренбургская область, Пензенская область, Ульяновская область, Самарская область, Саратовская область, Пермский край; Северо-Кавказский федеральный округ — 7 регионов: Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Северная Осетия — Алания, Чеченская Республика, Ставропольский край
Доступность данных	Данные доступны в этой статье и в Mendeley Data: Peker, Irina (2022), "Scientific and technical potential of Russian regions, 2010—2020", Mendeley Data, V1, doi: 10.17632/3ykgg9mhrs.1

### Ценность данных

Традиционный подход к оценке научно-технического потенциала предполагает рассмотрение набора статистических показателей, отражающих уровень ресурсного обеспечения научно-технической сферы и результативности научных исследований и разработок, например при помощи анализа патентной активности [1—3]. Научная деятельность представляется нами как производственный процесс по созданию новых научных знаний. Параметры эффективности для этого процесса будут

определяться производительностью субъектов научно-технической системы, которая может быть измерена, например, при помощи подсчета научных публикаций [4—8]. Представленная база данных с включением наукометрических индикаторов позволяет сопоставить ресурсное обеспечение и результативность научных исследований и выявить определенные особенности регионов, которые слабо идентифицируются традиционными показателями научно-технического потенциала. Помимо этого численные данные о производстве нового научного знания применяются в исследовании географии знания и инноваций, а также находят свое отражение в методиках пространственной наукометрии [9; 10]. Представленная база данных может быть использована федеральными и региональными органами власти при разработке программ и стратегий научно-технологического развития, а также специализированными для изучения состояния научно-технического потенциала территорий.

### Методы исследования

Для того чтобы сформировать набор статистических показателей, отражающих уровень ресурсного обеспечения научно-технической сферы и результативности научных исследований и разработок, были использованы сборники официальной статистической информации Федеральной службы государственной статистики, в которых содержится информация о социально-экономических показателях регионов Российской Федерации, таких как среднегодовая численность населения региона, данные о персонале, занятом научными исследованиями и разработками и внутренних затратах на научные исследования и разработки [11; 12]. Чтобы получить данные о долях внутренних затрат на исследования и разработки, в процентах к валовому региональному продукту, потребовалось экспортировать данные из единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС).

Для формирования базы данных научных публикаций было необходимо создать наборы публикаций для каждого региона Российской Федерации с использованием функции расширенного поиска в базе данных Scopus вручную. Для этого авторы экспортировали список городов, представленных в Scopus в разделе «Организация» (для поиска было задано два значения: «Russia» — 5 результатов поиска, то есть организаций и «Russian Federation» — 1560 результатов поиска). Это было сделано для того, чтобы при составлении поискового запроса публикаций по городам учесть возможные организации, привязанные к этим городам и имеющие профили в Scopus. В данном списке встретились не только города, но и сельские поселения, поселки городского типа и муниципальные районы. Организации, принадлежащие этим территориальным единицам, также были включены в список для последующего анализа. Всего после исключения дубликатов был найден 181 город, в котором есть организации, зарегистрированные в Scopus, 16 сельских поселений, 9 муниципальных районов и 6 поселков городского типа.

После того как организации, имеющие валидированный профиль в Scopus, были соединены со списком российских городов, для каждого города был составлен поисковый запрос для составления наборов публикаций. Пример поискового запроса для Калининграда:

```
AFFILCOUNTRY(russia*) AND (AFFILCITY(kaliningrad) OR AF-ID("Immanuel Kant Baltic Federal University" 60031254) OR AF-ID("Kaliningrad State University" 60069251) OR AF-ID("Kaliningrad State Technical University" 60018744) OR AF-ID("Baltic State Academy of Fishing Fleet" 60095508) OR AF-ID("All-Union Scientific Research Institute for Synthetic Fibres" 60084534)) AND (LIMIT-TO ( PUBYEAR,2020) OR LIMIT-TO ( PUBYEAR,2019) OR LIMIT-TO ( PUBYEAR,2018) OR LIMIT-TO ( PUBYEAR,2017) OR LIMIT-TO ( PUBYEAR,2016) OR LIMIT-TO ( PUBYEAR,2015) OR LIMIT-TO ( PUBYEAR,2014) OR LIMIT-TO ( PUBYEAR,2013) OR LIMIT-TO ( PUBYEAR,2012) OR LIMIT-TO ( PUBYEAR,2011) OR LIMIT-TO ( PUBYEAR,2010))
```

Сформированные наборы публикаций для всех возможных российских городов были объединены по регионам в соответствии с официальным территориальным делением. В данном исследовании автор ориентировался на научные публикации, проиндексированные в период 2010—2020 годов в регионах России, а именно на статьи в журналах, обзорные статьи, препринты, статьи в материалах конференций, книги, главы в книгах и др. В качестве источника библиометрических данных была выбрана база данных Scopus компании Elsevier.

## Описание данных

Данные охватывают 85 регионов Российской Федерации за 2010—2020 годы. При проведении сравнения показателей между 2020 и 2010 годами данные для Республики Крым и г. Севастополя были взяты за 2020 и 2014 годы. Сбор данных проходил с февраля по март 2020 года (данные о публикациях за 2020 год дополнялись в 2021 году).

Данные сгруппированы по основным составляющим научно-технического потенциала регионов: кадровая, финансовая, результативная. Показатели, используемые при формировании базы данных, представлены в таблице 1.

Таблица 1

**Показатели научно-технического потенциала региона**

Показатель	Расчет показателя	Источник данных
Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками в расчете на 1000 жителей, чел.	Рассчитывается как отношение численности персонала, занятого научными исследованиями и разработками, к среднегодовой численности населения региона	Росстат
Численность исследователей с учеными степенями в расчете на 1000 жителей, чел.	Рассчитывается как отношение численности исследователей с учеными степенями к среднегодовой численности населения региона	Росстат
Внутренние затраты на научные исследования и разработки в расчете на 1000 жителей, млн руб.	Рассчитывается как отношение внутренних затрат на научные исследования и разработки к среднегодовой численности населения региона	Росстат
Доля внутренних затрат на исследования и разработки, % к валовому региональному продукту (ВРП)	Сырые данные	Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС)
Используемые передовые производственные технологии в расчете на 1000 жителей, ед.	Рассчитывается как отношение количества используемых передовых производственных технологий к среднегодовой численности населения региона	Росстат
Количество публикаций в изданиях, индексируемых в базе данных Scopus в расчете на 1000 жителей, ед.	Рассчитывается как отношение количества публикаций в изданиях, индексируемых в базе данных Scopus к среднегодовой численности населения региона	Scopus, Росстат

Поскольку регионы России сильно различаются между собой по размерам, отобранные автором показатели были дополнительно приведены к относительным значениям. Для этого абсолютные показатели были разделены на тысячу жителей в регионе. Так, рисунок 1 отражает дифференциацию российских регионов по численности персонала, занятого научными исследованиями и разработками в расчете на 1000 жителей.



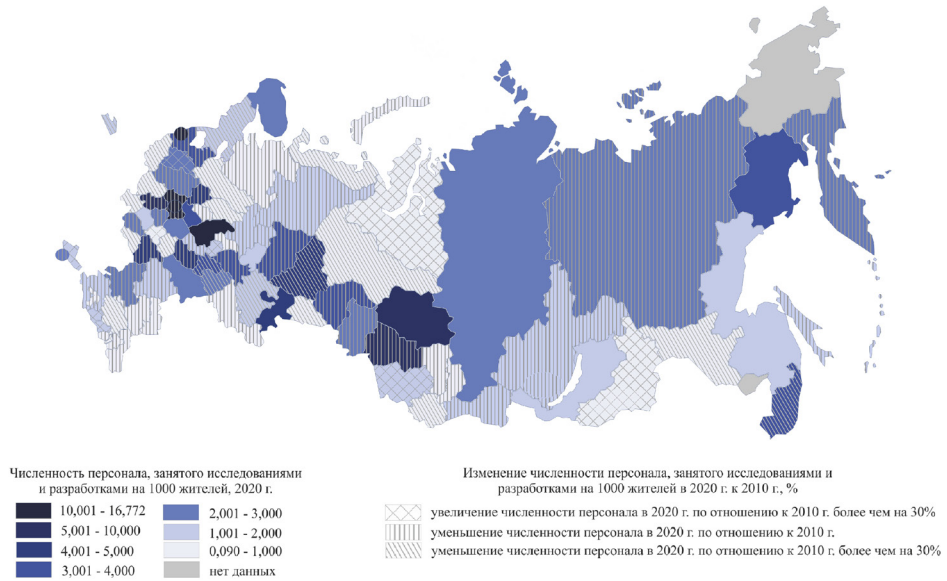


Рис. 1. Численность и динамика численности персонала, занятого научными исследованиями и разработками в регионах РФ, на 1000 жителей, 2010—2020 годы [11; 12]

Значительные положительные изменения в численности персонала, занятого научными исследованиями и разработками, были выявлены в регионах, где насыщенность научными кадрами представлена на уровне ниже среднего: Ямало-Ненецкий автономный округ, Республика Ингушетия, Республика Крым, Ставропольский край, Липецкая область. В этих регионах скорость среднегодового прироста научных кадров превышает 5%. Напротив, в регионах с изначально высокой концентрацией ученых наблюдается умеренное снижение численности научных кадров. Например, в регионах с численностью научных кадров более 5000 человек отмечается снижение на 0,4% в год.

Наибольшая часть научных кадров сконцентрирована в г. Москве, г. Санкт-Петербурге, Нижегородской, Московской и Томской областях. Данные таблицы 2 отражают различия регионов РФ по численности персонала, занятого научными исследованиями и разработками в расчете на 1000 жителей и на одного занятого.

Таблица 2

**Распределение регионов России по численности персонала, занятого научными исследованиями и разработками, абсолютные / относительные показатели, чел., 2020 год [11; 12]**

27—1000 / 0,090—1,000 на 1000 жителей	1001—10000 / 1,001—4,000 на 1000 жителей	1001—212441 / 4,001—16,772 на 1000 жителей
<i>Центральный, Северо-Западный федеральные округа</i>		
Орловская**, Смоленская, Архангельская, Тамбовская, Ивановская, Вологодская, Липецкая, Брянская, Псковская, Костромская области; Ненецкий автономный округ	Калужская***, Ярославская***, Владимирская, Ленинградская, Тульская, Тверская, Мурманская, Курская, Новгородская, Рязанская, Белгородская*, Калининградская области; Республики: Карелия, Коми	г. Москва, г. Санкт-Петербург; Московская, Воронежская области

Окончание табл. 2

27—1000 / 0,090—1,000 на 1000 жителей	1001—10000 / 1,001—4,000 на 1000 жителей	1001—212 441 / 4,001—16,772 на 1000 жителей
<i>Южный, Приволжский, Северо-Кавказский, Уральский федеральные округа</i>		
Республики: Карачаево-Черкесская**, Мордовия**, Северная Осетия — Алания, Калмыкия, Адыгея, Ингушетия, Чеченская, Марий Эл; Курганская, Астраханская, Оренбургская области; Ямало-Ненецкий автономный округ	Пензенская***, Ульяновская, Тюменская, Самарская, Саратовская, Волгоградская, Кировская области; Республики: Башкортостан, Удмуртская, Крым, Чувашская, Кабардино-Балкарская, Дагестан*; Пермский, Краснодарский, Ставропольский* края; г. Севастополь; Ханты-Мансийский автономный округ — Югра*	Нижегородская, Свердловская, Челябинская, Ростовская** области; Республика Татарстан**
<i>Сибирский, Дальневосточный федеральные округа</i>		
Магаданская**, Сахалинская**, Амурская области; Камчатский**, Забайкальский края; Республики: Тыва, Алтай, Хакасия	Томская***, Омская, Иркутская, Кемеровская* области; Приморский, Красноярский, Хабаровский, Алтайский края; Республики: Саха (Якутия), Бурятия	Новосибирская область

*Примечание:* \*0,090—1,000 человек на 1000 жителей; \*\*1,001—4,000 человек на 1000 жителей; \*\*\*4,001—16,772 человек на 1000 жителей.

Среди регионов, в которых численность научных кадров составляет 27—1000 человек, относительный показатель равен 1,090—1,000 человеку на тысячу жителей, однако часть регионов по относительному показателю сравнима с субъектами, более обеспеченными человеческими ресурсами (например, Магаданская, Сахалинская, Орловская области, Республики Тыва, Мордовия, Карачаево-Черкесская, Камчатский край). Регионы второй группы демонстрируют численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками — 1,001—4,000 человека на 1000 жителей, однако показатели Томской, Калужской, Ярославской, Пензенской областей соответствуют третьей группе. Третью группу с численностью научных кадров 4,001—16,772 человека на тысячу жителей составляют 12 регионов во главе с г. Москвой, г. Санкт-Петербургом, Нижегородской и Московской областями.

Рисунок 2 характеризует численность и динамику численности исследователей с учеными степенями в регионах России. На первом месте по количеству исследователей с учеными степенями находится г. Москва. В группу с высоким кадровым потенциалом входят также г. Санкт-Петербург, Новосибирская, Томская, Московская и Магаданская области. Наибольший прирост численности исследователей с учеными степенями с 2010 года зафиксирован в Липецкой области и Алтайском крае (155 и 135 % соответственно). Напротив, наиболее интенсивную убыль количества исследователей с учеными степенями демонстрируют Тверская, Калужская, Амурская, Сахалинская, Псковская области; Чеченская Республика и Ханты-Мансийский автономный округ — Югра. Корреляция между количеством исследователей со степенями и их изменением отсутствует, однако среди регионов с наибольшим количеством исследователей существует тенденция к снижению исследователей с учеными степенями.

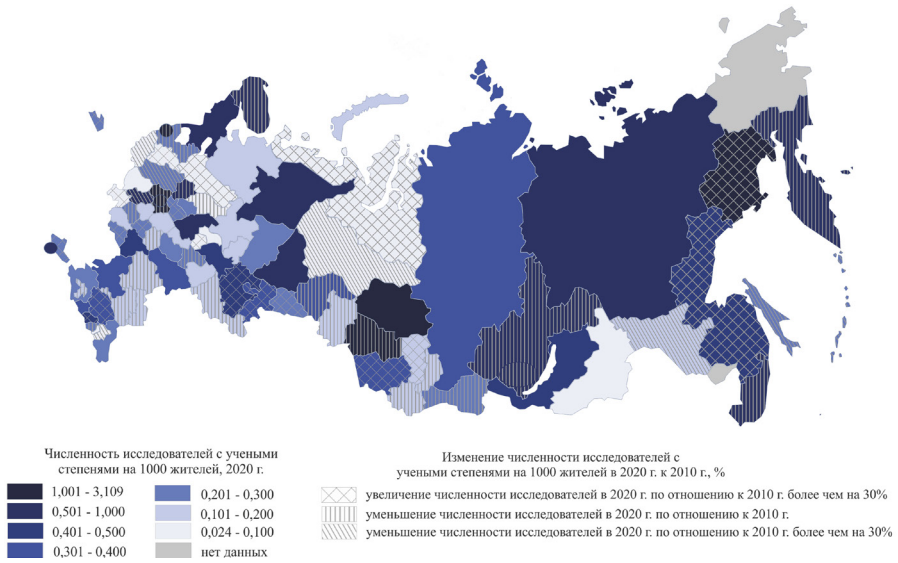


Рис. 2. Численность и динамика численности исследователей с учеными степенями в регионах РФ на 1000 жителей, 2010—2020 годы [11; 12]

В отличие от кадрового потенциала объем финансирования науки в России растет ежегодно. Так, внутренние затраты на научные исследования и разработки с 2010 года увеличились более чем в два раза, а среднегодовой прирост объема финансирования составляет 8,5%. На рисунке 3 представлено распределение регионов России по объему внутренних затрат на научные исследования и разработки. Распределение затрат из расчета на 1000 жителей демонстрирует схожие положения лидирующих субъектов по обоим показателям. На первых строках рейтинга располагаются г. Москва, Нижегородская область, г. Санкт-Петербург, Московская область.

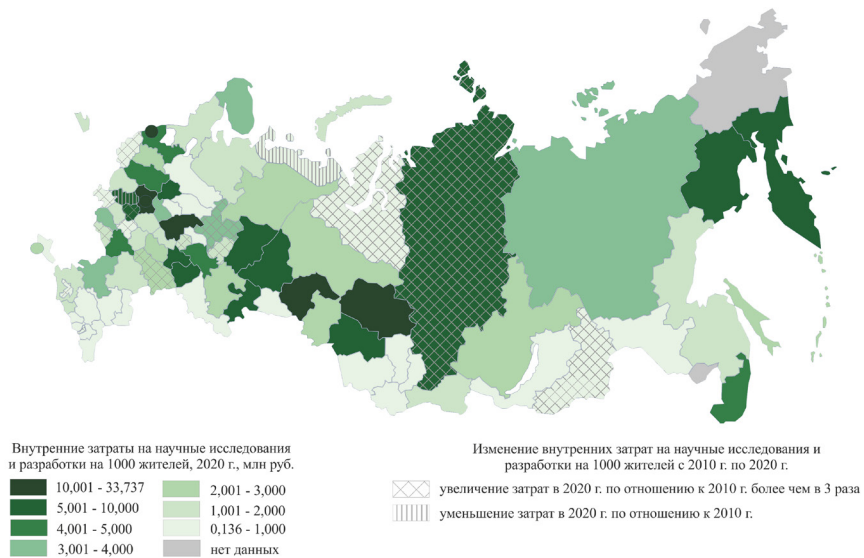


Рис. 3. Объем и динамика внутренних затрат на научные исследования и разработки на 1000 жителей, 2010—2020 годы [11; 12]

В большинстве регионов зафиксирован рост внутренних затрат на научные исследования и разработки. Исключение составляют Калужская область (убыль финансирования –9,7% в 2020 году по сравнению с 2010 годом) и Ненецкий автономный округ (–19,6%). Наибольшие показатели среднегодового прироста затрат демонстрируют Ямало-Ненецкий автономный округ, г. Севастополь, Липецкая область, Республика Крым, Республика Ингушетия, Псковская область. В остальной части регионов среднегодовой прирост внутренних затрат составил менее 20%.

В таблице 3 представлено распределение субъектов России по абсолютным и относительным показателям затрат на научные исследования и разработки. В первую группу входят 27 субъектов с наименьшим объемом затрат, однако в Магаданской области в 2020 году было затрачено 5,836 млн из расчета на 1000 жителей, что относит регион к третьей группе. Также в третью группу по относительному объему затрат попали Калужская, Тульская, Ярославская области и Камчатский край.

Таблица 3

**Распределение регионов России по объему внутренних затрат на научные исследования и разработки, абсолютные и относительные показатели, млн руб., 2020 год**

32,1 – 1000,0 / 0,136 – 1,000 в расчете на 1000 жителей	1000,0 – 10 000,0 / 1,001 – 5,000 в расчете на 1000 жителей	10 000,1 – 427 329,3 / 5,001 – 33,737 в расчете на 1000 жителей
<i>Центральный, Северо-Западный федеральные округа</i>		
Вологодская, Ивановская, Орловская**, Брянская, Псковская, Костромская области; Ненецкий автономный округ	Ленинградская, Тверская, Тульская***, Курская, Ярославская***, Калужская***, Смоленская, Владимирская, Тамбовская, Белгородская, Мурманская, Калининградская, Архангельская, Рязанская, Новгородская, Липецкая* области; Республика Коми	г. Москва, г. Санкт-Петербург; Московская, Воронежская** области
<i>Южный, Приволжский, Северо-Кавказский, Уральский федеральные округа</i>		
Оренбургская, Курганская, Астраханская области; Республики: Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская**, Чеченская, Северная Осетия – Алания, Адыгея, Марий Эл, Калмыкия, Ингушетия; Ямало-Ненецкий автономный округ	Саратовская, Волгоградская, Пензенская, Кировская области; Краснодарский, Ставропольский* края; Республики: Чувашская, Удмуртская, Крым*, Дагестан*, Мордовия; Ханты-Мансийский автономный округ – Югра; г. Севастополь	Нижегородская, Самарская, Челябинская, Тюменская, Свердловская, Ростовская**, Ульяновская; Республики: Татарстан**, Башкортостан**»; Пермский край
<i>Сибирский, Дальневосточный федеральные округа</i>		
Магаданская***, Амурская области; Республики: Бурятия, Тыва**, Алтай, Хакасия; Забайкальский край	Иркутская, Омская, Сахалинская, Кемеровская* области; Хабаровский, Алтайский*, Камчатский** края; Республика Саха (Якутия)	Новосибирская, Томская области; Красноярский край

Доля внутренних затрат на научные исследования и разработки от ВРП слабо коррелирует с общим объемом затрат. На первом месте располагается Нижегородская область, где на исследование и разработки в 2020 году было потрачено 5,5% от ВРП, в то время как по натуральному значению она находится на четвертом месте, уступая г. Москве, Московской области и г. Санкт-Петербургу (рис. 4). В большей части всех регионов России доля внутренних затрат на науку к ВРП ниже 1,0%.

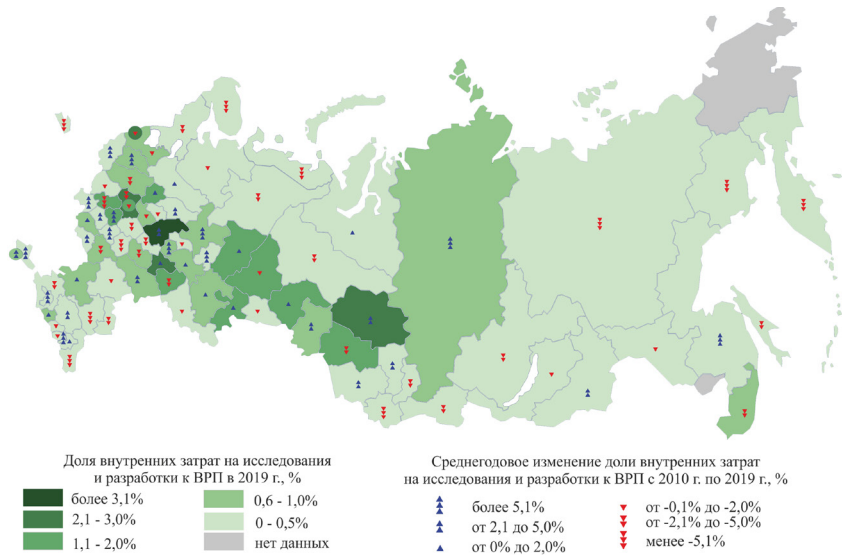


Рис. 4. Доля и динамика внутренних затрат на научные исследования и разработки к ВРП, 2010—2019 годы [11; 12; ЕМИСС<sup>1</sup>]

На рисунке 5 представлено распределение регионов по количеству публикаций, индексируемых в изданиях базы данных Scopus в расчете на 1000 жителей региона. В 2020 году лидерами по общему числу публикаций стали Томская область, г. Москва, Новосибирская область, г. Санкт-Петербург и Свердловская область. Положительная динамика изменения количества публикаций была зафиксирована во всех регионах Российской Федерации, однако наиболее интенсивный рост демонстрируют Ямало-Ненецкий автономный округ, Чеченская Республика, Кировская область, Республика Адыгея, Республика Хакасия.

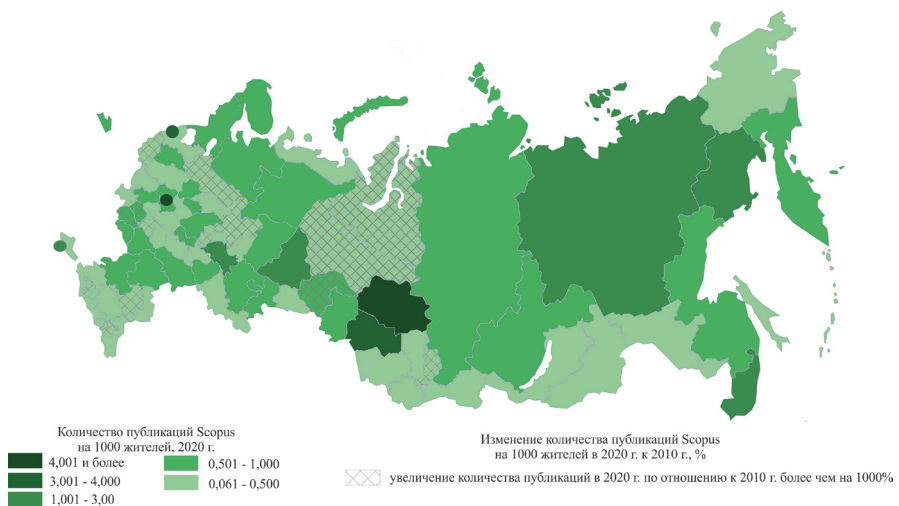


Рис. 5. Объем и динамика количества научных публикаций, индексируемых в базе данных Scopus, на 1000 жителей, 2010—2020 годы [11; 12; Scopus<sup>2</sup>]

<sup>1</sup> Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС), 2019, URL: <https://www.fedstat.ru/> (дата обращения: 15.04.2020).

<sup>2</sup> Scopus, 2010—2020, URL: <https://www.scopus.com> (дата обращения: 15.04.2020).

На рисунке 6 представлено распределение регионов России по количеству используемых передовых производственных технологий в расчете на 1000 жителей региона в 2020 году. Так, наибольшее количество используемых технологий зафиксировано в высокоразвитом сырьевом регионе — Ямало-Ненецком автономном округе, а также в таких промышленных регионах, как Пермский край, Владимирская область и Удмуртская Республика.

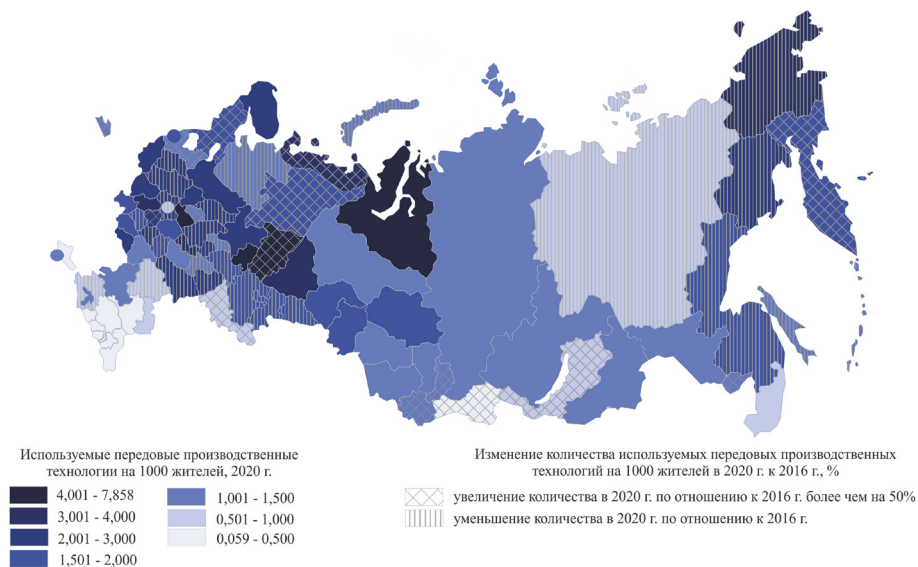


Рис. 6. Объем и динамика изменения количества используемых передовых производственных технологий на 1000 жителей, 2010—2020 годы [11; 12]

Таким образом, собранные данные включают в себя ряд ключевых показателей научно-технического потенциала региона, таких как обеспеченность кадровыми ресурсами с учетом квалификации исследователей, затраты на научные исследования и разработки, показатели публикационной активности, а также используемые передовые производственные технологии на уровне регионов России.

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №20-35-90055 «Оценка места российских научных и образовательных организаций в национальном и международном наукометрическом пространстве как фактор выявления закономерностей территориального распределения интеллектуального капитала».*

## Список литературы

1. Золотухина, А. В., Франц, М. В. 2012, Оценочно-прогнозная модель научно-технического потенциала региона, *Экономика региона*, № 1 (29), с. 211—221. doi: <https://doi.org/10.17059/2012-1-20>.
2. Кондаков, И. А., Задумкин, К. А. 2010, *Научно-технический потенциал региона: оценка состояния и перспективы развития*, Вологда, Институт социально-экономического развития территорий РАН, 205 с.
3. Гулин, К. А., Мазилев, Е. А., Кузьмин, И. В. и др. 2017, *Проблемы и направления развития научно-технологического потенциала территорий*, Вологда, ИСЭРТ РАН, 123 с.
4. Ali, M. A. 2021, Modeling regional innovation in Egyptian governorates: Regional knowledge production function approach, *Regional Science Policy and Practice*, p. 1—21. doi: <https://doi.org/10.1111/rsp3.12450>.

5. De Matos, C. M., Goncalves, E., Freguglia, R. D. S. 2021, Knowledge diffusion channels in Brazil: The effect of inventor mobility and inventive collaboration on regional invention, *Growth and Change*, № 52 (2), p. 909–932. doi: <https://doi.org/10.1111/grow.12467>.

6. Kim, Y., Lee, K. 2015, Different Impacts of Scientific and Technological Knowledge on Economic Growth: Contrasting Science and Technology Policy in East Asia and Latin America, *Asian Economic Policy Review*, № 10 (1), p. 43–66. doi: <https://doi.org/10.1111/aepr.12081>.

7. Qin, X., Du, D. 2019, A comparative study of the effects of internal and external technology spillovers on the quality of innovative outputs in China: The perspective of multistage innovation, *International Journal of Technology Management*, № 80 (3–4), p. 266–291. doi: <https://doi.org/10.1504/IJTM.2019.100287>.

8. Vadia, R., Blankart, K. 2021. Regional Innovation Systems of Medical Technology: A knowledge production function of cardiovascular research and funding in Europe, *Region*, № 8 (2), p. 57–81. doi: <https://doi.org/10.18335/region.v8i2.352>.

9. Михайлов, А. С., Кузнецова, Т. Ю., Пекер, И. Ю. 2019, Методы пространственной наукометрии в оценке неоднородности инновационного пространства России, *Перспективы науки и образования*, № 5 (41), с. 549–563. doi: <https://doi.org/10.32744/pse.2019.5.39>.

10. Михайлова, А. А., Вендт, Я. А., Плотникова, А. П. и др. 2021, Наукометрический анализ пространственной дифференциации генерации научного знания в приграничных городах России, *Известия Российской академии наук. Серия географическая*, т. 85, № 4, с. 500–514. doi: <https://doi.org/10.31857/S2587556621040075>.

11. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018, 2018. Росстат, P32, М., 1162 с.

12. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021, 2021, Росстат, P32., М., 1112 с.

## Об авторе

**Ирина Юрьевна Пекер**, младший научный сотрудник, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: [ipeker@kantiana.ru](mailto:ipeker@kantiana.ru)

<https://orcid.org/0000-0002-5701-7538>



ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

# CHANGING SIGNIFICANCE OF RUSSIAN REGIONS' RESEARCH AND TECHNOLOGY CAPACITY COMPONENTS

**I. Yu. Pekar**

Immanuel Kant Baltic Federal University  
14 A. Nevski St., Kaliningrad, 236016, Russia

Received 24.05.2022  
doi: 10.5922/2078-8555-2022-3-9  
© Pekar, I. Yu., 2022

*This article offers data that can be used in comparative studies of research and technology capacity at the level of Russian regions. The database comprises six indicators of the development of personnel-related and financial components of a national research and technology system and research results as evinced in research publications and advanced manufacturing technologies that appeared in 2010–2020. This set of interconnected indicators makes it possible to evaluate Russian regions' research and technology capacity and research output,*

**To cite this article:** Pekar, I. Yu. 2022, Changing significance of Russian regions' research and technology capacity components, *Balt. Reg.*, Vol. 14, no 3, p. 165–176. doi: 10.5922/2078-8555-2022-3-9.

which affect the degree of development of the innovative environment. The data on regional research output may be of assistance to further regional socio-economic research. The data set includes statistical indicators for 85 Russian regions for 2010–2020, as reported by ROSSTAT. The data on the number of publications and variations therein were obtained from Scopus, the largest unified curated multidisciplinary abstract and citation database. The results are presented as tables and cartographical materials (three tables and six map charts).

### Keywords:

research and technology potential, geography of science, scientometrics, research staff, R&D financing

### References

1. Zolotukhina, A. V. 2012, Estimated and predictive model of the scientific and technical potential of the region, *Ekonomika regiona* [Economy of Regions], № 1(29), p. 211–221. doi: <https://doi.org/10.17059/2012-1-20>.
2. Kondakov, I. A., Zadumkin, K. A. (eds.) 2010, *Nauchno-tekhnicheskii potentsial regiona: otsenka sostoyaniya i perspektivy razvitiya* [Scientific and technical potential of the region: assessment of the state and development prospects], Vologda.
3. Gulin, K. A., Mazilov, E. A., Kuz'min, I. V., et al. (eds.) 2017, *Problemy i napravleniya razvitiya nauchno-tekhnologicheskogo potentsiala territorii* [Problems and directions of development of the scientific and technological potential of the territories], Vologda.
4. Ali, M. A. 2021, Modeling regional innovation in Egyptian governorates: Regional knowledge production function approach, *Regional Science Policy and Practice*, p. 1–21. doi: <https://doi.org/10.1111/rsp3.12450>.
5. De Matos, C. M., Goncalves, E., Freguglia, R. D. S. 2021, Knowledge diffusion channels in Brazil: The effect of inventor mobility and inventive collaboration on regional invention, *Growth and Change*, vol. 52, № 2, p. 909–932. doi: <https://doi.org/10.1111/grow.12467>.
6. Kim, Y., Lee, K. 2015, Different Impacts of Scientific and Technological Knowledge on Economic Growth: Contrasting Science and Technology Policy in East Asia and Latin America, *Asian Economic Policy Review*, vol. 10, № 1, p. 43–66. doi: <https://doi.org/10.1111/aep.12081>.
7. Qin, X., Du, D. 2019, A comparative study of the effects of internal and external technology spillovers on the quality of innovative outputs in China: The perspective of multistage innovation, *International Journal of Technology Management*, vol. 80, № 3-4, p. 266–291. doi: <https://doi.org/10.1504/IJTM.2019.100287>.
8. Vadia, R., Blankart, K. 2021, Regional Innovation Systems of Medical Technology: A knowledge production function of cardiovascular research and funding in Europe, *REGION*, vol. 8, № 2, p. 57–81. doi: <https://doi.org/10.18335/region.v8i2.352>.
9. Mikhaylov, A. S., Kuznetsova, T. Y., Peker, I. Y. 2019, Methods of spatial scientometrics in assessing the heterogeneity of the innovation space of Russia, *Perspektivy Nauki i Obrazovaniya*, vol. 41, № 5, p. 549–563. doi: <https://doi.org/10.32744/pse.2019.5.39>.
10. Mikhaylova, A. A., Wendt, J. A., Plotnikova, A. P. et al. 2021, A spatial scientometric analysis of knowledge production in the border cities of Russia, *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*, vol. 85, № 4, p. 500–514. doi: <https://doi.org/10.31857/S2587556621040075>.
11. *Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2018* [Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2018], 2018, Moscow, Rosstat.
12. *Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2021* [Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2021], 2021, Moscow, Rosstat.

### The author

Irina Yu. Peker, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: [ipeker@kantiana.ru](mailto:ipeker@kantiana.ru)

<https://orcid.org/0000-0002-5701-7538>





# ТРЕБОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН»

## Правила публикации статей в журнале

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.

2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других печатных изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в каком-либо издании без согласия редакции.

4. Все присланные в редакцию работы проходят **двойное «слепое» рецензирование**, а также проверку системой «Антиплагиат», по результатам которых принимается решение о возможности включения статьи в журнал.

5. Плата за публикацию рукописей не взимается.

6. Статья направляется в редакцию журнала выпускающему редактору Татьяне Юрьевне Кузнецовой по e-mail: [tikuznetsova@kantiana.ru](mailto:tikuznetsova@kantiana.ru) или [tikuznetsova@gmail.com](mailto:tikuznetsova@gmail.com)

7. Решение о публикации (или отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

## Комплектность и форма представления авторских материалов

1. Статья должна содержать следующие элементы:

1) название статьи на русском и английском языках (*до 12 слов*);

2) аннотацию на русском и английском языках (*150–250 слов*), оформленную в соответствии с международными стандартами и включающую:

- актуальность исследования;
- цель научного исследования;
- описание методологии исследования;
- основные результаты, выводы исследовательской работы.

В аннотации не должен повторяться текст самой статьи (нельзя брать предложения из статьи и переносить их в аннотацию), а также ее название. В ней не должно быть цифр, таблиц, внутритекстовых сносок и т. д.;

4) ключевые слова на русском и английском языках (*4–8 слов*);

5) список литературы (*не менее 30 источников*);

6) пристатейные библиографические списки оформляются на русском языке (в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. — 2008) и **на латинице** (Harvard System of Referencing Guide);

7) сведения об авторах на русском и английском языках (Ф. И. О. полностью, ученые степени, звания, должность, место работы (организация, город, страна), почтовый адрес, e-mail, ORCID);

8) сведения о языке текста, с которого переведен публикуемый материал.

## **Общие правила оформления текста**

---

Авторские материалы должны быть подготовлены **в электронной форме** в формате листа А4 (210 × 297 мм).

Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате *doc* и *docx* (Microsoft Office).

Подробная информация о правилах оформления текста, в том числе таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы, размещена на сайте «Единая редакция научных журналов БФУ им. И. Канта» <http://journals.kantiana.ru>.

# BALTIC REGION

2022  
Volume 14  
№ 3

Kaliningrad :  
I. Kant Baltic Federal  
University Press, 2022.  
180 p.

The journal  
was established in 2009

*Frequency:*  
quarterly  
in the Russian and English  
languages per year

*Founders*  
Immanuel Kant Baltic  
Federal University  
Saint Petersburg  
State University

*Editorial Office*  
Address:  
14 A. Nevskogo St.,  
Kaliningrad, Russia, 236016

*Managing editor:*  
Tatyana Kuznetsova  
tikuznetsova@kantiana.ru  
Tel.: +7 4012 59-55-43  
Fax: +7 4012 46-63-13  
www.journals.kantiana.ru

© I. Kant Baltic Federal  
University, 2022

## Editorial council

Prof. **Andrei P. Klemeshev**, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia (Editor in Chief); Prof. **Gennady M. Fedorov**, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia (Deputy Chief Editor); Prof. Dr **Joachim von Braun**, University of Bonn, Germany; Prof. **Irina M. Busygina**, Saint Petersburg Branch of the Higher School of Economic Research University, Russia; Prof. **Aleksander G. Druzhinin**, Southern Federal University, Russia; Prof. **Mikhail V. Ilyin**, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Russia; Dr **Pertti Joenniemi**, University of Eastern Finland, Finland; Dr **Nikolai V. Kaledin**, Saint Petersburg State University, Russia; Prof. **Konstantin K. Khudolei**, Saint Petersburg State University, Russia; Prof. **Frederic Lebaron**, Ecole normale superieure Paris-Saclay, France; Prof. **Vladimir A. Kolosov**, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Russia; Prof. **Gennady V. Kretinin**, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia; Prof. **Vladimir A. Mau**, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia; Prof. **Andrei Yu. Melville**, National Research University — Higher School of Economics, Russia; Prof. **Nikolai M. Mezhevich**, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Russia; Prof. **Peter Oppenheimer**, Oxford University, United Kingdom; Prof. **Tadeusz Palmowski**, University of Gdansk, Poland; Prof. **Andrei E. Shastitko**, Moscow State University, Russia; Prof. **Aleksander A. Sergunin**, Saint Petersburg State University, Russia; Prof. **Eduardas Spiriajevas**, Klaipeda University, Lithuania; Prof. **Daniela Szymańska**, Nicolaus Copernicus University in Torun, Poland; Dr **Viktor V. Voronov**, Daugavpils University, Latvia.

## CONTENTS

---

### **Economic geography**

---

*Martynov, V.L., Subetto, D.A., Brylkin, V.V., Grekov, I.M., Kublicky, Yu. A., Orlov, A.V., Sazonova, I.Ye., Sokolova, N.V.* The ‘Route from the Varangians to the Greeks’: truth or fiction ..... 4

*Axenov, K.E., Kraskovskaya, O.V., Renni, F.M.* Spatial organisation of the new forms of e-grocery and ready-made food trade in a large Russian city ..... 28

### **International relationships**

---

*Musaev, V.I.* “Polish Question” in Lithuania and Problems of Polish-Lithuanian Relations at the Turn of the Century ..... 49

*Zverev, Yu.M., Mezhevich, N.M.* The Republic of Belarus and the Kaliningrad region of Russia as a sub-regional security complex ..... 64

### **Society**

---

*Balakina, J.V.* COVID-19 pandemic in Germany: information campaign, media, society ..... 83

*Voloshenko, K.Yu., Lialina, A.V.* Attractiveness of the Kaliningrad region: pull factors and reasons of disappointments of migrants from Russian regions ..... 102

*Poliakov, S.I.* Lifestyles of Kaliningrad youth ..... 129

*Mankevich, D.V.* Demographic development processes in the history of the Kaliningrad region: national trends and regional specifics ..... 145

### **Data article**

---

*Peker, I.Yu.* Changing significance of Russian regions’ research and technology capacity components ..... 165

*Научное издание*

# **БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН**

—  
**2022**

**Том 14**

**№ 3**

Редактор *Е. Т. Иванова*  
Корректор *Е. А. Алексеева*  
Компьютерная верстка *Е. В. Денисенко*

Подписано в печать 31.08.2022 г.  
Формат 70 × 108 <sup>1</sup>/<sub>16</sub>. Усл. печ. л. 15,8  
Тираж 300 экз. (1-й завод 100 экз.). Заказ 89  
Свободная цена

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта  
236001, г. Калининград, ул. Гайдара, 6